94 3/205
18327 Ч
ПРОВЕРЕНО

СКРИЖАЛЬ

СБОРНИКЪ

ПЕРВЫЙ

С 45,5.
ЧИТАЛЬНЯ
МОСК. ГОР. Б. БИБЛИОТЕКА
ЧИТАЛЬНЯ
Проверено 1933 г.

1918.

Институт Мировой Литературы
— КАБИНЕТ —
творчества А.М.Горького
им. А.М. Горького
11053.
Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1343662 М

Типографія «ДОМЪ ПЕЧАТИ» Петроградъ, В. О., 16 л. д., 5—7

Каждая книга — скрижаль,
заповѣдь Жизни—пророка...

Ив. Бунинъ

КОНЕЦЪ

КОНЕЦЪ.

Князь умеръ передъ вечеромъ двадцать девятаго августа. Умеръ, какъ жилъ,—въ полномъ одиночествѣ.

Солнце, золотясь передъ закатомъ, не разъ заходило въ легкія смуглыя тучки, островами раскинутыя надъ дальними полями на западѣ. Вечеръ былъ простой, спокойный. На широкомъ дворѣ усадьбы было пусто, въ домѣ, какъ будто еще болѣе обветшавшемъ за лѣто, очень тихо.

Нищіе, бродившіе по деревнѣ, раньше всѣхъ узнали о смерти князя. Они появились возлѣ разрушенныхъ каменныхъ столбовъ при въѣздѣ въ усадьбу и вдругъ нестройно, разными голосами запѣли древній духовный стихъ про исходъ души изъ тѣла. Ихъ было трое: рябой парень въ лазоревой рубахѣ съ укороченными рукавами, старикъ, очень прямой и высокій, и загорѣлая дѣвочка, лѣтъ пятнадцати, но уже мать. Она стояла съ соннымъ ребенкомъ на рукахъ, державшимъ во рту сосокъ ея маленькой груди и пѣла звонко и безстрастно. Мужики были оба слѣпы, съ бѣльмами; у нея глаза были чистые, темные.

Въ домѣ хлопали двери. Наташа выскочила на парадное крыльцо и вихремъ понеслась черезъ дворъ къ люд-

ской избѣ; изъ растворенного дома слышно было, какъ стѣнные часы медлительно и спокойно пробили шесть. А черезъ минуту по двору уже бѣжалъ и на бѣгу попадалъ въ рукавъ армяка работникъ — сѣдлать лошадь, скакать на деревню за старухами. Гостившая въ усадьбѣ Анюта, похожая своей стриженой головой на мальчика, высунулась въ окошечко людской и, захлопавъ въ ладоши, что-то закричала ему вслѣдъ—тупо, косноязычно и восторженно.

Когда молодой Бестужевъ вошелъ къ умершему, онъ лежалъ навзничь, на старинной кровати орѣховаго дерева, подъ старымъ одѣяломъ изъ краснаго атласа, съ разстегнутымъ воротомъ ночной рубашки, полузакрывъ неподвижные, какъ бы хмѣльные глаза и откинувъ на подушку темное, поблѣднѣвшее, давно не бритое лицо съ большими сѣдѣющими усами. Ставни въ этой комнатѣ были по его желанію закрыты почти все лѣто,—теперь ихъ открывали. На комодѣ возлѣ кровати желто горѣла свѣча. Склонивъ къ плечу голову, съ бьющимся сердцемъ, Бестужевъ жадно всматривался въ то странное, уже холодѣвшее, что тонуло въ постели и что еще называлось княземъ.

Ставни раскрывались одна за другою. Въ окна, сквозь темныя вѣтви стараго хвойнаго палисадника, вдругъ глянулъ далекій закатъ, оранжево догоравшій въ тучкахъ. Бестужевъ, отойдя отъ умершаго, распахнулъ одно изъ этихъ оконъ. Въ комнату, въ застоявшійся, сложный запахъ лекарствъ, ощутительно потянуло чистымъ воздухомъ. Вошла заплаканная Наташа и стала выносить вонъ все то, что князь, съ недѣлю тому назадъ, внезапно охваченный какой-то тревожной жадностью, приказалъ перетаскать къ нему и разложить передъ его глазами на столахъ и креслахъ: старое казацкое сѣдло, уздечки, ружья, мѣдный охотничій рогъ, собачьи смычки, патронташъ. Уже не стѣсняясь стучать, звенѣть удилами и стремя о стремя, она дѣлала дѣло съ твердымъ и строгимъ лицомъ, сильно дунула, проходя мимо комода, на свѣчу... Князь былъ неподвиженъ и неподвижны были его полуприкрытые, какъ бы слегка косившіе глаза. Вечернее сухое тепло, смѣшанное со свѣжестью отъ рѣки, наполняло комнату. Солнце потухло, все поблекло. Хвоя палисадника сухо темнѣла на прозрачномъ, сверху зеленоватомъ, ниже шафранномъ морѣ далекаго

запада. Щебетала за окномъ какая-то птичка, и щебетъ ея казался очень рѣзокъ.

— Чего жалѣть, — серьезно сказала Наташа, опять входя и отодвигая ящикъ комода, вынимая оттуда чистое бѣлье, простыню и наволочку на подушку.—Умерли смирно, всѣмъ такъ дай Богъ. А жалѣть ихъ некому, никого послѣ себя не оставили,—прибавила она и опять вышла.

Бестужевъ, присѣвъ на подоконникъ, все глядѣлъ въ темный уголъ, на постель, гдѣ лежалъ умершій. Онъ все старался что-то понять, собрать мысли, ужаснуться. Но ужаса не было. Было только ощущеніе удивленности, невозможности осмыслить, охватить происшедшее. Неужели тотъ, кто лежитъ тамъ, въ этомъ углу, уже ничего не видитъ, ничего не слышитъ? Неужели все разрѣшилось и теперь можно говорить въ этой спальнѣ такъ свободно, какъ говоритъ Наташа? Впрочемъ, подумалъ Бестужевъ, она говорила о князѣ съ той же свободой,—какъ о человѣкѣ, уже вышедшемъ изъ круга живыхъ,—и раньше, весь послѣдній мѣсяцъ.

Со двора, изъ сумрака, слабо и необыкновенно пріятно пахло дымомъ. Это успокаивало, говорило о землѣ, о продолжающейся, простой человѣческой жизни. Въ стемнѣвшихъ лугахъ, на рѣкѣ, ровно шумѣла водяная мельница... Недѣлю тому назадъ князь сидѣлъ возлѣ ея воротъ, на старомъ жерновѣ,—въ шапкѣ, въ лисьей поддевкѣ, худой и темноликій, согнувшись и упершись руками въ сѣрый ноздреватый камень. Старикъ, который привезъ смолоть нѣсколько мѣръ нóвины, щурясь, исподлобья посмотрѣлъ на него, развертывая веретье.—„А ужъ и худъ ты!—холодно и пренебрежительно сказалъ онъ князю, хотя прежде всегда говорилъ съ нимъ почтительно.—Прямо никуда! Нѣтъ, теперь тебѣ житья немного. Тебѣ лѣтъ семьдесятъ будетъ?“—„Пятьдесятъ первый,—сказалъ князь.—Да что ты, не знаешь меня развѣ?“—„Пятьдесятъ первый!—насмѣшливо сказалъ старикъ, возясь съ веретьемъ.—Не можетъ того быть,—твердо сказалъ онъ,—ты на много старьше меня“.—„Вотъ дуракъ,—усмѣхнувшись, сказалъ князь,—да вѣдь мы росли вмѣстѣ“.—Ну, росли, не росли, а житья тебѣ теперь немного“—сказалъ старикъ, натуживаясь, и, приподнявъ и прижимая къ груди тяжелую, полную рожью мѣру, по-

спѣшно, присѣдая, пошелъ въ шумящую, бѣлую отъ муки мельницу...

— Теперь уходите, барчукъ, — безстрастно, но значительно сказала Наташа, входя съ ведромъ горячей воды.

И отъ этого ведра, отъ этихъ словъ Бестужеву вдругъ стало страшно. Онъ поднялся съ подоконника и, не глядя на Наташу, вышелъ черезъ прихожую, прилегавшую къ комнатѣ покойнаго, на черное крыльцо. Въ сумракѣ возлѣ крыльца мыли руки пріѣхавшія съ деревни старухи, Евгенія и Агафья; одна поливала, другая, согнувшись, захвативъ въ колѣни подолъ темнаго платья, мыла и крѣпко отжимала, встряхивала пальцы. Это было еще страшнѣе. Бестужевъ быстрыми шагами прошелъ мимо нихъ, въ сухой, уже порѣдѣвшій къ осени, садъ, таинственно освѣщенный по низамъ только что показавшимся среди дальнихъ стволовъ круглымъ, огромнымъ, зеркальнымъ мѣсяцемъ...

Въ девятомъ часу въ комнатѣ, гдѣ умеръ князь, все пришло въ порядокъ, было прибрано, тепло пахло вымытыми полами. На столахъ, поставленныхъ наискось въ передній уголъ, подъ старинные образа, возлѣ окна, верхнее стекло котораго серебрилось отъ мѣсячнаго свѣта, возвышалось подъ простыней тѣло, казавшееся очень большимъ. Три толстыхъ свѣчи въ церковныхъ высокихъ подсвѣчникахъ горѣли въ головахъ его прозрачно, дрожали хрустальнымъ чадомъ. Тишка, сынъ церковнаго сторожа Семена, умытый, причесанный на косой рядъ, въ новой поддевкѣ, звонко и поспѣшно читалъ псалтырь.—„Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ, — читалъ онъ звонко и жалостно, подражая кому-то.—Хвалите Его, всѣ ангелы Его, хвалите Его, всѣ воинства Его...“ Темно и чадно дрожали на толстыхъ желтыхъ свѣчахъ прозрачныя копья пламени, золотыя, съ ярко-синимъ основаніемъ.

Въ домѣ огонь былъ только въ лакейской. Тамъ, подъ окномъ стоялъ столъ, на столѣ кипѣлъ самоваръ. Блѣдная и серьезная, въ черномъ платочкѣ, Наташа, Евгенія, похожая на смерть, и печально-скромная Агафья, плотникъ Григорій, уже начавшій въ сараѣ дѣлать гробъ, и церковный сторожъ Семенъ, худой старикъ съ тусклыми свинцовыми глазами, испорченными постояннымъ чтеніемъ при дрожащемъ свѣтѣ, по покойникамъ, пили чай. Семенъ, ко-

торый долженъ былъ смѣнить сына, принесъ съ собой свою собственную книгу, очень старую, въ грубой, какъ бы деревянной кожѣ бураго цвѣта, закапанную воскомъ, съ обожженными кое-гдѣ углами страницъ.

— А какъ ни плохо живешь, все будетъ трудно съ бѣлымъ свѣтомъ разставаться,—печально говорила Агафья, наливая изъ чашки въ блюдечко.

— Извѣстно, трудно,—сказалъ Григорій.—Кабы зналъ, и жилъ бы не такъ, все бы имущество истребилъ. А то боимся имѣніе свое распустить, все думаешь, подъ старость дѣться будетъ некуда... А глядишь — и до старости не дожилъ!

— Наша жизнь какъ волна бѣжитъ,—сказалъ Семенъ.—Смерть, ее, сказано, надо встрѣчать съ радостью и трепетомъ.

— Съ трепетомъ, не съ трепетомъ, а умирать никому не хочется, — сказалъ Григорій. — Всякая козявка, и та смерти боится. Тоже, значитъ, и у нихъ души есть.

— Не души, батюшка, а дуси,—наставительно сказала Евгенія.

Кончивъ послѣднюю чашку, Семенъ мотнулъ головой, откидывая со лба вспотѣвшіе темносѣрые волосы, всталъ, перекрестился, захватилъ псалтырь и на цыпочкахъ пошелъ черезъ темный залъ, черезъ темную гостиную къ покойнику.

— Ступай, ступай, дорогой, — сказалъ ему вслѣдъ Евгенія. — Да поприлежнѣй читай. Когда кто хорошо читаетъ, грѣхи съ грѣшника какъ листья съ сухого дерева валятся.

Смѣняя Тишку, Семенъ надѣлъ очки и, строго глядя черезъ нихъ, мягко обобралъ пальцами воскъ съ оплывшихъ свѣчей, потомъ развернулъ на аналоѣ свою книгу, крѣпко уперся ладонью лѣвой руки въ край стола подъ покойникомъ и сталъ читать негромко, съ ласковой и грустной убѣдительностью, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предостерегающе повышая голосъ.

Дверь въ прихожую возлѣ чернаго крыльца была открыта. Читая, Семенъ слышалъ, какъ на крыльцѣ кто-то затопалъ ногами: пришли поглядѣть на покойника двѣ дѣвки, обѣ наряженныя, въ новыхъ крѣпкихъ башмакахъ. Онѣ вступили

въ комнату робко и радостно, шопотомъ переговариваясь. Крестясь и стараясь ступать нетвердо, одна изъ нихъ, дрожа грудью подъ новой розовой кофточкой, подошла къ столу, отвернула простыню съ лица князя. Блескъ свѣчей упалъ на кофточку, испуганное лицо дѣвки стало въ этомъ блескѣ блѣдно и красиво, а мертвое лицо князя засіяло какъ костяное. Большіе сѣдѣющіе усы, разросшіеся за болѣзнь, уже сквозили, въ глазахъ, не совсѣмъ закрытыхъ, темнѣла какая-то жидкость...

Тишка жадно курилъ въ сѣняхъ, поджидая выхода дѣвокъ. Онѣ проскользнули мимо него, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ его. Одна сбѣжала съ крыльца, другую, въ розовой кофточкѣ, онъ успѣлъ поймать. Она рванулась, зашептала:

— Ай ты угорѣлъ? Пусти! А то отцу скажу...

Тишка выпустилъ ее. Она побѣжала къ саду. Мѣсяцъ, уже небольшой, бѣлый, ясный, высоко стоялъ надъ темнымъ садомъ, и золотисто блестѣло въ его свѣтѣ старое, сухое желѣзо на крышѣ бани. Въ тѣни отъ сада дѣвка обернулась и, взглянувъ на небо, сказала:

— Ночь-то какая, — батюшки!

И очаровательно, съ радостной нѣжностью, прозвучалъ въ ночномъ тихомъ воздухѣ ея счастливый голосъ.

Бестужевъ ходилъ изъ конца въ конецъ по двору. Со двора, пустого, широкаго, освѣщеннаго мѣсяцемъ, онъ глядѣлъ на огоньки въ деревнѣ за рѣкою, на свѣтлыя окна людской, гдѣ слышались голоса ужинающихъ. Въ сараѣ были раскрыты ворота, горѣлъ разбитый фонарь, поставленный на козлы тарантаса. Григорій, наклонившись и отставивъ одну ногу, шмыгалъ фуганкомъ по тесинѣ, заправленной въ старый верстакъ князя. Отъ его движеній огонь въ фонарѣ дрожалъ, дрожали тѣни въ сумрачномъ сараѣ... Когда Бестужевъ на минуту пріостановился у воротъ сарая, Григорій поднялъ возбужденное лицо и весело, съ оттѣнкомъ ласковой гордости сказалъ, кивая на стоявшій возлѣ его ногъ длинный бѣлый ящикъ:

— Крышку ужъ додѣлываю...

Потомъ Бестужевъ постоялъ, облокотясь на раскрытое окно людской. Кухарка собирала со стола, надъ которымъ висѣла лампочка, остатки ужина, стирала съ него ветошкой.

Пастухи, подростки, укладывались спать: Митька, разутый, молился, стоя на нарахъ, устланныхъ свѣжей соломой, Ванька — среди избы. Рыжій лохматый печникъ, широконлечій и очень маленькій ростомъ, въ черной рубахѣ съ крапинками известки на ней, пришедшій съ деревни изъ-за рѣки, чтобы начать завтра поправлять стѣны внутри обвалившагося княжескаго склепа, вертѣлъ, сидя на лавкѣ, цигарку.

Анюта тупо, восторженно и косноязычно говорила съ печки:

— Вотъ и померъ, ваше сіятельство, въ голова ничего не положилъ... Такъ и не далъ мнѣ ничего... Нѣту да нѣту, погоди да погоди... Вотъ теперь и годи... Вотъ и годи! Годи теперь! Погодилъ, милый? Въ голова себѣ много положилъ? Понялъ теперь, что у тебя въ головахъ, глупый? А чтобы такъ-то дать рублика два, прикрыть мое тѣло! Я убогая, урода. Никого у меня нѣту. Ишь грудь-то!

И она распахнула кофту и показала голую грудь:

— Голая вся. Такъ-то, глупый! А я тебя въ старые годы любила, я объ тебѣ скучала, ты красивый былъ, веселый, ласковый, чистая барышня! Ты всю свою младость объ своей Людмилочкѣ убивался, а она тебя, глупый, только терзала, мучила да съ другимъ подъ вѣнецъ стала. Ты изъ-за ней весь свой вѣкъ сгубилъ, пьяницей сталъ, а я одна тебя вѣрно любила, да про то только моя думка знала! Я убогая, урода, а душа-то у меня, можетъ, ангельская-архангельская, я одна тебя любила, одна сижу радуюсь о твоей кончинѣ смертной...

И она радостно и дико засмѣялась и заплакала.

— Пойдемъ, Анюта, псалтырь читать, — громко сказалъ печникъ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми, съ дураками. — Пойдешь, не боишься?

— Дуракъ! Кабы ноги были цѣлы и пошла бы, ай плохо?— крикнула Анюта сквозь слезы. — Ихъ грѣхъ, покойниковъ-то, бояться. Они святые, пречистые!

— Я и не боюсь, — съ преувеличенной развязностью сказалъ печникъ, закуривая цигарку, загорѣвшуюся зеленымъ огнемъ. — Я съ тобой хоть на цѣльную ночь въ фамильный склепъ ляжу. А псалтырь читать, это, братъ, всякій пойдетъ. Водки сколько хочешь, харчи отличные... Самое первое удовольствіе, по моему счету!

Анюта, не слушая его, восторженно рыдала, утираясь кофтой. Не нарушая свѣтлаго и прекраснаго царства ночи, а только дѣлая его еще болѣе прекраснымъ, пали на дворъ легкія тѣни отъ шедшихъ на мѣсяцъ бѣлыхъ тучекъ, и мѣсяцъ, сіяя, катился и катился на нихъ въ глубинѣ чистаго неба, надъ блестѣвшей крышей темнаго стараго дома, гдѣ свѣтилось только одно крайнее окно — у изголовья почившаго князя.

И. Бунинъ.

АННА АХМАТОВА

ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО

ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО.

О спутникъ мой неосторожный,
Мой другъ ревнивый и тревожный,
Ты не пришелъ за мной сюда.
Сентябрь печаль и холода,
А возвращенье невозможно
Въ таинственные города—
Ихъ два, одинъ другому равенъ
Суровой красотой своей
И памятью священной славенъ.
Улыбкой освященъ твоей,
Несносенъ ты и своенравенъ,
Но почему то всѣхъ милѣй.
Мнѣ нестерпимо здѣсь томиться,
По четкамъ костянымъ молиться
И точно знать, что на обѣдъ
Ко мнѣ пріѣдетъ мой сосѣдъ.
Подумай, день идетъ за днемъ,
Снѣгъ выпалъ, къ вечеру растаетъ
И за послѣднимъ журавлемъ
Моя надежда улетаетъ.
Къ моей тоскѣ сосѣдъ пріученъ
И часто самъ вздыхаетъ онъ:
«Простите, грустенъ я и скученъ».
А въ самомъ дѣлѣ онъ влюбленъ.
Въ саду подъ шумъ березъ корельскихъ
О дняхъ мечтаю царскосельскихъ,
О долгихъ спорахъ, о стихахъ
И о плѣнительныхъ губахъ.
Но чувствую у локтя руку
Ведущаго меня домой

Институт Мировой Литературы
— КАБИНЕТ —
творчества А.М. Горького
им. А.М. Горького

И снова слышу, что со мной
Нельзя перенести разлуку;
Какою страшною виной,
Я заслужила эту скуку.
Когда каминъ въ гостиной топятъ
И гость мой стройный не торопитъ
Свою каляску подавать,
А словно что-то вспоминая,
Глядитъ на пламя не мигая
И я люблю припоминать...
Уже, друзья, мою божницу
Устали видѣть вы пустой
И каждый новую царицу
Подводитъ къ двери золотой.
А ты, конечно, всѣхъ проворнѣй,
Твоя избранница покорнѣй
Другихъ; и скоро фиміамъ
Волной прильнетъ къ ея ногамъ...
Тогда припомни часъ единый,
Вечерній удаленный часъ
И крикъ печали лебединой
И взоръ моихъ прощальныхъ глазъ.
Мнѣ больше ничего не надо—
Мнѣ это вѣрная ограда.

1913. Осень. Слѣпнево.

К. БАЛЬМОНТЪ

ОКОНЦЕ ТРОПИНКИ ОГНЯ

ОКОНЦЕ.

Я смотрю на волю снова,
Изъ оконца слюдяного.
Непрозрачная среда,
Все же небо сверху, звѣздно,
Свѣтитъ ночью многогрозно.
И Вечерняя Звѣзда
Мнѣ является богатой,
Увеличенно—косматой,—
Словно все кругомъ—вода,
Я жъ, водою тѣсно сжатый,
Вверхъ смотрю со дна пруда.

Нѣтъ, конечно я не рыба,
Не уютно жить въ пруду.
Но, пока весь міръ въ бреду,
Здѣсь я съ грезой рѣчь веду.
Снѣгъ и ледъ. За глыбой глыба.
Отъ излома, отъ изгиба,
Въ сердце ждущее мое
Свѣтомъ входитъ остріе.
Пляска ломкихъ алыхъ граней
Держитъ мысль въ цвѣтномъ туманѣ.
Греза—жизнь. Вступи въ нее.

Радость—быть, въ своихъ основахъ,
Каплей въ бѣшенствѣ зыбей.
Въ даляхъ дней доледниковыхъ,
Позабытыхъ, вѣчно-новыхъ,
Смѣну красокъ, все скорѣй,
Видѣть въ зоряхъ янтарей.
Въ томъ свершающемся чудѣ,
Гдѣ лишь послѣ будутъ люди,
Я смотрю на бѣгъ слоновъ.
Я любуюсь, съ мастодонтомъ,
Безпреграднымъ горизонтомъ,
Въ ревѣ близкихъ облаковъ.

Въ доврменной я Сибири,
Гдѣ и вѣтеръ, въ бѣлой шири,
Устаетъ порой летать.
Упадетъ, и надъ безпутнымъ,
Взрывнымъ, вспѣвнымъ, поминутнымъ,
Чуть смущая тишь и гладь,
Буря спитъ, ворчунья—мать,
Вѣтеръ—съ вѣтромъ. Вонъ ихъ стая,
А червоннаго Алтая,
Зацѣпились за скалу,
И въ пещерахъ тѣшатъ мглу.
Снѣгъ растаялъ. Орхидеи,
Раскрывая емкость чашъ,
Воздухъ пьютъ. И мыслятъ змѣи:—
«Полночь—наша. Полдень—нашъ».
Мамонтъ шествуетъ мохнатый,
Пышношерстный носорогъ.
И громовые раскаты,
На скрещеньи ихъ дорогъ,
Въ бубенъ бьютъ и трубятъ въ рогъ.

Мѣсяцъ съ Солнцемъ заглянули
Въ глубь разверстую горы.
Камень къ небу вспрянулъ въ гулѣ.
Часъ вулкана. Часъ игры.
Часъ, что любятъ всѣ міры.
Золотая крѣпнетъ жила.
Солнцезернъ. Цвѣтетъ. Пора.
И Луна посторожила,
Чтобъ содружно шла игра
Блѣдныхъ блестокъ серебра.
Хоть травинки запредѣльной
Въ глубь укрылась, въ изумрудъ.
И среди скалистыхъ грудъ
Огнецвѣтъ, какъ зовъ свирѣльный,
Брызнулъ сказкой тамъ и тутъ:—
Жуть измѣны влилъ въ опалы,
Тѣни всѣхъ часовъ—въ агаты,
И поджогъ желанья, алый,
Влилъ въ рубинъ, вшепнулъ въ гранатъ.
Въ страсть вошелъ,—нельзя назадъ.
Кто полюбитъ, тотъ безбреженъ,
Онъ ведомъ лучомъ звѣзды,
Хоть сидитъ онъ, тихъ и нѣженъ,
У оконца изъ слюды.

ТРОПИНКИ ОГНЯ.

Я съ синицей,
  Съ огонькомъ,
Надъ криницей
  Тѣшу громъ.

Между впадинъ,
  Въ срывахъ скалъ.
Тайну градинъ
  Я искалъ.

Тайну грома
  Я нашелъ,
Мнѣ знакомо
  Пѣнье пчелъ.

Надъ криницей
  Я молчу.
Съ быстрой птицей
  Полечу.

Утромъ рано
Я воскресъ.
Изъ тумана
Вышелъ лѣсъ.

За горами
Рѣчь веду.
Въ волчьей ямѣ
Кладъ найду.

Съ дикой кручи
Взвѣялъ тьму.
Самъ я тучи
Разойму.

Капли влаги
Ткалъ ковромъ,
Пьянъ отъ браги
Грянулъ громъ.

Все есть сказка,
Все душа.
Огнепляска
Хороша.

Снова Солнце
Льетъ огни.
Веретенце,
Отдохни.

АА ВОЗНЕСЕНСКІЙ

IUS PRIMAE NOCTIS

ДРАМА ВЪ 1 ДѢЙСТВІИ

Дѣйствующіе:

Баронъ Луи-Филиберъ д'Эмери.

Отецъ Каппо, выгнанный изъ ордена іезуитъ, теперь кастелянъ замка.

Клодъ Марнакъ, одинъ изъ виллановъ въ окрестностяхъ замка д'Эмери, близъ Вервена.

Элиза, его жена.

Слуга.

Годъ дѣйствія 1570-й.

(Вечеръ. Столовая въ лѣсномъ охотничьемъ замкѣ барона д'Эмери. Освѣщена свѣчами въ высокихъ, стоящихъ по угламъ, канделябрахъ. При поднятіи занавѣса зрителю представляется нѣсколько странная сцена. У входной, дубовой съ рѣзными украшеніями, двери стоитъ, перебирая шапку въ рукахъ, коренастый и грубоватый на видъ, но слегка принаряженный крестьянинъ Клодъ Марнакъ, а рядомъ,—полупрячась за его рукавомъ,—жена его Элиза; и ихъ обоихъ, снисходительно уговаривая и даже трогая дружески Клода за плечо, проситъ къ столу кастелянъ замка отецъ Канно, старичокъ сухенькій и бритый).

Кастелянъ.

Прошу-же, Клодъ, прошу... Бери свою красотку,
какъ видѣлъ—у господъ, когда ведутъ къ столу...

(Улыбаясь шамкающими губами, налаживаетъ руку Элизы подъ руку мужа).

Вотъ такъ, теперь идемъ. Смѣлѣе-же! Вы — гости
барона д'Эмери, а я — его слуга...
Нашъ господинъ всегда наказывалъ мнѣ строго,
чтобъ гости были сыты...

(Усадивъ на стулья Клода и Элизу, суетливо придвигаетъ имъ снѣдь. Затѣмъ наполняетъ виномъ ихъ бокалы).

Сыты... это что!
А, главное, чтобъ въ замкѣ весело имъ было!
Пей, пей, Элиза. Чокнись съ мужемъ. Такъ! А ты,
нашъ добрый Клодъ, почаще подливай въ бокалы
ей и себѣ: хозяинъ щедръ...

Клодъ

(робко, но со скрытымъ смысломъ):

Мы знаемъ ихъ!
Благодаренье имъ!

Кастелянъ.

А гроздья винограда,
вѣдь, ad maiorem Dei gloriam цвѣтутъ!

(Крестьянинъ, не понявъ, угодливо улыбается. Увлекаясь, ѣстъ все усерднѣе, запиваетъ виномъ и подталкиваетъ легонько жену, чтобы и она пробовала вкусныя яства. Юная крестьянка вяло исполняетъ его желаніе, какъ вяло пьетъ она и вино, поданное ей кастеляномъ. Взоръ ея — изъ подъ приспущеннаго чепца — пристально устремляется иногда на мужа: еще молодой, но спокойный въ движеніяхъ, съ хитрыми разсудительными глазами и широкимъ рябымъ лицомъ — онъ кажется хозяйственнымъ и степеннымъ. Оба молчатъ, каждый по своему, чувствуя необычность положенія и, каждый по своему, стараясь этого не показать).

Кастелянъ

(дѣлая, въ свою очередь, видъ, что и впрямь почитаетъ крестьянъ за гостей, которыхъ надобно занимать пріятными разговорами, становится позади ихъ стульевъ и, просунувъ голову между мужемъ и женой, обращается то къ одному, то къ другой):

Ты на отличнѣйшемъ счету, Марнакъ... Недавно
баронъ, перечисляя молодыхъ крестьянъ,
исправныхъ и послушныхъ, называлъ изъ первыхъ...
нѣтъ, первымъ называлъ тебя!—На старый лугъ,
что позади гороховаго поля, будетъ
ближайшимъ кандидатомъ мой Марнакъ!.. Да, такъ
сказалъ на дняхъ баронъ.

(Похлопываетъ Клода по спинѣ).

Хе, хе, не удивляюсь,
что умница Элиза выбрала тебя!
Не даромъ годъ жила въ монастырѣ — я знаю!—
и грамотой ее Всевышній просвѣтилъ...
У франта чубъ большой, за то онъ въ праздникъ съ рынка
не привезетъ женѣ коралловыхъ серегъ...
А женщинѣ—о, самой набожной и честной!—
никакъ нельзя безъ пихъ...

(Поворачиваетъ голову къ Элизѣ и, незамѣтно для мужа, смотритъ на нее заискивающе-пристально и томно).

А завелось одно,
нельзя и безъ другого: хочется колечка,
и пояска съ персидскимъ серебромъ...

(Осторожно указывая ей пальцемъ на себя):

Все есть!
Ad libitum!

(Поворачивается къ Клоду).

У мужа, говорю... И молодъ,
и недуренъ собой, мужчина... Вотъ и взялъ
красотку brevi manu! Будетъ счастливъ парень!
Господь его взыскалъ, и взыщетъ господинъ.
Такихъ дѣтей, какъ ты, всегда равно балуютъ
и небо, и земля...

(*Крестьянинъ все явственнѣй сіяетъ: и отъ похвалъ и отъ вина.* Кастелянъ, у котораго два совершенно непохожихъ другъ на друга лица, опять поворачиваетъ второе свое лицо къ Элизѣ).

Покорность старшимъ! Вотъ!
А старшіе не только, что мудрѣй, — пріятнѣй,
ласковѣе младшихъ... слаще...

(Къ мужу):

Для души!
Я вразумляю юную супругу... слышишь?

(Къ Элизѣ):

Пей, пей, красотка. Скука дьяволу нужна,
а Богъ веселыхъ любитъ...

(тихонько касается округлаго ея плеча)

...добренькихъ...

(*чувствуя, что она хочетъ что-то сказать,* прикрываетъ ей ротъ рукою)

...и тихихъ!

(Протяжный трубный звукъ).

Баронъ! Я не замѣтилъ сроку... Эй, вставай:
довольно. парень, ѣсть! И ты, крикунья. Слѣдомъ
за мной идите.

(Пошатывающемуся Клоду):

Не царапай пола. Вотъ

сюда, въ мою каморку. И сидите смирно,
пока не позову.

(Подъ лѣстницей, у входа въ свою каморку, стучитъ въ висящій гонгъ. Показавшемуся у дубовой двери слугѣ):

Перемѣни!

(Крестьянамъ):

Впередъ!

(Пропускаетъ ихъ въ открытую имъ подъ лѣстницей низенькую дверь и захлопываетъ ее за ними. Торопливо выходитъ навстрѣчу барону. Слуга брезгливо и спѣшно убираетъ остатки послѣ крестьянъ и мѣняетъ посуду и напитки. Потомъ удаляется, низко кланяясь въ дверяхъ входящему барону).

Баронъ

(услужливо семенящему за нимъ кастеляну):

А этотъ плутъ Балли тогда за нею слѣдомъ
и выстрѣлилъ...

Кастелянъ

(съ нарочитымъ восторгомъ изумленія).

И выстрѣлилъ!

Баронъ.

И уложилъ
на мѣстѣ.

Кастелянъ.

Уложилъ на мѣстѣ!

Баронъ,

(разстегивая у ворота платье).

Я, однако,
усталъ... Здѣсь кто-то изъ виллановъ, ты сказалъ?

Кастелянъ

(умиленнымъ тономъ):

Привелъ! Красавица... Сегодня обвѣнчались!

Баронъ.

Ты говорилъ ему? Онъ знаетъ про эдиктъ?
про то, что не обязанъ...

Кастелянъ.

Знаетъ! Вѣрно, знаетъ!
Народъ хитеръ. А здѣшніе такъ всѣхъ хитрѣй.
Они изъ норъ своихъ пронюхаютъ, какъ крысы,
когда имъ льгота новая выходитъ. Но —
какъ рыбы глохнутъ, если выйдетъ имъ повинность!

Баронъ.

А кто такой?

Кастелянъ.

Смиреннѣйшій... Жена его
еще смиреннѣе, голубка... Онъ — съ разсудкомъ!
И самъ явился къ вашей милости, блюдя
обычай старины, и... do ut des, понятно!..
Я обѣщалъ ему — уже шестому! — лугъ
за огородомъ. Напоилъ его... Ну, словомъ,
онъ гордъ и счастливъ. А зовутъ его Марнакъ.

Баронъ.

Не знаю...

(Садится къ столу и сонно закусываетъ).

Утомилъ меня сегодня герцогъ.
Спать хочется.

(Наливаетъ себѣ вина и хохочетъ).

Вчера мы съ герцогиней Риль
съ полуночи и до зари все поджидали
въ одной изъ башенъ возвращенья въ Ланеделль
любезнаго супруга изъ Парижа... Милость
его величества потребовала жертвъ!
Вернулся герцогъ утромъ! И на брачномъ ложѣ
нашелъ невинную подругу. На конѣ
нашелъ меня. Ну, а на лбу широкомъ, лысомъ,
нашелъ-ли, я не знаю, — но найти онъ могъ
почтенные рога!..

Кастелянъ

(хихикаетъ).

Еще-бы! До разсвѣта...
тамъ, въ башнѣ... съ герцогиней...

Баронъ,

(вдругъ нахмурившись).

Тс-с! Не болтать, отецъ!

Кастелянъ.

Помилуйте!.. Такъ вашей милости угодно,
чтобъ я сейчасъ позвалъ ихъ?

Баронъ.

Онъ не нуженъ мнѣ.
Да и она...

(Зѣваетъ).

...я сплю... И эти поселянки!
съ ихъ ароматами...

(Фыркаетъ).

Кастелянъ.

Нѣтъ, ваша милость, нѣтъ.
Она совсѣмъ другого сорта... поглядите!
Такая бѣленькая, чистенькая... я
такъ прямо засмотрѣлся... Свѣтлый локонъ вьется
изъ-подъ наколки, а глаза, глаза...

Баронъ.

Да ты
поэтомъ сталъ, отецъ Каппо!

(Смѣется).

Ухъ, ухъ! Смотри мнѣ!
Я про тебя все знаю...

Кастелянъ

(съ угодливой улыбкой опускаетъ глаза).

Грѣшенъ, ваша милость!..

Баронъ,

(допивая вино).

Смирна? Робѣетъ?

Кастелянъ.

Вся дрожитъ отъ страха. Мужъ
наговорилъ de illustrissimo, какъ видно,
такихъ вещей!.. Рукой коснулся я ея...
нечаянно... такъ чуть не закричала! Жутко
ей предъ мужчиною!..

Баронъ

(прыскаетъ со смѣху).

Ты льстишь себѣ, старикъ!
Ну, хорошо... Мнѣ надоѣли страсти и распутство
и женъ чужихъ, и собственныхъ подругъ. А такъ...
забавно иногда: испуганная кротость,
стыдъ дѣвичій... и вмѣстѣ первый знакъ въ глазахъ
сквозь темный страхъ пробившагося любопытства...
Забавно!.. Убери его, отецъ Каппо,
а ей... я возвращусь сюда, переодѣвшись.

(Поднимается по лѣстницѣ).

Кастелянъ.

Я вашу милость тотчасъ догоню.

(Бѣжитъ къ своей каморкѣ и отворяетъ дверь).

Иди,
Марнакъ, и радуйся... Нашъ господинъ согласенъ
оставить здѣсь Элизу... не надолго... Онъ
съ ней побесѣдуетъ и доброму научитъ...
Баронъ не любитъ всякихъ! Д'Эмери — не то,
что прочіе... И только для тебя, Марнака,
любимаго виллана своего, онъ далъ
соизволенье... Ну, поди-ка, Клодъ, въ сторожку,
поспи... жена тебя разбудитъ скоро... Самъ
я приведу ее къ тебѣ... и pax vobiscum!

(Скрывается по лѣстницѣ — вверхъ).

Клодъ,

(гладя сконфуженно свою шапку, съ нарочитымъ, покрывающимъ эту неловкость, задоромъ).

Ну, что-жъ... поспплю!.. Я спать всегда гораздъ!..

(Женѣ, съ дѣланнымъ спокойствіемъ).

Такъ ты меня разбудишь?

Элиза

(молча киваетъ опущенной головой).

Клодъ

(медлитъ. Потомъ, опять покрывая тономъ неловкость, неожиданно - грубо):

Что же ты молчишь? Барона боишься? съѣстъ тебя?

(Еще помедливъ, мягче):

Все будетъ хорошо. Поди сюда!

(Приближаетъ жену и, косолапо обнявъ голову ея, цѣлуетъ въ щеку. Она еще ниже наклоняетъ лицо. Онъ — по своему, любовно):

Я—мужъ. И жить со мною будешь въ ладу, да въ мирѣ. Я-жъ тебя люблю!

(Снова зычно цѣлуетъ жену — въ другую щеку; и, неуклюже цѣпляясь за барскую мебель и подобострастно отстраняясь отъ нея, выходитъ).

Элиза

(впервые приподнимаетъ голову и озирается. Когда затихли шаги мужа):

О, гадъ!

(Видитъ круглый блестящій шлемъ на стѣнѣ и быстро бросается къ нему: оправляетъ голову и станъ передъ зеркальной его гладью. Прислушивается; снова, легкими шагами отбѣжавъ, становится подъ лѣстницей, у двери. И снова, какъ прежде, опущены долу ея глаза).

Баронъ,

(смѣнившій выѣздной костюмъ и охотничьи сапоги на удобный домашній камзолъ и туфли, спускается по лѣстницѣ, снисходительно положивъ руку на плечо поспѣвающаго рядомъ кастеляна).

А если утромъ посланный отъ герцогини
опять прискачетъ, ты его, отецъ Каппо,
сумѣешь... ты, вѣдь, мастеръ...

Кастелянъ.

Я сумѣю. Живо
спроважу... Значитъ, въ полдень ваша милость быть
желаетъ въ замкѣ Турено?

(Спустившись, жестомъ показываетъ Элизѣ, чтобы она выступила изъ-подъ лѣстницы впередъ).

Баронъ.

Когда-бъ ты видѣлъ
его сестру, ты понялъ-бы...

(Обернувшись и замѣтивъ Элизу, дѣлаетъ кастеляну отпускающій знакъ):

Пока!

Кастелянъ.

Иду,
иду...

(Бочкомъ пробирается подъ лѣстницу и скрывается за своей дверью).

Элиза

(отвѣшиваетъ низкій поклонъ и остается на томъ-же мѣстѣ).

Баронъ

(стоитъ у стола, подперевъ руками талію. Послѣ небольшого молчаливаго разглядыванія, съ улыбкой):

Зачѣмъ-же такъ далеко?

Элиза

сдѣлаетъ шагъ впередъ).

Баронъ.

А поближе?

Элиза.

(дѣлаетъ еще маленькій шагъ).

Баронъ

(со свойственной его походкѣ и движеніямъ порывистостью беретъ со стола трехсвѣчникъ и, приблизившись къ Элизѣ, подноситъ къ самому ея лицу. Остается доволенъ. Отходя и ставя обратно трехсвѣчникъ):

Зовутъ?

Элиза.

Элиза.

Баронъ

Да... прелестна... право!

(Снова стремительно приблизившись, беретъ Элизу за руку и приводитъ на середину комнаты. Самъ садится напротивъ нея на низкой широкой, застланной звѣриными шкурами, скамьѣ. Припоминая):

Я тебя... какъ будто видѣлъ мелькомъ?...

Элиза.

Да, видали.

Баронъ.

Гдѣ?

Элиза.

Въ замокъ убирать я приходила.

Баронъ

(удивленно):

Ты?

Элиза.

Предъ свѣтлымъ праздникомъ.

Баронъ.

Зачѣмъ? Тутъ развѣ мало своихъ есть слугъ?

Элиза

(молчитъ).

Баронъ.

Ну, хорошо!.. Сними свою наколку...

Элиза

(застѣнчивымъ движеніемъ руки освобождаетъ голову отъ чепца. Тяжелый вѣнецъ волосъ окаймляетъ нѣжный контуръ лица и шеи ея волнистымъ золотомъ цвѣта темнаго орѣха).

Баронъ,

(любуясь):

Мужа любишь?

Элиза

(твердо):

Нѣтъ.

Баронъ.

Другого любишь?

Элиза

(молчитъ).

Баронъ

(удовлетворенно):

Еще и не умѣешь, вѣрно!.. Но придетъ: полюбишь!

(Встаетъ и, обходя одинъ уголъ за другимъ небрежнымъ движеніемъ платка тушитъ въ кан, делябрахъ свѣчи).

А пока мечтаешь... и тоскуешь
ночами тихими подъ серебромъ луны!..

Элиза

(вдругъ — печально и просто):

Я васъ люблю.

Баронъ,

(занесшій уже платокъ надъ послѣднимъ трехсвѣчникомъ, стоящимъ на столѣ, не тушитъ этихъ свѣчъ и съ досадливымъ чувствомъ оборачивается къ Элизѣ).

Ахъ, этого не надо!

(Бросаетъ платокъ и недовольно дѣлаетъ по комнатѣ нѣсколько шаговъ).

Всѣ вы
одно и то-же говорите господамъ!
Не знаю, кто васъ учитъ этому... мужья?
мать? сестры?.. Не люблю! Оставь. Со мной не надо
притворства.

Элиза

(вся словно опадаетъ. Стоитъ, опять не поднимая глазъ).

Баронъ,

(сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, успокаивается. Взглянулъ на нее; ему стало ея жаль. Сѣлъ снова на скамью и взялъ ея руку. Любуется).

Ну, не обижайся. Не виню
тебя: наука старшихъ!..

(Мягкимъ движеніемъ привлекъ ее, полуобнимая ея станъ).

Ты зачѣмъ-же вышла
за этого... Марнака, кажется... коль онъ
тебѣ не милъ?

Элиза

(снова печально и просто):

Затѣмъ, что знала только
его, единственнаго, кто теперь жену
по доброй волѣ въ замокъ отведетъ.

Баронъ,

(сразу опустивъ руку).

Ты что-же!
Не въ шутку, вижу, хочешь разыграть...

Элиза,

(растерянно качая головой, умоляюще наклоняется и быстро цѣлуетъ руку барона, лежащую на спинкѣ скамьи).

Нѣтъ... нѣтъ...
мой господинъ!.. повѣрьте!.. Только не умѣю
сказать, чтобъ вы повѣрили...

(Безпомощно замолкаетъ, не отрывая лица отъ руки барона, которую прижала къ щекѣ).

Баронъ

(опять смягчается, залюбовавшись кроткимъ волненіемъ ея. Снисходительно смѣется и другой рукой поглаживаетъ голову Элизы).

Ну, можетъ быть,
и впрямь... въ своихъ мечтаньяхъ робкихъ... Некрасивы
и грубы ваши женихи... И грязь въ домахъ,
и дурно пахнетъ. Можетъ быть, для грезъ невинныхъ,
дѣвическихъ, и тамъ... въ какомъ-нибудь хлѣву...
потребна сказка, и баронъ... и замокъ... Въ замокъ
ты убирать ходила, чтобы видѣть залъ,
оружіе... и мраморъ... и цвѣты?

Элиза.

Ходила
лишь для того, чтобъ видѣть ваше ложе.

Баронъ.

Что?

Элиза.

Я убирала тамъ...

(указываетъ на лѣстницу — вверхъ)

...въ покояхъ вашихъ, чтобы
одинъ лишь разъ самой увидѣть... на яву...
мой вѣчный сонъ: мое и ваше ложе...

Баронъ.

Странно!

наивность и...

(Снимая руку съ головы Элизы, нечаянно задѣваетъ косы, и золотыя змѣи тяжело падаютъ на плечи ея. Любуется, уже утомленный. Послѣ короткаго раздумья, вяло указывая на трехсвѣчникъ):

Поди-ка, погаси...

(Зѣваетъ).

Мнѣ часъ

идти въ опочивальню... спать...

(Бросаетъ къ изголовью скамьи бѣлый мягкій мѣхъ и облокачивается на него, полулежа).

Ты что-же медлишь?

Элиза,

(выслушавъ его приказаніе, выпрямилась, но стоитъ неподвижно. И лишь на вопросъ его отвѣчаетъ, волнуясь):

Мой господинъ! прошу тебя: возьми меня
туда... въ опочивальню! Я тебѣ женою...
женою буду... только въ эту ночь! Женой,
но настоящей!..

Баронъ.

Это даже перестало
быть любопытнымъ... стало скучнымъ! Приласкать
тебя готовъ былъ... Что-же это: бредъ дѣвчонки?..
безуміе?..

Элиза.

Любовь, мой господинъ, любовь!
Нѣтъ, не мечтаю о тебѣ я тихими ночами
и на луну я не гляжу... Сгораю! Мнѣ
не нужно сказокъ... Ты! живой!.. О, только вмѣстѣ
съ тобою, какъ женѣ, дозволь мнѣ провести
срокъ брачной ночи... Освяти меня объятьемъ
мужчины, мужа, а потомъ усни въ моихъ
рукахъ, чтобъ я глядѣла ввысь, на Божью Матерь,
и съ торжествомъ шептала: только Твой и мой!..

Баронъ

(сердито поднимается со скамьи и направляется къ столу).

Съ такими бреднями подъ черепомъ ты можешь
и безъ меня воображать себя со мной,
и съ Пресвятой шептаться...

Элиза,

(бросаясь къ нему).

Нѣтъ, твоей я плоти
и крови, зажигающей мою и плоть
и кровь, хочу! Потомъ я стану прахомъ
на-вѣки! Мужу... мужу - продавцу взамѣнъ
жены—я горстку пепла принесу на ложе!

(У его колѣнъ).

Возьми меня съ собой... Я видѣла твой взоръ,
когда упали волосы мои... онъ вспыхнулъ!
О, я укутаю тебя—ты видишь ихъ?—
своими волосами... къ сердцу сердце тѣсно
я приложу на мигъ... на мигъ...

(Распуская волны своихъ волосъ; взметаетъ ихъ въ мольбѣ вмѣстѣ съ вытянутыми руками).

Возьми туда!
Позволь съ тобою справить первый и послѣдній
мой женскій пиръ... Единственный, но—до конца,
до устали, до сомкнутыхъ рѣсницъ, и пальцевъ,
и устъ!.. Согрѣй меня, желанный! мужъ мой!

Баронъ.

„Ты“—
уже я для нея и „мужъ“... Иди, Элиза!
Ты не нужна мнѣ больше...

Элиза,

(почти ползая, удерживаетъ его).

Богъ! Богъ! Богъ! Сойди!
не допусти! Ты, мнѣ его даривший годы
во всякомъ шорохѣ, на каждомъ лепесткѣ,
всегда, во всемъ...—не отнимай въ одно мгновенье!

я не могу!.. безуміе!.. Потомъ приму
червя на ложе!.. смерть приму!.. Но пусть онъ раньше
войдетъ ко мнѣ, единственный мой мужъ!

Баронъ,

(съ брезгливостью отталкивая ее):

Поди
ты прочь! Ты мнѣ противна... Смерды! Видѣлъ многихъ—
такихъ, какъ ты!.. Но наши женщины въ своемъ
распутствѣ все-жъ прелестны, въ грѣшной страсти
заманчивы, таинственны и горды... Смердъ
всегда есть смердъ!

(Взявъ трехсвѣчникъ, быстро направляется къ топу и издаетъ рѣзкій ударъ. Дверь подъ лѣстницей тотчасъ-же распахивается, и появляется кастелянъ. Баронъ—къ нему, съ кривой усмѣшкой):

Я вѣрилъ—недотрога... бѣлой
стыдливой лиліи цвѣтокъ... Довольно! Спать
давно уже пора, а мы... Скорѣе къ мужу
супругу честную веди: онъ, вѣрно, ждетъ
и будетъ радъ на ложѣ брачномъ вмѣсто пепла—
узрѣть костеръ пылающій!..

Кастелянъ,

(вдругъ, по своему уразумѣвъ происшедшее, съ ретивымъ шопотомъ подбѣгаетъ къ барону. Слышны разрозненныя—униженныя, захлебывающіяся—слова):

...и въ старину...
probabile... передовѣрить... lucrum cessans...
забавить старичка, хе, хе...

Баронъ,

пожавъ въ знакъ согласія плечами):

Бери!

(Уходитъ наверхъ, унося трехсвѣчникъ. Комната освѣщается лишь робкимъ свѣтомъ, падающимъ изъ каморки кастеляна).

Кастелянъ,

(подходя къ застывшей на полу, зарывшейся въ ворохъ волосъ своихъ, Элизѣ):

Идемъ...

Элиза,

(словно очнувшись и ища глазами барона):

Куда?

Кастелянъ

(тянетъ ее за руку):

На лѣстницу, подъ лѣстницу... Не все-ли
равно! Что рѣшено безъ насъ—перерѣшать
не намъ... Донынѣ были небеса надъ нами,
и будутъ!.. Главное—я добрый старичокъ.
Для ласковыхъ всегда припасено колечко,
и поясокъ съ персидскимъ серебромъ... А тамъ
и къ мужу отведу... и къ мужу...

(Словѣще-ласковой скороговоркой словно убаюкивая ее, медленно увлекаетъ за собою, въ свою каморку... Она плетется, полу-закрытая покровомъ золотыхъ волосъ. Лицо ея искажено неподвижностью, глаза прикованы къ ступенямъ, уходящимъ ввысь, шагъ—неизбѣженъ и покоренъ...)

Конецъ.

А БЛОКЪ

ВОЗМѢЗДІЕ

ВОЗМЕЗДІЕ.

I.

Въ тѣ годы дальніе, глухіе
Въ сердцахъ царили сонъ и мгла:
Побѣдоносцевъ надъ Россіей
Простеръ совиныя крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только—тѣнь огромныхъ крылъ;
Онъ дивнымъ кругомъ очерти ъ
Россію, заглянувъ ей въ очи
Стекляннымъ взоромъ колдуна;
Подъ умный говоръ сказки чудной
Уснуть красавицѣ не трудно,—
И затуманилась она,
Заснавъ надежды, думы, страсти...
Но и подъ игомъ темныхъ чаръ
Ланиты красилъ ей загаръ:
И у волшебника во власти
Она казалась полной силъ,
Которыя рукой желѣзной
Зажаты въ узелъ безполезный. .
Колдунъ одной рукой кадилъ,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладанъ... Но—
Онъ клалъ другой рукой костлявой
Живыя души подъ сукно.

II.

Въ тѣ незапамятные годы
Былъ Петербургъ еще грознѣй,
Хоть не тяжеле, не сѣрѣй
Подъ крѣпостью катила воды
Необозримая Нева...
Штыкъ свѣтилъ, плакали куранты,
И тѣ же барыни и франты
Летѣли здѣсь на острова.
И также конь чуть слышнымъ смѣхомъ,
Коню навстрѣчу отвѣчалъ,
И черный усъ, мѣшаясь съ мѣхомъ,
Глаза и губы щекоталъ...
Я помню, такъ и я, бывало,
Леталъ съ тобой, забывъ весь свѣтъ,
Но... право, проку въ этомъ нѣтъ,
Мой другъ, и счастья въ этомъ мало...

III.

Востока страшная заря
Въ тѣ годы чуть еще алѣла...
Чернь Петербургская глазѣла
Подобострастно на царя...
Народъ толпился въ самомъ дѣлѣ,
Въ медаляхъ кучеръ у дверей
Тяжелыхъ горячилъ коней,
Городовые на панели
Сгоняли публику... «ура».
Заводитъ кто-то голосистый,
И царь, огромный, водянистый,
Съ семействомъ ѣдетъ со двора...

Весна, но солнце свѣтитъ глупо,
До Пасхи—цѣлыхъ семь недѣль,
А съ крышъ холодная капель
Уже за воротникъ мой тупо
Сползаетъ, спину холодя...
Куда ни повернись, все вѣтеръ...
«Какъ тошно жить на бѣломъ свѣтѣ»,
Бормочешь, лужу обходя;
Собака подъ ноги суется,
Калоши сыщика блестятъ,
Вонь кислая съ дворовъ несется,
И «князь» оретъ: «Халатъ, халатъ».
И, встрѣтившись лицомъ съ прохожимъ,
Ему бы въ рожу наплевалъ,
Когда бъ желанія того же
Въ его глазахъ не прочиталъ...

IV.

Но передъ майскими ночами
Весь городъ погружался въ сонъ,
И расширялся небосклонъ;
Огромный мѣсяцъ за плечами
Таинственно румянилъ ликъ
Передъ зарей необозримой...
О, городъ мой неуловимый,
Зачѣмъ надъ бездной ты возникъ...
Ты помнишь: выйдя ночью бѣлой
Туда, гдѣ въ море сфинксъ глядитъ,
И на обтесанный гранитъ
Склонясь главой отяжелѣлой,
Ты слышать могъ: вдали, вдали,
Какъ будто съ моря, звукъ тревожный,
Для Божьей тверди невозможный
И необычный для земли...
Провидѣлъ ты всю даль, какъ ангелъ
На шпилѣ крѣпостномъ; и вотъ—

(Сонъ, или явь) чудесный флотъ,
Широко развернувшій фланги,
Внезапно заградилъ Неву...
И Самъ Державный Основатель
Стоитъ на головномъ фрегатѣ...
Такъ снилось многимъ наяву...
Какіе жъ сны тебѣ, Россія,
Какія бури суждены...
Но въ эти времена глухія
Не всѣмъ, конечно, снились сны...
Да и народу не бывало
На площади въ сей дивный мигъ
(Одинъ любовникъ запоздалый
Спѣшилъ, поднявши воротникъ)...
Но въ алыхъ струйкахъ за кормами
Уже грядущій день сіялъ,
И дремлющими вымпелами
Ужъ вѣтеръ утренній игралъ,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуромъ и Цусимой,
Грозя девятымъ января...

1911.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

КЪ АНТРОПОСОФІИ.

Итакъ, братія, ревнуйте о томъ, чтобы пророчествовать: но не запрещайте говорить и языкамъ.

(Ап. Павелъ. Къ кор. Глава 15, ст. 40).

I.

Изъ родниковъ проговорившей ночи
Въ моемъ окнѣ
Нежданныя, мерцающія очи
Восходятъ мнѣ.

Блистаетъ лучъ изъ звѣздной рукояти,
Какъ рѣзвый мечъ;
Мой бѣдный умъ къ ногамъ смущенныхъ братій
Слетаетъ съ плечъ.

Я—обезглавленъ къ набѣжавшемъ свѣтѣ
Лучистыхъ глазъ.
Межъ нами—Онъ, Неузнанный и Третій;
Не бойтесь насъ.

Мы вспыхнули, но для земли—погасли.
Мы—тихій стихъ.
Мы образуемъ солнечныя ясли—
Младенецъ въ нихъ.

Слѣпую мглу бунтующей стихіи
Преобрази.
Я—не боюсь: влекутъ Христософія,
Твои—стези.

Ты спилась мнѣ, свѣтясь... когда то, гдѣ то,
Сестра моя.
Люблю тебя... Ты персикова цвѣта
Цвѣтущая заря.

Какъ вешній вихрь, гласять неодолимо,—
Гласятъ въ Голубизнѣ,—
Твои слова, пронесшіяся мимо,
Но сказанныя—мнѣ.

Въ твои глаза—святыя синероды—
Меня возьми;
Минувшіе, глаголющіе годы
Мои—уйми.

Въ твоихъ глазахъ—блистаютъ воды, сушн;
Бросаюсь въ нихъ.
Изъ глазъ Твоихъ я просіяю въ души,
Какъ тихій стихъ.

И сердце—обезумѣвшая птица—
Въ нѣмой мольбѣ
Пусть изъ груди—разорванной темницы,—
Летитъ: къ Тебѣ.

Одѣнемся, мы—вспыхнувшія дѣти—
Въ сквозной атласъ...
Межъ нами—Онъ, Неузнанный и Третій...
Не бойтесь насъ.

1918.

II.

Пришла... И въ нечаемый часъ
Мнѣ будишь, зметая напасти,
Огнями блистательныхъ глазъ
Алмазныя, ясныя страсти.

Глаза золотые твои
Во мнѣ огневѣютъ, какъ свѣчи...
Люблю:—изнываньи мои,
Твои поцѣлуйныя плечи.

1916.

А С Ѣ.

Въ безгнѣвномъ снѣ, въ гнетуще-грустной нѣгѣ
Растворена такъ странно страсть моя —
Пробьетъ прибой на бѣлопѣнномъ брегѣ,
Плеснетъ въ утесъ соленая струя...

Вотъ небеса, наполнясь, какъ слезами,
Благоуханнымъ блескомъ вечеровъ,—
Блаженными блистаютъ бирюзами
И маревомъ моргающихъ міровъ.

И снова въ ночь чернѣютъ мнѣ чинары:
Я прошлымъ сномъ страданье утолю...
Сицилія... И страстныя гитары...
Палермо... Монреаль... Радесъ... Люблю.

1917.

М. ГОРЬКІЙ

ВСЕ ТО ЖЕ

ПОВѢСТЬ.

Въ началѣ октября, раннимъ утромъ, по дорогѣ къ городу Мямлину, лѣниво виляла по выбоинамъ колеи деревенская телѣга, на ней, между двухъ чемодановъ, качался скорчившись и подремывая молодой человѣкъ, въ сѣромъ пальто, измятой шляпѣ; бокомъ къ нему сидѣлъ растрепанный мужикъ, въ дырявомъ полушубкѣ, и тоже дремалъ, вздрагивая на толчкахъ, тихо понукая лошадь:

— Ну, тт-ы, у-ть!

Въ сѣромъ воздухѣ надъ холодной землей неподвижно висѣло осеннее безмолвіе.

Маленькая шарпавая лошаденка втащила телѣгу по мерзлой грязи на вершину холма, уперлась дрожащими ногами въ землю, посоленную инеемъ утренника, тяжко задышала и окуталась паромъ. Ея встрепанный хозяинъ соскочилъ на землю, прихрамывая зашелъ впередъ, вытеръ полою армяка пѣну съ морды лошади, поглядѣлъ вдаль, внизъ и глухо сказалъ, протягивая туда чугунную руку:

— Вотъ онъ, Мямлинъ...

Въ котловинѣ, ограниченной лѣсомъ, среди сѣдыхъ покосовъ, зеленыхъ клочьевъ озими и темныхъ пашенъ, тѣсно скучились вокругъ трехъ церквей приземистые домики, и по ихъ бугристой массѣ, какъ по грязной кожѣ нищаго, красными и желтыми нарывами поднимались пятна каменныхъ домовъ. Курилась синеватая рѣка, окружая городъ полукольцомъ, и уходила по лугамъ въ лѣсъ, скупо расцвѣченный желтыми пятнами ольховника и осины.

Съ перваго взгляда все это не понравилось проѣзжему, но, чтобы не обидѣть возницу молчаніемъ, онъ сказалъ вполголоса:

— Просторно!

Мужикъ, постукивая кнутовищемъ по спинѣ передняго колеса, спокойно возразилъ:

— Видимость; издаля просторно, а поживи — не покажется!

Сгоняя дрёму, проѣзжій тряхнулъ головой, — слова мужика показались ему непріятно знакомыми.

Подпрыгивая по кочкамъ межколесицы, телѣга покатилась съ холма, возница отрывисто говорилъ о тѣснотѣ жизни, — молодой человѣкъ, прищуривъ сѣрые глаза, смотрѣлъ, какъ растетъ городъ, освѣщенный холоднымъ солнцемъ осенняго утра, и безпокойно думалъ:

— Откуда я знаю это? Читалъ, что-ли похожее?

Неясно вспоминался разсказъ о человѣкѣ, который, послѣ долгой жизни въ столицѣ, возвращался въ родной городъ съ добрыми намѣреніями и тоже слушалъ разсказы ямщика о тѣснотѣ, о бѣдности, — слушалъ сочувственно. Другихъ воспоминаній не нашлось; самъ онъ никогда не жилъ въ уѣздныхъ городахъ и впервые подъѣзжалъ къ городу вотъ такъ—осеннимъ утромъ, въ деревенской телѣгѣ. А ощущеніе знакомства съ тѣмъ, что онъ видѣлъ первый разъ, все разросталось, тихонько насыщая сердце грустью. Снявъ шапку, крестясь тяжелыми движеніями руки, возница недоумѣнно проговорилъ:

— Будни, а звонятъ. Знать богатый померъ. По что въ городъ?

— По дѣлу, — отвѣтилъ сѣдокъ, потомъ прибавилъ:— На службу. Зейделя знаете?

— Лѣсопилку? Какъ не знать. Его на сто верстъ кругомъ народъ знаетъ.

— Хорошій человѣкъ?

— Онъ-то? Хорошій, богатый человѣкъ!

Пышные султаны розовато-сѣраго дыма поднимались изъ трубы въ низенькое небо, въ куполъ его, густо замазанный пепельными облаками; въ холодной тишинѣ охалъ и гудѣлъ колоколъ, на пашнѣ трещала сорока. Встали съ земли маленькіе домики окраины города, вытаращивъ на дорогу мутныя окна, недовѣрчиво разсматривая пріѣзжаго. Онъ тоже внимательно приглядывался голубоватыми глазами къ неровной линіи домовъ, связанныхъ плетнями и заборами.

Въ маленькой рощицѣ квёлыхъ березъ раздался сухой

костяной трескъ. Сѣдокъ, недоумѣнно прищуривъ глаза, посмотрѣлъ въ сторону звука.

— Что это трещитъ?

— Сорока, — сказалъ мужикъ, тоже немного удивленный, — али не узналъ?

— Не узналъ, — повторилъ сѣдокъ, сконфуженно улыбаясь: я вѣдь городской. Очень городской... въ деревняхъ не жилъ!

— На постоялый ѣхать, али къ Цыганову?

— Къ Цыганову, — повторилъ сѣдокъ послѣднее слово, заглядывая впередъ по кривой улицѣ.

— Ладно. А ты изъ какихъ будешь?

Сѣдокъ усмѣхнулся и сказалъ не сразу, какъ будто смутясь:

— Зовутъ меня Павелъ Николаевичъ Смагинъ...

— Изъ духовныхъ? — спросилъ мужикъ, но, не дождавшись отвѣта, свистнулъ и, ударивъ лошадь вожжами, пустилъ ее вскачъ.

Картинно шла женщина съ ведрами воды на расписномъ коромыслѣ; новенькія ведра равномѣрно покачивались, бѣлая жесть сіяла на солнцѣ серебромъ. Женщина шла легко, какъ по воздуху, по черной землѣ, прослоенной тонкимъ льдомъ замерзшихъ лужъ. Несмотря на холодъ утра, она была одѣта въ старенькую ситцевую кофту, бѣлую съ толстымъ узоромъ и коричневую измятую юбку. Была она большая, стройная; съ ея круглаго розоваго лица ласково смотрѣли синеватые глаза; замѣтивъ, что проѣзжій любуется ею, она перевела коромысло съ плеча на плечо, маленькій дѣтскій ротъ ея расцвѣлъ улыбкой, она потупилась и, ускоривъ шагъ, свернула за уголъ, — точно послѣдній день лѣта прошелъ по улицѣ, а Смагинъ почувствовалъ, что его опахнуло веселой бодростью.

— Надежная, — сказалъ возница, обернувшись и подмигивая Смагину. — Бабы тутъ — первый сортъ, останешься доволенъ...

Крякнулъ и помолчавъ добавилъ:

— Заботливая, на ключъ ходила по воду, это, значитъ,—для чаю... Колодезная вода не скусна здѣсь.

Смагинъ вздохнулъ и, улыбаясь мягко, проговорилъ не громко;

— Очень красивая. Настоящая русская красота.

По избитой улицѣ, среди вывороченнаго булыжника, въѣхали на площадь и остановились передъ двухъэтажнымъ домомъ, окрашеннымъ ржавой краской; въ верхнемъ этажѣ—восемь оконъ, въ нижнемъ—шестъ, а посрединѣ ихъ—крыльцо съ перилами.

— Съ пріѣздомъ!—сказалъ возница, крестясь на церковь.

Съ крыльца сошелъ не торопясь толстый, кривой человѣкъ, въ передникѣ изъ мучного мѣшка, въ опоркахъ, отхаркнулъ, плюнулъ подъ ноги лошади и, взявъ два чемодана, неохотно сказалъ пріѣзжему:

— Пожалуйте!

Смагинъ выбралъ себѣ маленькую угловую комнату съ двумя окнами на площадь и въ садъ, густо засыпанный осеннимъ листомъ; раздѣлся и умываясь спросилъ служащаго:

— Васъ какъ звать?

Протирая концомъ передника стекло зеркала, выпачканное киселемъ или соусомъ, тотъ поглядѣлъ на Смагина и спросилъ обиженнымъ голосомъ:

— Думаете, я хозяинъ?

— Нѣтъ, я просто хочу знать, какъ васъ зовутъ?

— Макаръ Петровъ. Да, что—имя? Я о́ полдень разсчитаюсь, уйду отсюда,—все такъ же обиженно и уныло говорилъ кривой, поплевывая въ зеркало.

— Такъ вотъ, Макаръ Петровичъ, давайте мнѣ ча ,—весело попросилъ Смагинъ.

— Пачпортъ надо,—напомнилъ Макаръ уходя.

Открывъ окно, Смагинъ выглянулъ на площадь; въ оградѣ, на бѣломъ фонѣ церкви, три большихъ клена протягивали другъ другу полуголые сучья; лапчатые золотисто-рыжіе листья падали на землю; въ холодномъ высокомъ небѣ быстро двигались бѣлыя облака съ розовыми краями, они были такъ прозрачны, что сквозь нихъ просвѣчивала голубая глубина неба. Изогнутая линія домовъ за церковью вспыхивала яркими красками, напоминая Смагину картины столичныхъ выставокъ, всегда нѣсколько смущавшія его своею пестротой.

Теперь, разглядывая цвѣтисто выкрашенные дома, крыши, пятна вывѣсокъ, отблески солнца на стеклахъ оконъ, Смагинъ подумалъ:

Вотъ почему городъ показался мнѣ знакомымъ!

На одномъ изъ бѣлыхъ столбцовъ церковной ограды, желтая афиша извѣщала, что: „По желанію публики повторяется тяжелая драма изъ современной жизни“. Смагинъ невольно усмѣхнулся, вспоминая женщину съ ведрами:

— Тоже, вѣроятно, ходитъ смотрѣть тяжелыя драмы...

Тишина висѣла надъ площадью и городомъ. Мимо гостиницы осторожно шагалъ бородатый мужикъ въ лаптяхъ, съ котомкой за спиною; онъ оглядывался, точно заплутавшійся въ лѣсу, подъ ногами его мягко хрустѣлъ осенній ледокъ. Макаръ внесъ дурно кипѣвшій самоваръ и, разставляя посуду, держа голову на бокъ, заговорилъ:

— Это самолучшій номеръ, въ немъ даже Маймачинскій стоитъ, когда изъ дому убѣгаетъ...

— Какъ же это онъ стоитъ, когда убѣгаетъ?—пошутилъ Смагинъ, но Макаръ, поглядывая одинокимъ глазомъ на свое отраженіе въ тускломъ зеркалѣ, продолжалъ медленно и неохотно, какъ бы исполняя скучную обязанность:

— Побранится съ женой и убѣжитъ. Озорной онъ. Это вотъ онъ самый, каклетой въ зеркало.

— Кто же онъ такой?—спросилъ Смагинъ и предложилъ кривому:—Вы бы присѣли?

Кривой недовѣрчиво отодвинулся отъ стола, ухмыляясь прикрывъ тусклый глазъ:

— Благодарствуйте, я—не хозяинъ...

— А вы садитесь, давайте чай пить—весело настаивалъ Смагинъ... Но Макаръ не соглашался.

— Я пилъ. Я постою, ничего. Вамъ, конечно, какъ вы чужой, все интересно, ну, я могу стоя сказать. Меня всѣ выспрашиваютъ, такая должность,—кончилъ онъ, вздохнувъ.

Когда, наконецъ, Смагину удалось усадить его къ столу, онъ вздохнулъ еще болѣе глубоко.

— Да, такъ что же этотъ Маймачинскій-то?

— Чадитъ.

— Чудитъ, вы хотите сказать?—поправилъ Смагинъ, но кривой повторилъ:

— Чадитъ, озоруетъ; обиженный онъ, ну и самъ обижать привыкъ...

— Вотъ какъ?

Да. Судья онъ, что-ли, по должности своей, только его отставили ото всѣхъ дѣлъ. Жена у него здѣшняя,— Богомоловыхъ, купчиха и придурковата, а онъ—въ чинахъ. Ну,—стыдится жены, не можетъ въ столицахъ жить съ ней, прибылъ сюда.

Сонное, шаршавое лицо Макара освѣтилось улыбкой, онъ погладилъ ладонью рѣдкую, неровно остриженную бороду и заговорилъ оживленнѣе.

— Домъ выстроилъ на Людской и придѣлалъ на крышѣ высокій шестъ съ веревочкой. Ежели самъ дома находится, велитъ дворнику поднимать на шестъ сапоги, чтобы всякій видѣлъ—Маймачинскій дома! Мѣтко придумалъ: господа на улицу безъ сапогъ не ходятъ...

— Это вы серьезно?—спросилъ Смагинъ улыбаясь.

— А зачѣмъ шутить? Съ меня требуется правда. Ему бы только хохотать, а надъ чѣмъ, — это все едино... Онъ тутъ одну женщину масляной краской окрасилъ въ арапку...

Въ коридорѣ задребезжалъ звонокъ. Макаръ вытеръ губы ребромъ ладони, и ушелъ, напомнивъ виновато:

— Пачпортокъ приготовьте, съ меня спросятъ...

Смагинъ оглянулся; маленькая комната, недавно оклеенная желтыми обоями, казалась нежилой, сѣрое одѣяло на узкой желѣзной кровати напоминало больницу. Захотѣлось выйти на волю. Облака разошлись, не таяли; въ голубой чашѣ неба ослѣпительно цвѣло бѣловатое солнце, разжигая пестрыя краски города, чисто вымытаго дождями. Въ садахъ, въ огородахъ сверкали коралловыя гроздья рябины, рѣзко видныя въ прозрачномъ воздухѣ. Отовсюду бросалась въ глаза золотая ржавчина осени; красныя и зеленыя крыши, синія ставни, и надъ этой пестротой жирно таяли въ небѣ золотыя луковицы церковныхъ головъ. Хороши были темныя деревья безъ листьевъ,—они казались нарисованными неумѣлой рукой ребенка и сквозь ихъ незатѣйливый узоръ такъ славно просвѣчивало красное, зеленое, рыжее.

Городокъ напоминалъ Смагину лавки торговцевъ восточнымъ шелкомъ на ярмаркѣ въ Нижнемъ,—въ этихъ лавкахъ вотъ такъ же ослѣпительно, красочно. Привыкшій къ темнымъ тонамъ каменной столицы, всегда окутанной дымомъ или облаками гнилого тумана, Смагинъ, внутренно улы-

баясь, любовался веселой порою осенняго утра, прозрачностью далей; въ немъ росло чувство бодрости, умиленія, хотѣлось остановить кого-либо изъ горожанъ и сказать:

— Красивъ, вашъ городъ!

Вспомнились какіе-то трогательные стихи и думалось, какъ хорошо будетъ узнавать жизнь города, понимать ее, причащаться къ ней.

Прохожіе встрѣчались рѣдко. Выскакивали изъ воротъ и крестясь бѣжали на базаръ пожилыя, желтолицыя женщины, кутаясь въ сѣрыя шали.

Сѣрый, голодный мямлинецъ сметалъ измызганной метлою грязь съ тротуара, беззаботно обрызгивая ноги прохожихъ; они поругиваютъ его, но не очень злобно, какъ будто убѣждены, что этотъ человѣкъ имѣетъ право пачкать имъ сапоги и платье. Человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, нѣмъ, глухъ и самъ обрызганъ грязью до колѣнъ. Идетъ въ школу унылый мальчикъ, — мямлинецъ нарочито шаркаетъ метлою по его сапогамъ.

— Сволочь, — безгнѣвно, но увѣренно говоритъ мальчикъ убѣгая; мямлинецъ гонится за нимъ, разъяренно взмахивая метлою.

Посвистывая тихонько, глубоко вдыхая воздухъ, насыщенный запахомъ осенняго листа и сыростью, напоминавшей о грибахъ, Смагинъ повернулъ за уголъ и очутился въ неглубокомъ тупикѣ, передъ одноэтажнымъ домомъ въ пять оконъ, съ мезониномъ въ два окна; на крышѣ мезонина торчалъ полосатый — синій съ краснымъ и бѣлымъ, шестъ, а на концѣ его неподвижно висѣла пара рваныхъ сапогъ.

— Ага, здѣсь живетъ этотъ—Маймачинскій, — сообразилъ Смагинъ, нерѣшительно усмѣхаясь.

— Остроумно это чудачество, забавно?—спросилъ онъ себя и не сумѣлъ отвѣтить.

Во дворѣ дома негромко ржала лошадь, и что-то шаркало. Одно окошко мезонина было закрыто сплошной зеленой ставней, въ другомъ выпучилось мутно-красное, какъ будто мезонинъ, закрывъ одинъ глазъ, другимъ разсматривалъ пріѣзжаго. За домомъ, на высокихъ вязахъ черными шайками торчали вороньи гнѣзда, изъ-за крыши сарая высунулась зеленая скворешница.

Мимо Смагина прошелъ пошатываясь и безцеремонно заглянувъ ему въ лицо высокій человѣкъ, въ сѣромъ старенькомъ пальто, съ широкимъ хлястикомъ на поясницѣ, въ измятой каскеткѣ; прошелъ, остановился въ пяти шагахъ и, воротясь, снявъ каскетку дрожащей рукой, любезно спросилъ:

— Не можете понять?

На головѣ у него росли во всѣ стороны сѣрые жесткіе вихры, среди удлиненнаго лица торчалъ большой дряблый носъ, пьяные глаза добродушно улыбались.

— Пріѣзжій, — догадываюсь? Костюмъ выдаетъ. Позвольте рекомендоваться — портной Щукинъ, Иванъ Савельевъ...

Почесалъ мизинцемъ бровь и спросилъ, указывая на крышу:

— Какъ вы понимаете этотъ фокусъ?

— Забавно,—сказалъ Смагинъ.

— Нисколько, — воскликнулъ портной, спотыкаясь и толкнувъ Смагина. — Ни на пятачекъ не забавно, а просто—знакъ презрѣнія ко всѣмъ людямъ города и ко мнѣ, въ томъ числѣ...

Шли рядомъ по гнилымъ доскамъ узенькой панели, толкая другъ друга, а портной все говорилъ теноркомъ:

— Господинъ Маймачинскій, знаете, великій самобытникъ. Здѣсь таковыхъ—множество. Имъ бы только самимъ было хорошо, а всѣ другіе хоть въ болотѣ утопись...

Свѣтлая тишина стояла надъ городомъ, въ улицѣ тоже было тихо и пустынно; изъ подъ воротни высунулась рыжая собака съ мордой лисы, понюхала слѣды прохожихъ и скучно зѣвнула.

— А гдѣ здѣсь полицейское управленіе, — спросилъ Смагинъ, — портной откачнулся отъ него, остановился и сказалъ:

— Вотъ—за угломъ.

— Мнѣ нужно зайти туда,—сообщилъ Смагинъ, снявъ шляпу.

Портной, не подавая ему руки, быстро повернулъ назадъ, но остановился, съ размаха ударилъ себя въ грудь, крикнулъ:

— Раскаиваюсь! Ошибся...

И зашагалъ еще быстрѣй, качаясь, какъ тонкая жердь подъ вѣтромъ. Смагинъ недоумѣнно пожалъ плечами и пошелъ въ полицію.

Въ грязной комнатѣ, густо оклеенной пожелтѣвшими квадратиками циркуляровъ и объявленій, его встрѣтилъ удивленнымъ взглядомъ круглыхъ глазъ низенькій широкоплечій человѣкъ съ большою головою въ сѣдой щетинѣ. Сидя въ одной рубахѣ, онъ пришивалъ къ пиджаку оторванный рукавъ, предъ нимъ стоялъ графинъ кваса. Приподнявъ брови, онъ пошевелилъ большими ушами и спросилъ строго:

— Что вамъ угодно?

— Вы—сторожъ?

— Писарь.

— Извините.

— Ничего.

Смагинъ подалъ ему проходное свидѣтельство, писарь заглянулъ въ бумагу однимъ глазомъ, а другимъ ощупалъ лицо Смагина и пробормоталъ:

— Ага... Порядокъ знаете?

Въ нечистыя стекла оконъ отчаянно бились синія мухи, опоздавъ умереть; въ тепломъ углу стоялъ на колѣняхъ тоненькій стриженый мальчикъ, безшумно складывая въ стойку исписанныя бумаги. Писарь какъ будто задремалъ, прикрывъ свидѣтельствомъ нечеловѣчье лицо, но вдругъ отрывисто зѣвнулъ и сказалъ рѣшительно, громко:

— Дайте мнѣ пять цѣлковыхъ, я васъ избавлю отъ всѣхъ хлопотъ!

— Пожалуйста,—торопливо согласился Смагинъ, нѣсколько смущенный и въ то же время благодарно улыбаясь.

— Ну, вотъ, — принявъ деньги сказалъ писарь и добавилъ, разсматривая бумажку на свѣтъ. — Это и вамъ удобнѣе и мнѣ полезно. Представляюсь: Финогеновъ, Константинъ Матвѣевъ, человѣкъ дешевый, но могу пригодиться, въ случаѣ нужды. Руку протягиваете? Весьма польщенъ...

Онъ усмѣхнулся непріятно, мягко пожалъ руку Смагина толстыми пальцами, вздернувъ верхнюю губу, опустивъ нижнюю. Усы у него были подстрижены, на подбородкѣ густо торчалъ толстый серебряный волосъ.

— Симпатичное лицо у васъ, — вдругъ объявилъ онъ. Позвольте узнать, вы—законнорожденный?

Смагинъ удивленно взглянулъ въ круглые, точно у филина, какъ студень дрожащіе, глаза неуловимаго цвѣта и сказалъ суховато:

— Да, законнорожденный. А почему это нужно знать вамъ?

— Это—мой вопросъ, персонально интересуюсь. Желаю хорошо устроиться!

Когда Смагинъ подошелъ къ двери, писарь всталъ на ноги, говоря:

— Если не сняли квартиру,—посмотрите у Коптева.

Онъ подробно разъяснилъ, какъ найти домъ Коптева.

— Изволили усвоить?

— Благодарю васъ!

— Радъ служить!

— Какой непріятный человѣкъ,—думалъ Смагинъ, идя по улицѣ.—Циникъ, должно быть. Странное лицо...

Подулъ свѣжій вѣтеръ, въ небѣ явились облака, тѣни ихъ, точно старыя тряпки, упрямо стирали краски города, ползли черезъ улицу, влачились по растаявшимъ лужамъ.

На пологой крышѣ сарая стоялъ бородатый мужчина, босой, въ жилетѣ поверхъ розовой рубахи и оглушительно свистѣлъ, размахивая длиннымъ помеломъ. Надъ нимъ неохотно летала стая голубей, поднимаясь кругами все выше, сверкая серебристой бѣлизной крыльевъ. Гдѣ-то гулко выбивали коверъ или шубу, точильщикъ точилъ ножи.

Пьяный кузнецъ въ кожаномъ передникѣ вышелъ со двора, спустился въ лужу, зачерпнувъ опоркомъ грязи и громко крикнулъ:

— Ладно-же!

Сѣлъ на тумбу, вылилъ изъ опорка воду и сталъ пальцемъ выбирать изъ него грязь, сбрасывая ее съ пальца на ворота дома.

Было уже около полудня, но человѣку, привыкшему жить въ неутомимой суетѣ столицы, казалось, что городъ еще не проснулся. Звуки жизни рождались неохотно, жили не слитно; прозвучитъ крикъ, растаетъ въ тишинѣ, подобно облаку, и снова тишина будитъ желаніе услышать еще что-то. Это желаніе, новое для Смагина, было пріятно ему, но иногда промежутки между звуками были такъ длительны, что онъ испытывалъ удивленіе.

Вспоминался непрерывный шумъ большого города, бодрый шумъ, возбуждающій мысль, шумъ большого безконечнаго дѣла.

— Тихо живутъ люди...

Онъ повернулъ въ узенькій проулокъ, вползавшій между заборовъ на бугоръ, покрытый жухлой, протоптанной травою.

На вершинѣ бугра стоялъ маленькій сѣрый домикъ, съ голубыми рѣшеткой, ставнями на трехъ окнахъ,—Смагину вспомнилось, что еще утромъ, въѣзжая въ городъ, онъ замѣтилъ этотъ чистенькій домикъ съ большимъ садомъ за высокимъ, крѣпкимъ заборомъ.

Онъ нарочито громко стукнулъ кольцомъ калитки и вошелъ во дворъ,—среди двора, у колодца стоялъ съ метлою въ рукахъ тощій, остробородый человѣкъ, лѣтъ пятидесяти и вопросительно, не здороваясь, смотрѣлъ въ лицо Смагина, сдвинувъ золотистыя брови надъ горбатымъ носомъ.

— Тоже птичье лицо, — невольно отмѣтилъ Смагинъ, вспомнивъ писаря.—Здравствуйте! Это домъ Коптева?

— На воротахъ написано чей, — отвѣтилъ человѣкъ недружелюбно.

— Здѣсь сдается комната?

— Кто сказалъ?—спросилъ человѣкъ, вскинувъ голову, выгибая острый красный кадыкъ.

— Писарь въ полиціи.

— А! Сдается. Мезонинъ.

— Вы сами г. Коптевъ?

— Я самъ, — гордо подтвердилъ хозяинъ. Аккуратно приставивъ метелку къ обрубу колодца, онъ пошелъ къ дому, четко говоря:

— Хорошая комната, шкатулочка! Четыре цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, не дешевле.

Смагину понравилась свѣтлая комната; двойное окно ея смотрѣло въ луга, за рѣку.

— Весной здѣсь, должно быть, великолѣпно,—вслухъ подумалъ онъ.

— И зимой хорошо будетъ,—сказалъ хозяинъ, безцеремонно разглядывая Смагина.—Тепло. Чѣмъ занимаетесь?

— Буду работать у инженера здѣсь.

— Ага, это у Зейделя, болото сушить...

— Въ нахлѣбники не возьмете?

— Въ пахлѣбники?

Коптевъ задумался, все разглядывая нанимателя. Глаза у него были странные,—въ сѣроватой массѣ выпуклыхъ бѣлковъ купались и точно таяли залотистые зрачки. И голова его тоже казалась позолоченной,—рыжеватые, негустые, но волнистые волосы отливали металлическимъ блескомъ шелка; въ бородѣ и усахъ они были еще свѣтлѣе. Не дождавшись его отвѣта, Смагинъ сказалъ:

— Долженъ предупредить васъ,—я высланъ административно изъ Петербурга...

Коптевъ спросилъ, ухмыляясь:

— За политику?

И еще разъ усмѣхнулся, говоря:

— Это не боязно,—не прежняя пора. Я, вотъ, думаю, сколько взять за хлѣбъ, чтобы и мнѣ и вамъ безобидно было...

Договорились быстро и, видимо, Смагинъ понравился хозяину,—провожая его за ворота, Коптевъ отечески сказалъ:

— Видать, вы не больно дѣловитъ человѣкъ, такъ я посовѣтую: кривому на чай—двугривенникъ, извозчику сюда—четвертакъ. Это—за глаза!

Закрывъ калитку, онъ крикнулъ:

— Таисья!

Женскій голосъ невнятно отвѣтилъ откуда-то изъ сада.

— О...

— Ступай, прибери мезонинъ...

— Дочь или жена?—лѣниво подумалъ Смагинъ, посматривая какъ надъ крышами города качаются черныя вѣтви деревьевъ.

На встрѣчу ему поднимался, чмокая копытами, большой козелъ, вотъ, онъ остановился, упираясь передними ногами въ цѣпкую землю, косо поглядѣлъ на человѣка старымъ, выцвѣтшимъ глазомъ, сердито встряхнулъ грязной бородой и, боднувъ воздухъ, отскочилъ въ сторону къ забору.

Смагинъ снялъ шляпу, поклонился козлу и сказалъ:

— Вы очень любезны!

Онъ чувствовалъ себя мальчишески весело, ему хотѣлось шутливо разговаривать, а память настойчиво подсказывала задумчивую пѣсню:

— Размахнулися зеленыя поля
Черезъ рѣки, да скрозь темные лѣса.

Эхъ, пойду я, малъ-сиротка, по полямъ,
Поищу я доли-счастья для себя...

— Ну, счастья здѣсь—не найдешь, а отдохнуть можно,— рѣшилъ онъ.

Въ гостиницѣ, уложилъ вещи, онъ далъ Макару полтинникъ, — кривой внимательно осмотрѣлъ монету темнымъ глазомъ и, опустивъ ее въ карманъ штановъ, раздумчиво поблагодарилъ:

— Спасибо за милость. А вы — куда теперь?

— Вамъ надо знать это? — шутя спросилъ Смагинъ.

— Надо-бы, спросятъ меня.

— Кто?

— Полиція. Обязанъ я знать, кто куда...

— Да — ну? — воскликнулъ Смагинъ, любопытно осматривая его тяжелое, сонное тѣло. — А если я не скажу, куда переѣзжаю?

— Они сами узнаютъ, — равнодушно заявилъ кривой. — Тутъ люди — наперечетъ, какъ цыплята въ рѣшетѣ.

— Такъ? Ну, доложите, что я снялъ квартиру у Коптева.

— Вонъ какъ, — почтительно пробормоталъ Макаръ. — Коптевъ у насъ человѣкъ видный...

— Я самъ — тоже видный человѣкъ! — шутилъ Смагинъ; кривой, наклоня голову на бокъ, внимательно осмотрѣлъ его и согласился:

— Это — точно, вы, господинъ надолго, крѣпкой масти...

Потомъ, держа себя за мочку уха, предложилъ:

— Ежели что запонадобится по женской части, такъ я могу исполнить, я тутъ знаю, которыя женщины...

— А — грѣхъ? — испуганно воскликнулъ Смагинъ, едва скрывъ улыбку, но кривой все такъ же равнодушно утѣшилъ его:

— Не всякая зря грѣшитъ, иная, вѣдь, по бѣдности...

Смагинъ удивленно взглянулъ на него и уже серьезно спросилъ:

— А по бѣдности можно грѣшить?

— Первый способъ, — сказалъ кривой. — Отъ бѣдности все наше нахальство. Вотъ онъ, извозчикъ...

Уложивъ въ пролетку чемоданъ Смагина, онъ поклонился ему, говоря:

— Счастливо! Будьте при себѣ!

— Это хорошо сказано, — думалъ Смагинъ, покачиваясь и подпрыгивая въ пролеткѣ.—Будьте при себѣ! Значительно. И про бѣдность — хорошо! Мыслимо разсматривая шаршавое, деревянное лицо кривого, онъ вздохнулъ:

— Странно, — человѣкъ, съ виду, мертвый, а говоритъ такимъ языкомъ...

Когда онъ вошелъ во дворъ Коптева, — на крыльцѣ его встрѣтила та самая женщина, которую онъ видѣлъ, въѣзжая въ городъ.

— Пожалуйте, — звучно сказала она, протягивая къ его чемодану по локоть голую, красную руку; отъ этой руки исходилъ паръ и тошнотворный запахъ сѣраго мыла. Другую руку, тоже влажную, она отерла о мокрый фартукъ, въ то же время одергивая ею высоко подобранную юбку.

— Вотъ странный случай! — мелькнуло въ головѣ Смагина.

Онъ выпустилъ изъ руки тяжелый чемоданъ съ книгами и растерянно улыбаясь, смотрѣлъ въ синеглазое хорошее лицо; женщина, тоже узнавъ его, покраснѣла до плечъ, опустивъ глаза, и повторила тише:

— Пожалуйте! Мужъ — въ городѣ, онъ скоро пріѣдетъ.

— Да мнѣ его не нужно, — сказалъ Смагинъ.

Мелкій потъ блестѣлъ на лбу женщины и на вискахъ; она была въ рубахѣ деревенскаго холста, собранной складками на полной бѣлой шеѣ и завязанной красной тесьмой; глубокая прорѣха на груди раскрылась, обнажая розовое тѣло.

— Вы — хозяйка? — протянувъ ей руку, спросилъ онъ. Познакомимтесь: Павелъ Николаевъ Смагинъ.

Она не приняла его руку, а только поклонилась, тихо сказавъ:

— Благодарствуйте...

И, легко поднявъ чемоданъ, пошла по лѣстницѣ на чердакъ.

— Позвольте, я самъ, — бросился за нею Смагинъ, но она отстранила его лѣвой рукою.

— Какъ можно, что вы?

— Онъ пошелъ къ воротамъ за другимъ чемоданомъ, спрашивая себя:

— Это чему же я обрадовался? Глупо. И страннаго

ничего нѣтъ въ этой встрѣчѣ; сказано: — какъ цыплята въ рѣшетѣ...

Но все-таки ему было весело и пріятно.

Онъ снова встрѣтилъ ее на серединѣ лѣстницы, женщина посторонилась, пропуская его, спрятала руки за спину, грудь ея подавалась впередъ, замѣтивъ это, она тотчасъ-же легко и быстро снова пошла вверхъ.

— Вѣдь, я уже видѣлъ васъ, — вы узнали меня? — спросилъ Смагинъ, — къ его удивленію, она сказала, остановясь наверху лѣстницы:

— Нѣтъ, я васъ не знаю...

— А, помните, — утромъ?: Вы несли воду, а я — ѣхалъ, и вы еще улыбнулись мнѣ?

— Что это вы, господинъ! — негромко и обиженно сказала она. — Какъ же я могу улыбаться незнакомому? Ея густыя, темныя брови сошлись надъ переносьемъ, губы, тревожно дрогнувъ, вытянулись въ ниточку.

— Вы при мужѣ не скажите такого, срамъ будетъ мнѣ, — договорила она строго.

— Ахъ, вотъ что, — сообразилъ Смагинъ и весело солгалъ: — Ну, значитъ, я ошибся...

Она улыбнулась нерѣшительной улыбкой, ея синіе глаза влажно потемнѣли, а маленькій ротъ расцвѣлъ еще болѣе красиво, чѣмъ утромъ.

— Устраивайтесь, какъ лучше, — сказала она, снова кланяясь ему съ порога, и ушла, плотно прикрывъ дверь, обитую войлокомъ и клеенкой.

Смагинъ щелкнулъ языкомъ, думая вслухъ:

— Ну, и—хороша-же! Однако, Павелъ—будь при себѣ...

Недѣли двѣ, день и ночь, шли упрямые дожди, неизсякаемо посыпая землю ртутной пылью, неутомимо шурша по желѣзу крыши, шаркая по стекламъ окна. Мокрыя деревья, точно стекломъ облились, на улицахъ стояли рябыя лужи, лѣниво текли ручьи, безуспѣшно смывая грязь.

Перестанетъ дождь на часъ, на два, посвѣтлѣетъ небо, — за рѣкою надъ лугами встанетъ сѣрая паморха, скрывая отъ глаза лѣсныя дали, сжавъ землю въ небольшой кругъ; мокрый городъ въ центрѣ его плотно прибитъ непогодой къ

раскисшей землѣ и немощно, жалобно тихъ. Земля покрыта, какъ свинцовой крышею, безконечнымъ облакомъ, съ каждымъ днемъ оно становилось все плотнѣй, опускалось все ниже, выдавливая свѣтъ, сокращая часы дня, грозя навѣки покрыть городъ сѣрой, влажной ночью, безъ луны и звѣздъ.

Въ столицѣ жизнь, не считаясь съ погодой, безъ устали течетъ по широкимъ каналамъ улицъ; яркій огонь, пойманный человѣкомъ, широкими пятнами ложится на панели, изливаясь изъ оконъ, изъ витринъ магазиновъ; тамъ, подъ неукротимымъ дождемъ, въ густотѣ тумана, радужно цвѣтутъ призрачные шары фонарей, вспыхиваютъ синія молніи трамваевъ, неустанно бѣгутъ, мелькаютъ разноцвѣтные огни,— въ большихъ городахъ человѣкъ всегда видитъ себя, чувствуетъ вокругъ неизсякаемый запасъ свѣта, созданнаго имъ, служащаго ему покорно и радостно.

Здѣсь, возвращаясь вечеромъ съ работы, Смагинъ привыкшій ходить быстро, шагалъ во тьмѣ по избитымъ тротуарамъ съ великой осторожностью, задѣвая зонтомъ за невидимые заборы; расчетливо переходилъ улицы, освѣщая дорогу ручнымъ фонаремъ, а все-таки являлся домой грязный, съ мокрыми ногами и раздраженный, несмотря на свое гибкое добродушіе.

Было и досадно, и обидно шагать мимо оконъ, плотно закрытыхъ ставнями, въ окруженіи мокрой тьмы; эта тьма, хлюпающая грязь, ворчливое теченіе ручьевъ, сердитый плескъ лужъ, разбуженныхъ его ногами,—все возмущало Смагина, и тѣмъ, что было такъ побѣдоносно, и тѣмъ, что отнимало много времени, которое онъ привыкъ цѣнить.

За вечернимъ чаемъ или за ужиномъ онъ говорилъ хозяину:

— Вѣдь, это—пустяки, грязь, и темнота; это—легко устранить, а вы—подчиняетесь пустякамъ!

Золотистые зрачки Коптева насмѣшливо поблескивали, около ноздрей ястребинаго носа дрожали тонкія морщинки.

— Вѣрно, — пустяки, — соглашался онъ.—Но—жители мы бѣдные, а фонари—денегъ стоятъ. Разъ. Зря ходить другъ къ другу—мы не охочи,—два. А, въ-третьихъ, касаемо грязи,—видимо, намъ, что и столицы грязью богаты, совокупно со всѣмъ прочимъ вавилонствомъ.

Съ первыхъ же дней Смагинъ почувствовалъ, что этотъ

сухонькій, жилистый человѣкъ относится къ нему свысока, покровительственно и насмѣшливо. Приглашая его къ столу, онъ говорилъ:

— Кушать пожалуйте, господинъ столичный политикъ!

А за обѣдомъ спрашивалъ:

— По вкусу-ли уѣздная пища наша?

Пища была отмѣнно жирна и обильна,—Смагинъ шутилъ въ тонъ хозяину.

— При такомъ питаніи, уважаемый Степанъ Ильичъ, надо бы работать часовъ двѣнадцать въ сутки.

— Вотъ, какъ? А мы—поѣдимъ, да—спать. Особливо пельмени да пироги ко сну гонятъ, и сонъ отъ нихъ тоже особый: всегда снится что-нибудь круглое—бочки, колеса, гири. А, однова, слонъ приснился мнѣ; и видѣлъ то я его на картинкахъ только, а въ живѣ—на ярмаркахъ, въ циркѣ одинъ разъ всего. Пришелъ ко мнѣ этотъ слонъ дергаетъ хоботомъ за ухо и говоритъ: Ильичъ,—у тебя въ саду мальчишки яблоки обиваютъ, бѣги скорѣй! А было это великимъ постомъ. Вотъ, и—вѣрь снамъ...

Онъ усмѣхнулся, ощетинивъ жесткіе, аккуратно подстриженные усы, показавъ мышиные зубы.

Смагинъ узналъ, что Коптевъ почти три года былъ предсѣдателемъ мѣстнаго союза „истинно-русскихъ людей", но—отказался отъ этой почетной должности.

— Можно спросить—почему?

— Можно, сказалъ Коптевъ.—Секрета нѣтъ. Я, сударь, мой, свѣжее яичко, только что снесено, тепленькое; на какой хошь огонь смотри меня—ни пятнушка! А ушелъ я единственно потому, что народъ у насъ не надеженъ: до полудня честенъ, а къ вечеру—воръ!

Вскочивъ со стула, онъ обѣими руками одернулъ внизъ теплый жилетъ, надѣтый поверхъ ситцевой рубахи, подтянулъ штаны и зашагалъ по комнатѣ, мягко шаркая пестрыми туфлями цвѣтныхъ шерстей.

— Предложили намъ отечество къ порядку приспособить, буйство погасить, а мы сейчасъ, давай, съ казны портки снимать, — говорилъ онъ, сердито усмѣхаясь. — Ну, я не политикъ, я человѣкъ честный, бездѣтный, — воровать мнѣ не для кого. Я сказалъ имъ, что слѣдовало и — шабашъ.

Коснувшись лѣвой рукой праваго плеча, онъ рѣзкимъ движеніемъ по горизонту отсѣкъ, срубилъ что-то и гордо указалъ на окно, выходившее въ садъ.

— Я сытъ, кормилецъ мой — вотъ онъ! Дѣдомъ посаженъ, отца кормилъ и меня хорошо кормитъ. Знающіе люди хорошо оцѣнили, что ранетъ Коптева — самолучшее яблоко!

Онъ ткнулъ пальцемъ въ стѣну, тамъ, за стекломъ, въ рамкѣ чернаго бархата висѣла серебряная медаль „за трудолюбіе и искусство“, потомъ онъ указалъ кивкомъ головы на подзеркальникъ, гдѣ въ рамѣ золотого багета красовался дипломъ на званіе почетнаго члена, выданный обществомъ садоводовъ.

— Такъ-то, вотъ! — добавилъ онъ.

Говоря спокойно, Коптевъ постепенно понижалъ голосъ почти до шопота и чѣмъ тише, тѣмъ болѣе увѣренно и четко выговаривалъ слова. А волнуясь, онъ одергивалъ жилетъ, подтягивалъ брюки и, вообще, дергалъ самъ себя, точно желая сорвать съ тѣла все, надѣтое на немъ, и говорилъ торопливо, безпорядочно нанизывая слово на слово, взвизгивая, не слѣдя за своей мыслью. Въ эти минуты онъ какъ-то трещалъ и брызгалъ, напоминая печь, въ которой горятъ сухія, но не жаркія еловыя дрова.

Другимъ вечеромъ, когда дождь садилъ въ ставни оконъ мелкую дробь, а въ кухнѣ угрюмо гудѣлъ самоваръ и гремѣла посудой Таисья, Коптевъ, крикнувъ ей:

— Затвори дверь! — обернулся и вдругъ заговорилъ, глядя въ лицо нахлѣбника исподлобья, острымъ взглядомъ:

— Вы, конечно, о черной сотнѣ по лѣвымъ газетишкамъ судите, а сами насъ, черносотенцевъ, въ глаза не видали, такъ вотъ, поглядите! Лѣваки эти въ русскомъ народѣ столь же мало понимаютъ, какъ волки въ ягодахъ...

— А правые? — спросилъ Смагинъ.

— Хозяинъ подошелъ къ нему и сказалъ, искренно удивляясь, сожалѣя:

— Неужто вы, не изъ политики, а въ самомъ дѣлѣ, не видите, что правые и есть самый корень народа, настоящій народъ? Вы бы поняли простую суть: ежели народъ въ Бога вѣруетъ, власть нездѣшнюю надъ собой признаетъ, — онъ и здѣшнюю власть можетъ отрицать только по временному неразумѣнію. Нашъ народъ по душѣ не властенъ

и своевластія не понимаетъ. А что и дерзко, и смѣшно — ставить человѣчье хотѣніе противъ Божія закона, — это онъ понимаетъ!

Онъ повторилъ убѣжденно:

— Понимаетъ, да!

И добавилъ, спокойнѣе:

— Конечно, противъ васъ — мы люди необразованные, однако-жъ, хотя и въ невѣжествѣ и безъ ума живемъ, но за совѣсть!

Смагинъ не ощущалъ потребности возражать ему, а только мягко выспрашивалъ, стараясь понять ходъ мысли, игру неясныхъ ему чувствованій хозяина. Но на этотъ разъ онъ напомнилъ Коптеву:

— Вы недавно сказали, что народъ не надеженъ: до полудня честенъ, къ вечеру — воръ! Какъ же это примиряется съ совѣстью?

Коптевъ ударилъ себя ладонью въ грудь, противъ сердца, и крикнулъ:

— Здѣсь все примиряется! Вѣдь кто сказалъ бы про народъ зазорно? Я, черная сотня! Не со стороны сказано, а изъ сердца. Сердце, сокрушенно и смиренно, вотъ это малоумное русское сердце, — неугасимая лампада совѣсти! Такъ-то съ! Чему насъ Христосъ учитъ? Онъ учитъ жить по совѣсти, а не по разуму. Гдѣ сказано въ Евангеліи, что разумъ руководствуетъ жизнью? Нигдѣ этого не сказано и не этому учитъ Церковь наша, а мы всѣ церковно живемъ, церковно думаемъ...

Таисья внесла самоваръ, и Коптевъ почему-то сразу остылъ. Смагинъ видѣлъ, что почти ежедневно послѣ обѣда хозяинъ читаетъ столичную реакціонную газету, но прячетъ ее отъ нахлѣбника.

— Не хочетъ, чтобы я пилъ мудрость изъ одного источника съ нимъ, — соображалъ Смагинъ, внутренно усмѣхаясь.

Кромѣ газеты хозяинъ читалъ историческіе романы; въ углу комнаты, на полкѣ лежала стопка потрепанныхъ книгъ, среди ихъ были: „Князь Серебряный“, „Кудеяръ“, толстый романъ Казанцева: „Противъ теченія“, книги Саліаса.

— А „Войну и миръ“ не читали?—спросилъ Смагинъ.

— Это—графа Толстова, Льва? Не читалъ.

— Почему же?

— Не довелось. Да и не охота. Знаю я его мысли!

— Можетъ быть не всѣ?

— Всѣхъ листьевъ на большомъ деревѣ не сосчитать, это вѣрно! Да зачѣмъ же мнѣ чужія-то мысли? Отъ своихъ, иной разъ, покою нѣтъ,—сказалъ Коптевъ, пытливо поглядывая въ лицо нахлѣбника.

Смагинъ чувствовалъ, что хозяинъ хочетъ заставить его разговориться и думалъ:

— Подожди, старикъ!

Пощипывая бѣлокурые усы, онъ оглядывалъ маленькую, въ два окна комнату, съ большимъ зеркаломъ въ простѣнкѣ, тѣсно заставленную сборной мебелью. Въ этой комнатѣ все блестѣло, точно смазанное масломъ, и всегда стоялъ запахъ кухни. Тяжелый стеклянный шкафъ былъ тѣсно набитъ чайной посудой, множествомъ пасхальныхъ яицъ изъ сахара, серебряными ложками; рядомъ съ нимъ не торопясь и осторожно тикали круглые часы, подъ ними—медаль и ломберный столъ на изогнутыхъ ножкахъ; казалось, что онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше подгибаетъ ихъ и скоро сядетъ на полъ, какъ садятся верблюжата на землю. Вокругъ стола собрались тяжелые стулья со спинками лирой и малиноватыми сидѣніями. Изразцовая печь блестѣла такъ холодно, что думалось—ее никогда и ничѣмъ нельзя нагрѣть. Всѣ вещи хвастливо лѣзли въ глаза, безпокоя своею несхожестью, но все было крѣпко и точно вросло въ крашеный рыжій полъ. Среди этой пестрой тѣсноты, безмолвно и ловко, точно большая рыба, извивалась хозяйка, прикрывъ длинными рѣсницами свои чудесные глаза, не замѣчая нахлѣбника и часто ласково улыбаясь печкѣ, шкафу, иконамъ въ переднемъ углу, черному зелено-глазому коту на лежанкѣ.

Мужъ относился къ ней странно, — казалось, что онъ едва терпитъ ея присутствіе. Говорилъ онъ съ нею мало, кратко, ея дѣловыя рѣчи о хозяйствѣ выслушивалъ молча и часто, не дослушавъ, прерывалъ ихъ отталкивающимъ движеніемъ руки или краткими возгласами:

— Ладно! Знаю! Ступай!

Иногда послѣ ужина хозяинъ и нахлѣбникъ сидѣли за столомъ часъ, два, щупая другъ друга словами или взглядами; Смагину очень нравилось это.

Таисья, убравшись въ кухнѣ, открывала дверь и невидимая спрашивала:

— Степанъ Ильичъ, я ложусь?

— Ладно!

Спальня помѣщалась рядомъ съ комнатой, гдѣ обѣдали, и сквозь тонкую переборку было слышно, какъ хозяйка, вздыхая, шепчетъ молитвы, раздѣвается, какъ скрипитъ подъ тяжестью ея тѣла двуспальная кровать съ пятью подушками, накрытая толстымъ одѣяломъ изъ пестрыхъ лоскутковъ шелка.

— Тише, ты!—кричалъ Коптевъ на жену, какъ на лошадь.

Смагинъ представлялъ эту женщину въ мохнатыхъ рукахъ дѣловитаго мужа и невольно брезгливо возмущался, но жалости къ ней не почувствовалъ.

Однажды, сойдя внизъ къ чаю, онъ засталъ хозяйку у стола; она не пошевелилась, сидя передъ самоваромъ и разглядывая лицо свое, отраженное мѣдью.

— Любуетесь?—весело и громко спросилъ онъ.

Таисья вздрогнула, вскочила, испуганно оглядываясь, потомъ улыбнувшись, сказала:

— Заспался хозяинъ-то!

И ушла въ спальную.

— Степанъ Ильичъ, вставай,—просила она; Коптевъ помычалъ и яснымъ голосомъ воскликнулъ:

— Ахъ! Знатный сонъ видѣлъ я!

Тихонько охнувъ, Таисья торопливо прошептала что-то.

— Эка важность! Чай я тебѣ мужъ,—сказалъ Коптевъ.

Громко, словно пощечина, прозвучалъ поцѣлуй, а затѣмъ ворчливыя слова хозяина:

— Дурында! Пятый годъ замужемъ, а поцѣловать какъ слѣдуетъ не умѣешь. Калоша!

Таисья вышла изъ спальной, нахмурясь, потупивъ глаза, а Коптевъ—веселый.

— А вы уже сошли? Что жъ ты мнѣ не сказала?—упрекнулъ онъ жену и тотчасъ началъ балагурить.

— Люблю сны, ужъ очень ловко въ нихъ правда съ неправдой связана...

Въ Покровъ, спустившись ужинать, Смагинъ увидѣлъ за столомъ хозяевъ Финогенова; писарь поздоровался съ нимъ какъ со старымъ знакомымъ, и тотчасъ спросилъ:

— Довольны ли квартирой?

— Очень.

— И хозяиномъ?

— И хозяевами.

Коптевъ усмѣхаясь поглядѣлъ на Смагина, говоря гостю:

— Господинъ Смагинъ—человѣкъ тонкій!

Усмѣхнулся и писарь. Въ сѣромъ, мохнатаго драпа пиджакѣ онъ еще болѣе напоминалъ филина. Ужинали съ выпивкой; хозяинъ очень хвалилъ настойку на яблокахъ.

— Ядъ!—восхищался онъ, смакуя и щурясь; усердно наполнялъ рюмки гостя и нахлѣбника, а самъ все краснѣлъ, весело разгораясь. Когда Таисья, прибравъ со стола, скрылась въ кухнѣ, онъ подмигнулъ вслѣдъ ей, спрашивая Смагина:

— Хороша баба-то?

— Да,—сказалъ Смагинъ, невольно вздохнувъ.

— Гляди—вздыхаетъ!—вскричалъ Коптевъ и засмѣялся, а писарь пошевелилъ ушами, на его плюшевомъ лицѣ явились жирныя складки, задрожали серебряныя иглы волосъ, онъ расправилъ плечи, выпятилъ грудь и, наконецъ, тоже захохоталъ густымъ маслянымъ звукомъ.

— Моя, да-Маймачинская—первыя въ городѣ,—хвастался Коптевъ.

Писарь привелъ лицо въ порядокъ и строго сказалъ:

— У Маймачинской ротъ великъ, а когда такъ, то ужъ...

Онъ отрицательно показалъ головою.

— Она толще моей—моя березкой гнется. Я, въ церкви, нарочно становлю свою поближе къ той, пусть люди видятъ, чья больше взяла.

Они говорили о женщинахъ долго, но въ ихъ словахъ не было ни умствующей чувственности, свойственной людямъ ихъ возраста, ни пресыщенія, которое хотятъ одолѣть острыми воспоминаніями. Они бесѣдовали такъ же просто, съ такимъ же интересомъ, какъ незадолго передъ тѣмъ говорили о яблочной настойкѣ, о пирожкахъ съ налимьей печенью, жареной въ сливочномъ маслѣ.

— Вкусовое отношеніе,—опредѣлилъ Смагинъ.

Онъ чувствовалъ себя неловко, эти люди какъ будто вдругъ забыли о немъ, не разговаривали съ нимъ.

— Уйти, что-ли?—спрашивалъ онъ себя.

Но писарь и хозяинъ возбуждали въ немъ острый интересъ. Уже нѣсколько разъ онъ испыталъ желаніе спорить съ ними, хотѣлось раздражать, задирать ихъ, а все-таки сдерживался, глядя на квадратное мягкое тѣло писаря, на его круглое лицо въ бѣлой плѣсени волосъ, на упрямо-неподвижные глаза ночной птицы.

— Это дерево не зажгешь!

А хозяинъ не нуждался во внѣшнихъ раздраженіяхъ, становясь съ каждой минутой все болѣе многорѣчивымъ, подпрыгивая на стулѣ и одергиваясь. Его золотистые зрачки расширились, бѣлки покраснѣли, басокъ звучалъ мягко и чувствительно.

— Стоятъ они по колѣна въ водѣ, дождь ихъ сѣчетъ, ахъ, ты, Боже,—дотронувшись пальцемъ до локтя Смагина, онъ объяснилъ:

— Это я про рабочихъ, которые на болотѣ. „Пора бы кончать, ребята",—говорю. „Нѣтъ",—говорятъ,—„нельзя, а то весной вся работа прахомъ пойдетъ". Вотъ, пойми, Павелъ Николаевъ, людишки работой живутъ, значитъ, чѣмъ больше работы, тѣмъ для нихъ выгоднѣе, такъ? Ну, и пускай половодье заливаетъ работу, пускай портитъ все, вѣрно? Деньги получилъ и еще получишь, а они говорятъ,—нѣтъ? нельзя! Почему нельзя?

И снова подавшись къ Смагину, онъ умиленно отвѣтилъ на свой вопросъ:

— Совѣтъ запрещаетъ! Вотъ онъ, сердечный, нашъ народъ. Это—густой народъ, на день, на два, на годъ можно его замутить, но онъ скоро опять устоится.... Онъ стоекъ!

Коптевъ зажмурилъ глаза и, покачивая головою, пропѣлъ:

— Люблю свой народъ, цѣны ему нѣту! Намученъ онъ, жалко его; все наше жительство жалко до того, что иной разъ сердце перехватываетъ, ну—ладно! Выстоимъ свое, дождемся, дотерпимся...

Смагинъ слушалъ хозяина съ изумленіемъ,—голосъ его звучалъ задушевно. Коптевъ не казался пьянымъ.

— Я такъ полагаю,—вдругъ и очень громко началъ писарь, но Коптевъ остановилъ его рѣзкимъ взмахомъ руки справа налѣво.

— Постой!

И сказалъ Смагину:

Я, вѣдь, и вашего брата поминаю, я знаю, что и въ лѣвыхъ есть совѣстные русскіе люди и знаю, быть имъ правыми!.. Русь всякую кривую кость выправитъ.

Въ теплой комнатѣ, хорошо освѣщенной огнями двухъ лампъ, стоялъ жирный запахъ пищи, спирта, яблокъ. Вошла Таисья съ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ. Паръ со свистомъ билъ въ лицо ей, красиво изогнувъ шею, она смотрѣла вбокъ и кому то ласково улыбалась. Сладкій жирный запахъ сталъ гуще.

— А реформы, пистолеты, революціи,—все это черная немощь, — возбужденно говорилъ Коптевъ, поддергивая штаны. — Это все отъ Франціи, она, ядовитая крапива, обожгла насъ; отъ нея ваша братія, лѣваки, волдырями вскочили по русской кожѣ! Выполоть бы ее со свѣта и да и выполютъ,—погоди! Это съ Наполеоновыхъ годовъ пошла зараза, ну, теперь—шабашъ.

Онъ отсѣкъ воздухъ любимымъ своимъ жестомъ и замолкъ, отирая потное лицо.

Таисья сѣла рядомъ со Смагинымъ, толкнула его колѣномъ, испуганно выронила чашку на подносъ и, зардѣвшись, сказала:

— Извините...

— Не безпокойтесь,—молвилъ Смагинъ, отодвигаясь, а Коптевъ, поочереди взглянувъ на нихъ, спросилъ:

— Что такое?

— Толкнула нечаянно я ихъ...

— Я ихъ, я ихъ,—передразнилъ Коптевъ жену.—Возись осторожно!

— Бѣда не велика,—сказалъ Смагинъ.

— Чашку разбить могла...

— Я такъ полагаю,—заговорилъ писарь,—потирая щеки короткой рукой,—всѣ бунтующіе люди, какъ-то: сектанты, политики, пьяницы и даже многіе воры, грабители—незаконнорожденные, дѣти отъ гражданскихъ браковъ и другихъ случайностей распутства, т. е. незаконнаго смѣшенія кровей.

— Вотъ, прислушайтесь,—посовѣтовалъ Коптевъ нахлѣбнику, усаживаясь на стулъ покрѣпче, а Финогеновъ,

глядя круглыми глазами прямо въ лицо Смагина продолжалъ, словно читая казенную бумагу:

— Лицо, рожденное вполнѣ законно и воспитанное въ духѣ своей семьи, своего сословія, должно быть признано дѣйствительнымъ человѣкомъ. Всѣхъ же незаконнорожденныхъ надобно принимать за поддѣлку и лишать ихъ правъ состоянія, обращая какъ бы въ крѣпостныхъ людей государства и общества.

— Шутитъ филинъ?—подумалъ Смагинъ, разглядывая убѣжденно мрачное лицо писаря.

Но тотъ продолжалъ лѣниво и упрямо, какъ осенній дождь.

— Еще въ четвертомъ году, будучи помощникомъ смотрителя инородческой семинаріи въ Казани, я обращался въ одно высокое учрежденіе съ докладной запиской по необходимости этого дѣла и записка была одобрена однимъ изъ тамошнихъ ученыхъ профессоровъ.

Смагину казалось, что въ комнатѣ густо падаютъ тяжелые хлопья сырого снѣга. Ровный, безцвѣтный голосъ писаря не заглушалъ ни осторожныхъ ударовъ маятника, ни шороха дождя за окномъ. Стало кошмарно скучно.

Тансья безшумно пила чай изъ блюдечка и смотрѣла на свое отраженіе въ самоварѣ. Коптевъ чистилъ яблоко, аккуратно снимая перочиннымъ ножемъ тонкій слой розовой кожи.

— Только въ дѣтствѣ люди живутъ счастливо, потому что жизнь дѣтей беззаботна, и на нихъ работаютъ взрослые. А посему надлежитъ озаботиться, чтобы дѣтское состояніе чувствъ и мыслей пребывало въ человѣкахъ до конца дней. Изволили усвоить? Дѣторожденіе же, то есть собственно зачатіе, должно быть взято подъ наблюденіе особыхъ комитетовъ, дабы, во-первыхъ, люди не дерзали размножаться превыше законнаго числа, во-вторыхъ же, необходимѣйше-необходимо наблюдать за чистотою крови родителей. Ежели возможно улучшать породы собакъ и даже куръ, то и порода людей можетъ быть улучшена, то-есть упрощена въ направленіи къ дѣтскому. Это есть единственная мѣра, способная измѣнить жизнь кореннымъ образомъ, а всѣ другія реформы—просто обманъ и фантазія, потому что ничего не измѣняютъ внутри людей, въ душѣ...

— Надо успокоить умъ,—строго замѣтилъ Коптевъ, доѣдая яблоко.

— Позволь, Степанъ,—остановилъ его Финогеновъ и продолжалъ все такъ же ровно, безцвѣтно.

— Никакого улучшенія не можетъ быть, кромѣ упрощенія, а—разумъ не упрощаетъ обстоятельствъ жизни, это извѣстно отъ временъ Адама. Изволили усвоить?

Смагинъ чувствовалъ, что писарь можетъ говорить неопредѣленно долго, и все болѣе удушливо.

— Что-же,—спросилъ онъ потирая лобъ,—этотъ планъ жизни только для Россіи?

— Обязательно,—для всѣхъ народовъ земли,—отвѣтилъ Финогеновъ.—Только установивъ повсемѣстное единство, достигнемъ покоя и порядка.

— Не согласятся съ вами народы,—сказалъ Смагинъ.

— Заставимъ,—крикнулъ Коптевъ, ударивъ кулакомъ по колѣну. Такъ ли, какъ Финогеновъ подумалъ, иначе-ли какъ, а—вся земля должна жить нашимъ бытомъ, по-русски, по совѣсти...

— Когда я жилъ въ Могилевѣ,—началъ Финогеновъ, но хозяинъ перебилъ его, крикнувъ еще разъ:

— Заставимъ!.

Смагинъ попытался возразить, но Коптевъ, не слушая, хваталъ первое попавшееся слово и кричалъ:

— Вы поучаетесь по иностраннымъ книжкамъ, а вы бы поучились отъ мыслей русскихъ, заглянули бы въ душу народу-то. Перестроить, кричите, а изъ чего строено, знаете? У насъ народъ изъ чугуна литой, на долгіе вѣка народъ, онъ не ради пустяковъ на землѣ, а Христа ради.

Смагинъ тоже началъ кричать, негодуя на себя за то, что не можетъ не сердиться, но Коптевъ не слушалъ его, брызгая словами, какъ ружье дробью.

— Невѣрно! Иванъ Грозный извергомъ считается вами — книжниками, а что говоритъ про него самъ народъ?

Отвалившись на спинку стула, помахивая рукою, онъ нараспѣвъ проговорилъ:

— Ой настало времячко счастливое,

Сталъ нашъ Грозенъ царь Россеюшку любить,

Сталъ Россеюшку любить, чужи земли съ ней сводить.

— Вотъ, что народу надобно, чтобы царь чужи земли свёлъ съ ней, чтобы, значитъ, мѣсто завоевалъ! Вы о Грозномъ говорите,—звѣрь, а народъ говоритъ—Прозритель! На

чемъ помиритесь? Ага, въ народѣ у Грознаго слава добрая, а вы.... знаете вы какъ онъ боярина Никиту Романова наградилъ за спасеніе сына?

Коптевъ снова запѣлъ, сверкая зрачками:

— А вотъ тебѣ грамота охранная:

Кто церкву покрадетъ, мужика убьетъ,

А кто у жива мужа жену уведетъ,

Да сбѣжитъ въ село боярское,

Къ тебѣ, старому Никитѣ Романову,

И быть имъ у тебя, не къ выдачѣ...

Писарь, поглаживая свое каменное лицо ладонью, покачивалъ головою въ ладъ стихамъ, а Смагинъ, чувствуя себя безсильнымъ остановить вихрь словъ хозяина, сталъ слушать его пламенную рѣчь молча и все съ большимъ интересомъ.

— Кто бы у насъ бунтовъ не начиналъ, всѣ начинали царскимъ именемъ: Гришка ли Отрепьевъ, Разинъ али Пугачевъ, даже дворяне, и тѣ супротивъ Николай Павлыча за Константина встали! Это надо понять: не свою власть утверждаетъ народъ, а надъ собою!..

Историческія воззрѣнія Коптева не нравились писарю, нахмурясь, онъ сказалъ угрюмо:

— Однако, всякій бунтъ —бунтъ!. Ты, Степанъ, не то говоришь....

— То!—взвизгнулъ Коптевъ—можетъ—по разуму не то, а по сердцу—то самое...

Но писарь повторилъ:

— Бунтъ есть бунтъ! Закрывать глаза не надо...

Смагинъ взглянулъ на него и понялъ, что писарь тяжко пьянъ; лицо его распустилось, оплыло; студенистые глаза еще болѣе помертвѣли и выпучились. Что-то жуткое, грозное явилось на этомъ каменномъ лицѣ ночной птицы,—Коптевъ взглянулъ на него и присмирѣлъ, повторивъ его слова:

— Конечно, бунтъ—бунтъ...

— Вотъ, — сказалъ Финогеновъ. — Ради царя, ради Христа—все одно! Не смѣть...

Розовое лицо нѣмой хозяйки покраснѣло, покрылось потомъ, она отирала его платочкомъ, спрятаннымъ въ рукавѣ кофты. Ея, словно, не было въ комнатѣ.

Коптевъ, растегнувъ жилетъ и воротъ рубахи, сунулъ въ ротъ конецъ бороды и мялъ его губами.

— Изволили усвоить?—вдругъ спросилъ Финогеновъ, разглядывая свою ладонь,—хотѣлъ приподняться со стула и не могъ.

Таисья усмѣхнулась, мужъ тихонько пригрозилъ ей пальцемъ и сказалъ:

— Ступай спать!

Она встала, поклонилась гостямъ и покорно, какъ подростокъ, ушла.

— Перегрузился я,—выговорилъ Финогеновъ, глядя въ слѣдъ ей.

Помолчали съ минуту, потомъ Коптевъ спросилъ писаря:

— Зонтикъ у тебя есть?

— Да,—не сразу отозвался писарь—пора домой...

Осмотрѣлъ комнату и повторилъ:

— Домой...

— И мнѣ пора,—сказалъ Смагинъ, вставая, но хозяинъ мигнулъ ему и отрицательно покачалъ головою.

Точно слѣпой, держась за край стола, Финогеновъ поднялся на ноги, расправилъ плечи и, посмотрѣвъ на Смагина, глухо произнесъ:

— Надѣюсь...

Но, не договоривъ, на что онъ надѣется, сунулъ руку Смагину и, покачиваясь на короткихъ ногахъ, тяжело пошелъ къ двери, посапывая. Коптевъ отправился провожать его, а Смагинъ, присѣвъ на лежанку, думалъ:

— Какіе люди!..

Изъ двери въ кухнѣ высунулось лицо хозяйки.

— Ушли?—тихо спросила она.

— Да. Надоѣли мы вамъ?

— Ничего. Они, иной разъ, до свѣта сидятъ—сказала она, исчезая.

Воротился Коптевъ, подошелъ къ нахлѣбнику и объяснилъ:

— Кабы вы первый ушли, такъ онъ бы остался, вотъ я и мигнулъ вамъ,—погодите, молъ! Таисья, дай квасу,—квасу хотите?

— Нѣтъ, спасибо.

— Не надо, Таисья! Большого ума человѣкъ, но—пропалъ зря?

— Дойдетъ онъ?

— Дойдетъ! Онъ—привыченъ, ночной человѣкъ, лѣтомъ

до утра шляется. Сынъ у него былъ,—осудили въ каторгу за грабежъ,—въ седьмомъ году. Жена вторая—распутница, сбѣжала отъ него; дѣвчонка совсѣмъ была, семнадцати годовъ, пять мѣсяцевъ всего и жила съ нимъ. Такъ, вотъ, и остался онъ — не бритый... Остраго боится — ножей, вилокъ, шильевъ...

Схвативъ руку Смагина цѣпкими грязными пальцами, хозяинъ потрясъ ее:

— Хорошій вечерокъ провели, а? Я, грѣшникъ, люблю побаловать...

— Вы во всемъ согласны съ нимъ? — спросилъ Смагинъ. — Коптевъ сморщилъ лицо, говоря:

— Отъ ума многое у него, а умъ — раздраженный обидами. Это вѣрно, — жизнь надобно исправлять изнутри, отъ семьи. И чистая кровь — великое дѣло! Тутъ у насъ живетъ чудакъ одинъ, прокуроръ Маймачинскій, образованнѣйшее лицо, — такъ онъ кому хотите докажетъ, что турки и китайцы погибаютъ отъ многоженства, отъ смѣшенія кровей. Ну, а кому же пріятна турецкая судьба?

— Покойной ночи, — пожелалъ Смагинъ.

Онъ поднялся къ себѣ, зажегъ свѣчу и медленно раздѣваясь, испытывая чувство тяжкой усталости, думалъ:

— Далеко все это отъ знакомаго мнѣ, далеко...

Вытянулся на постели внизъ лицомъ, погасилъ свѣчу и сталъ смотрѣть, какъ таетъ тусклое пятно луны, потерянной въ облакахъ. Было такъ совершенно тихо, что казался громкимъ и безпокоилъ даже стукъ часовъ въ карманѣ жилета, висѣвшаго у двери на стѣнѣ.

— Я держался неумѣло, — соображалъ Смагинъ. — Неужели у меня не хватаетъ идеи и фактовъ для спора съ ними?

Онъ чувствовалъ себя смущеннымъ, вспоминая горячія рѣчи, снисходительныя насмѣшки Коптева.

— Дѣдъ мой жилъ при лучинѣ, при сальныхъ свѣчахъ, отецъ—керосинъ жегъ; я могу электричество запалить, ну такъ что? Лучше я дѣда и отца, спокойнѣе живу? Пустяки все это, дѣтскія забавы! Вотъ, граммофоны выдумали, синематографы, я вижу — это забавно, ну такъ что? Игрушки же это! А для души, — гдѣ облегченіе?

Глухо, какъ деревянное било, звучалъ голосъ Финогенова.

— Жить надо замкнуто!

Серебро въ облакахъ за окномъ растаяло. Окно заткнула тьма, на желѣзо крыши тихонько посыпался дождь.

Внизу, у хозяевъ, упало что-то тяжелое, потомъ хлопнула дверь, тишина тотчасъ захлестнула звуки, но черезъ минуту сквозь полъ просочилось странное бульканье, — кто-то заговорилъ торопливо и громко.

Закрывъ глаза, Смагинъ представилъ себѣ красивое лицо хозяйки, всегда полусонное, и какъ бы уставшее отъ сновидѣній, вспоминалъ ея мощное тѣло. Какъ, должно быть, скучно ей жить!

Не спалось. Подъ тихій шумокъ дождя сердце мягко сжимала грусть.

Онъ безсонно лежалъ до утра, а когда въ комнату вглянуло бѣлесоватое осеннее солнце, — всталъ, подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ въ поля, за рѣкою, слѣдя бездушно, какъ на полосѣ яркой озими мелькаетъ, прыгая, заяцъ.

Скоро солнце утонуло въ облакахъ; мокрый городъ посѣрѣлъ, разбухшая земля потемнѣла.

Зима встала сразу, круто; съ вечера густо повалилъ мокрый снѣгъ, а поутру онъ лежалъ на крышахъ, на землѣ плотнымъ слоемъ, сжатый бодрымъ морозомъ, распушивъ голыя деревья бѣлыми цвѣтами, и по всей землѣ, чудесно окутанной въ шелка и атласы, расцвѣлъ бѣлый тихій праздникъ.

Крыши пріобрѣли странное сходство съ крышками гробовъ, обитыми сверкающимъ глазетомъ, дальній лѣсъ посѣдѣлъ, а рѣка, отразивъ сизоватыя тучи, стала густо-синей. Скворешни, вершины деревьевъ, трубы домовъ одѣли пушистые чепчики, а все печальное, ограбленное дождями и вѣтромъ осени, тепло одѣлось толстымъ слоемъ пуха.

Въ квадратной рамѣ окна явилась новая картина — тихо-свѣтлый полукругъ земли, неподвижный и безлюдный. Смагинъ сталъ передъ окномъ и любовался, наслаждаясь, какъ будто впервые видѣлъ первый день зимы.

— Хорошо, если бы солнце ударило на все это, — пожелалъ онъ, слѣдя, какъ изъ трубы поднимается дымъ,

въ одномъ мѣстѣ сѣрый, тучный, въ другомъ — голубоватый и едва различимый на сизой завѣсѣ неба.

Онъ многое переживалъ здѣсь впервые, но неохотно сознавался въ этомъ передъ собою, — ему было тридцать лѣтъ, онъ привыкъ думать, что знаетъ жизнь, и было неловко, обидно почти ежедневно спотыкаться обо что-то непонятное, хотя и знакомое смутно по литературѣ, по газетамъ и разсказамъ пріятелей, которые живали въ глухихъ уѣздныхъ городахъ.

Все чаще онъ ощущалъ, что его знаніе бытовой стороны жизни недостаточно широко, не связно, и что многое въ городѣ чуждо ему, какъ, навѣрное, было бы чуждо иностранцу. Онъ замѣчалъ, что въ его запасѣ свѣдѣній о провинціи гораздо больше идей, чѣмъ фактовъ, а факты, извѣстные ему, въ большинствѣ имѣютъ характеръ анекдотовъ. Эти анекдоты смѣшные и грустные, часто — отвратительные, возбуждавшіе брезгливость и скорбный гнѣвъ, раньше очень удобно укладывались въ рамки извѣстныхъ, привычныхъ сообщеній, объясненій, но теперь, когда анекдоты создавались на его глазахъ, онъ чувствовалъ, что психика творцовъ уѣздной жизни мало понятна ему.

— Нѣтъ, вы погодите, — кричалъ Коптевъ за обѣдомъ. — Когда, вотъ, мы маленькіе города выдвинемся, вопремся въ дѣло, — мы вамъ покажемъ себя! Мы съ васъ, столичныхъ, спѣсь собьемъ, мы — не столичные, а — единоличные, — у насъ одно лицо у всѣхъ! Мы свои порядки возведемъ, свои города нагородимъ, — насъ семь тыщъ, да всѣ губернскіе съ нами, да села тоже, — такъ это такая будетъ туча народу! Что-о-съ? Полтораста милліоновъ у насъ?..

Онъ удивился, недовѣрчиво поглядѣлъ на Смагина, рѣзко одернулъ жилетъ.

— Да—вѣрно-ли сосчитано? Надобно въ календарѣ посмотрѣть...

Но его очень обезпокоила цифра населенія имперіи; помолчавъ, повертѣвъ шеей, онъ снова заговорилъ, пренебрежительно улыбаясь.

— Инородство тутъ впуталось,—армяшки, жидишки, киргизье. Такъ, вѣдь, всю эту челядь—вонъ выжать, али обратить въ крѣпостное состояніе, только и дѣла! Не да-

вать имъ никакихъ правовъ,—сами разбѣгутся, кто—куда. Вотъ—въ Китай можно, земля огромная...

Однако, и этотъ планъ не успокоилъ его, онъ сталъ настойчиво разспрашивать Смагина—сколько на Руси русскихъ?

— Пятьдесятъ пять милліоновъ великой-то Руси! Сорокъ три процента... мм, скажите, пожалуйста! А я считалъ—больше, н-да...

Онъ пріуныль, но за ужиномъ, снова добрый и веселый, внушалъ Смагину, показывая маленькій крѣпко сжатый кулакъ.

— Сила не въ цифрѣ, число ничего не обозначаетъ,—сила въ крѣпости! Иной—съ тысячью цѣлковыхъ на десять оборотъ имѣетъ, а другой съ десятью—на пятьсотъ. Главное—разумъ!

— Да, вѣдь, вы разумъ не цѣните! напомнилъ Смагинъ.

— Какъ это?

— Вы же говорите, что жить надо не по разуму, а по совѣсти, а гдѣ-жъ тутъ совѣсти мѣсто, если вы на всѣхъ инородцевъ гоненіе проповѣдуете?

— А они—живи нашимъ бытомъ, такъ я ихъ не трону, можетъ! Совѣсть для всѣхъ должна быть одинакова. Не мнѣ же по закону калмыцкой совѣсти жить, пусть калмыкъ по моему закону живетъ, я его умнѣе! Кромѣ того: одно дѣло—дѣло, а другое—вѣра! Да и что такое совѣсть, если вдуматься? Тутъ—совмѣстное, совѣтное, вѣстимое, значитъ: всѣмъ извѣстное, принятое за правило всѣми вмѣстѣ! Вотъ, что—совѣсть! Стало быть,—если всѣ вмѣстѣ пятьдесятъ пять милліоновъ примутъ совмѣстно рѣшеніе,—всѣ другіе должны уступить!..

Смагинъ ясно видѣлъ, что въ этой путаницѣ словъ и понятій его мыслямъ, его идеямъ—нѣтъ мѣста. Все, что онъ говорилъ, не доходило до сознанія хозяина, останавливаясь передъ стѣною устойчиваго недовѣрія, насмѣшливаго невниманія.

Сначала, сгоряча, онъ опредѣлялъ разсужденія хозяина рѣзкими словами:

— Чепуха, дичь...

Но, присматриваясь къ нему, чувствовалъ, что этотъ бойкій человѣкъ—не глупъ, а только неуклюже, неумѣло облекаетъ свои органическія мысли въ чужія, неудобныя

для нихъ слова, и слова эти росли на чемъ-то, какъ плѣсень на сыромъ деревѣ.

Сынъ банковскаго служащаго, который женился поздно, а умеръ рано, Смагинъ еще во дни отрочества началъ жить трудной жизнью, столь обычной для людей его слоя; упрямо бѣгалъ по урокамъ, желая помочь матери и сестрѣ, и ясно понималъ, что образованіе для него—единственная почва, на которой можно встать твердо. Не замѣчая въ себѣ особенныхъ дарованій, одолѣвалъ препятствія упорнымъ трудомъ; средній человѣкъ, онъ не разсчитывалъ на многое, но привыкъ вѣрить въ свои силы и уважать себя.

Въ разнообразныхъ столкновеніяхъ съ жизнью, онъ доразвился до сознанія личной отвѣтственности за ея безобразія, и когда наступилъ бурный годъ возмущенія всѣхъ здоровыхъ силъ страны, онъ, въ ту пору студентъ второго курса, спокойно и дѣловито вошелъ въ крутой вихрь событій. Но, отличаясь радикализмомъ, терпимый, гибкій, какъ всѣ непосредственно познавшіе драматическую сложность человѣческихъ отношеній, онъ все-таки былъ увлеченъ событіями далеко налѣво и, потерпѣвъ за увлеченія меньше другихъ, вышелъ изъ неудачнаго боя сравнительно мало изувѣченнымъ духовно.

Ему удалось воспитать въ себѣ немножко юмористическое отношеніе къ жизни, къ людямъ, къ своимъ эмоціямъ, и хотя это нѣсколько раздваивало его, но очень помогало въ трудные дни. Онъ спокойно пережилъ гнилые годы развала соціальныхъ идей и чувствованій, сохранивъ свою вѣру въ правду, созданную исторіею человѣчества, въ ту правду, которую западно-европейскій міръ неустанно творитъ изъ крови и нервовъ безчисленныхъ поколѣній въ крѣпкія мысле-формы, на которыхъ строится храмъ всемірной, планетарной культуры.

Но теперь, въ этомъ деревянномъ городѣ, тихомъ, какъ густой лѣсъ, подъ низкимъ небомъ, онъ начиналъ чувствовать нѣчто непримиримо враждебное, его правдѣ,—другое міросозерцаніе, темное, запутанное и жуткое. Его мозгъ словно растворялся въ чемъ-то жирномъ и липкомъ, подобно клею, онъ чувствовалъ убыль энергіи и утѣшалъ себя:

— Это—результатъ временнаго преобладанія впечатлѣній

отрицательныхъ; раньше впечатлѣнія были обильныя, чередовались, а теперь они не богаты и одноцвѣтны. Очень ужъ скоро скучать начали вы, сударь! Будьте при себѣ!—Но шутки не утѣшали.

Вечерами Смагинъ сталъ уходить изъ дома въ гостиницу и тамъ игралъ на билліардѣ съ портнымъ Щукинымъ.

Въ трезвомъ состояніи портной смотрѣлъ на все и на самого себя— грустно, онъ все жаловался, вздыхая, шмыгая носомъ.

— Въ молодежи здѣсь интересъ только къ моднымъ вещичкамъ и, конечно, къ бабству; бабство съѣдаетъ людей, какъ мухъ, знаете,—разсказывалъ онъ, нацѣливаясь кіемъ въ шаръ, крѣпко зажмуривъ одинъ глазъ, широко раскрывая другой:

— Краснаго въ участокъ направо! Когда заговоришь о чемъ-нибудь сверхъ обычнаго—смѣются: штановъ, говорятъ, сшить не умѣешь, а политикой занимаешься, рыло! Конечно, врутъ, я шью на всѣхъ именитостей здѣшнихъ, и они мною довольны, хотя все это люди безъ фигуръ. Животы очень одолѣваютъ ихъ,—замѣчательно жирный народъ противъ Петербурга.

Изгибая надъ билліардомъ свое тощее тѣло, далеко отставивъ длинную ногу, онъ долго ерзалъ кіемъ по пальцу, а послѣ невѣрнаго удара лизалъ палецъ языкомъ.

Смагинъ обыгрывалъ его, тогда портной, становясь еще болѣе грустнымъ, встряхивалъ пеньковой головою и продолжалъ свои жалобы.

— Не везетъ мнѣ! Молодость потеряна въ пустыхъ пространствахъ разсужденій, ума особеннаго не накопилось, а въ сердцѣ — ѣдучая скука. Что — такъ и что — не такъ? Глядишь на всѣ стороны между событій жизни, а гдѣ правильная колея? Не видно. Въ мысляхъ — одиночество, въ жизни — тоже. Въ Питерѣ одиночество не окружаетъ, тамъ вездѣ — свои люди; хотя и незнакомъ человѣкъ, но по взгляду видно—свой, тогда какъ здѣсь смотрятъ на тебя съ простымъ вопросомъ: въ какой мѣрѣ ты жуликъ?.. Жениться? Объ этомъ я думаю, но женщина здѣшняя пугаетъ объемомъ и отсутствіемъ души. И, сверхъ того, я не вѣрю въ прочность жизни, — вдругъ, придется бѣжать куда-нибудь? А,

можетъ быть, и не придется, но захочется, потому что я смотрю на мою жизнь, какъ на ссылку.

На темныхъ улицахъ, провожая Смагина, онъ говорилъ смѣлѣе.

— Въ Питерѣ я, все-таки, книжки читалъ, въ театры хаживалъ, былъ членомъ профессіональнаго союза и думалъ объ исполненіи завѣтныхъ желаній. Здѣсь — книжки не въ чести, да и некогда читать, бездѣлье мѣшаетъ! Тамъ — свобода слова въ трактирахъ, а здѣсь—ну-ко поговори! По матерному можно, а по правдѣ—нельзя! Очень странно, а допускается условіями жизни.

Посмѣиваясь, онъ сказалъ смущенно:

— Отъ всѣхъ столичныхъ привычекъ — одна осталась: полиціи побаиваюсь. И, какъ тогда, свернули вы въ полицейское, я даже обомлѣлъ, думаю: ловко познакомился!

Однажды онъ предложилъ Смагину, снявъ шапку, стоя съ непокрытой головой:

— Зайдите ко мнѣ чай пить, пожалуйста!

Онъ жилъ въ двухъ комнаткахъ маленькаго домика, спрятаннаго за палисадникомъ; въ первой помѣщалась мастерская, а рядомъ съ нею, за перегородкой, не доходившей до потолка, стояла кровать, столъ, два стула и старенькая фисгармонія.

— Играете?—спросилъ Смагинъ.

— Учусь; купилъ по случаю у татарина и учусь. Зимой, знаете, очень утѣшаетъ; на улицѣ—стонъ, вой, адово безобразіе, такъ я присяду и заглушаю...

Онъ досталъ изъ ящика стола двѣ книги въ черныхъ переплетахъ, хлопнулъ ими другъ о друга и сказалъ, мило улыбаясь:

— Вотъ, тоже для самозабвенія хорошо служитъ, — Донъ-Кихотъ, читали? Замѣчательная вещь! Съ картинками. И засмѣялся, ласково поглаживая книгу, точно кошку.

— Мнѣ чудятся, что я самъ замѣтно похожъ на Донъ-Кихота, особенно — носомъ, а также — худобой, только бородки нѣтъ. Пробовалъ я и бородку завести, но она начала расти разсѣянно и все направо... Смѣяться стали, сбрилъ...

— И наклонясь къ гостю, сидѣвшему у окна, онъ сказалъ серьезно:

— Не надо, вѣдь, позволять, чтобы они смѣялись надъ нами? Такъ?

— Такъ, — сказалъ Смагинъ, улыбнувшись и чувствуя, какъ быстро портной возбуждаетъ у него симпатію.

Маленькая, круглая старушка съ плутоватыми глазами внесла самоваръ, комната сразу наполнилась запахомъ углей,—Щукинъ поморщился и вопросительно сказалъ:

— Ильинишна, а вѣдь, опять съ угаромъ?

— А ты, батюшка, форточку открой, — посовѣтовала старушка и ушла.

— Слыхали?—спросилъ Щукинъ, иронически подмигнувъ вслѣдъ ей.—Вотъ, этакъ, они смотрятъ на всѣ неудобства своей жизни: имъ, знаете, кажется, что, ежели существуетъ форточка, такъ ужъ надлежитъ пускать всякій чадъ...

Смагинъ засмѣялся, а портной, пріободренный его смѣхомъ, оживленно продолжалъ, заваривая чай и, кстати, обливая себѣ пальцы кипяткомъ.

— Домохозяева у меня замѣчательно простые люди, льютъ помои по всему двору, въ палисадникъ, подъ деревья. Я говорю: запахи отъ этого, мухи, болѣзни! Но они возражаютъ: а солнышко на что? Хорошо понята должность солнца? То-есть, ежели бы опустить его пониже, такъ они на немъ грибы станутъ жарить, какъ на сковородѣ.

Онъ печально покачалъ вихрастой сѣрой головой. Было въ немъ нѣчто безпомощное, смѣшная и милая неуклюжесть подростка. Его длинные, тонкіе пальцы попадали не туда куда слѣдовало, торопливо и неловко хватая не то, что нужно. Наливъ гостю стаканъ чая, онъ отставилъ его въ сторону, а Смагину почтительно подалъ сахарницу, не переставая говорить пѣвучимъ теноркомъ.

— Удивительно трудный народъ для всего и для самихъ себя! И, сверхъ того,—озорники! Конечно—озорства и въ Питерѣ сколько угодно, но—тамошнее другого сорта тамъ я чувствую корни раздраженія, тамъ человѣкъ и безъ очковъ видитъ, какъ его замаяли, заторкали, тамъ онъ законно негодуетъ, хотя бы и дикими пріемами. Жизнь наглая и сразу видно: вотъ—я, вотъ—не я, и начинается отчаяніе по причинѣ множества обидъ. А здѣсь, живутъ безъ негодованія, въ неподвижномъ равенствѣ глупости и безъ волнующихъ желаній. Т.-е. они, конечно, волнуются, но до

перваго куска, заткнулъ себѣ глотку и — молчитъ, набилъ кишки и—дремлетъ. А въ свободный свой часъ—озорничаетъ звѣрскимъ бытомъ, безъ всякаго резона...

Онъ забылъ завернуть кранъ самовара и сдѣлалъ это послѣ того, какъ сплеснулъ кипятокъ съ подноса на колѣни себѣ. Не смутясь, онъ всталъ, оттянулъ брюки на колѣняхъ и, придерживая ихъ руками, сплетенными изъ синихъ жилъ и тонкихъ костей, согнувшись, продолжалъ:

— Обижаютъ меня эти поступки своею ненужностью и, знаете, поглядишь вокругъ, подумаешь, да вдругъ и поймешь со страхомъ: такъ вотъ, что значитъ чужая сторона, о которой въ пѣсняхъ поется!

Пищалъ самоваръ, точно въ немъ мыши играли, вѣтеръ дергалъ ставни, толкался въ стѣну, гудѣло въ трубѣ. Смагинъ, молча, слушалъ трепетный голосъ портного и чувствовалъ, какъ изголодался этотъ человѣкъ, какъ жадно торопится онъ насытить свою потребность общенія съ подобными себѣ.

— Чужая сторона?—думалось Смагину.—Нѣтъ, это нелѣпость... Мимолетно, отрывочно онъ вспоминалъ другія комнаты столь же бѣдныя, неуютныя, но—полныя ясныхъ признаковъ болѣе широкаго интереса къ міру, къ жизни. На стѣнахъ тѣхъ комнатъ висѣли фотографіи извѣстныхъ людей, на полкахъ стояли книги. Тамъ кипѣли жаркіе споры о великихъ вопросахъ, о событіяхъ Европы; звучали въ памяти иныя слова, тнѣвныя рѣчи, и было ясно, что тамъ, въ маленькихъ клѣткахъ огромнаго города растетъ другая жизнь, ничѣмъ не связанная съ этой. Впечатлѣнія бытія тамъ обильнѣе, разнообразнѣй, уколы ихъ острѣй, и человѣкъ, раздражаемый ими, растетъ быстро. Жизнь бьетъ съ размаха желѣзнымъ молотомъ, слабые исчезаютъ подъ ея ударами, сильные становятся крѣпче. А вотъ, здѣсь жизнь какъ будто устала смертельно, движется медленно и слѣпо, напоминая таяніе осенней безконечной ночи. Въ сумракѣ этой сырой, худосочной жизни рождаются, какъ плѣсень, странныя фантазіи Финогенова, Коптева, мысль вертится вокругъ будничныхъ пустяковъ, и есть въ ней что-то безкрылое, испуганное, тоскливо-озлобленное и противучеловѣчное.

Щукинъ, становясь все болѣе интереснымъ, словно умнѣя съ каждой минутой, изливался, посмѣиваясь:

— А что они другъ съ другомъ дѣлаютъ,—понять невозможно этихъ сенсацій. Напримѣръ, въ Успеньевъ день мѣщанинъ Шишовъ гоняетъ своихъ голубей,—у него очень хорошая стая, и за нею всегда охотится Лукинъ, богачъ-купецъ, тоже азартный голубятникъ. Увидалъ онъ шишовскую охоту и сейчасъ же выпускаетъ свою, да, второпяхъ, и сломай помело. Дѣло охотничье, горячее; вотъ онъ сорвалъ съ себя штаны, и на грѣхъ вмѣстѣ съ подштаниками, стоитъ на крышѣ, гогочетъ, какъ въ банѣ, и, знаете, размахиваетъ. Праздникъ, время предвечернее, на улицѣ—женщины; нѣкоторымъ вовсе непріятно видѣть мужчину на высотѣ и во всѣхъ подробностяхъ, онѣ, конечно, визжатъ, какъ собачки, а сосѣдъ Лукина, акцизный надзиратель Старокумовъ, извѣстный своей ревностью къ женѣ, схватилъ двухстволку и давай палить въ купца изъ окошка. Пять разъ выстрѣлилъ, и хотя дробь не донесла, однако, купецъ испугался, сидитъ на крышѣ и оретъ—„убійство“! Толпа собралась, хохотъ, пальба...

— Это анекдотъ, — сказалъ Смагинъ, смѣясь. — Кажется, я его слышалъ или читалъ...

Портной обидѣлся, привскочилъ со стула и горячо возразилъ:

— Помилуйте, зачѣмъ же я анекдоты сказывать стану? Они—судятся. Спросите Финогенова,—онъ Лукину прошеніе писалъ, обвиняя акцизнаго въ покушеніи на убійство дробью среди бѣла дня, а Старокумовъ обвиняетъ Лукина въ нарушеніи всѣхъ приличій.

Смѣшно взмахнувъ руками, портной съ грустью продолжалъ:

— Легко сказать—анекдотъ! Если бы—среди прочаго, ну, допустимо назвать анекдотомъ, а когда ничего прочнаго незамѣтно, и подобный случай возбуждаетъ интересъ всѣхъ жителей, то, ужъ, это, знаете, вовсе не анекдотъ, а—историческое событіе изъ дѣйствительной жизни. Вы все по своему мѣряете, а здѣсь дѣйствуетъ мѣстный сантиметръ.

Историческія событія потекли изъ устъ Щукина, какъ изъ водосточной трубы; онъ торопился, захлебывался словами и выкрикивалъ:

— А это анекдотъ: господинъ Маймачинскій пьяную кухарку свою раздѣлъ до нага и, выкрасивъ коричневой

краской, которой полы красятъ, выгналъ со двора въ этомъ видѣ. Она жалобу на него, а онъ обвинилъ ее въ кражѣ, и кончено... Ее же подъ арестъ посадили.

Просидѣвъ далеко за полночь, Смагинъ сталъ прощаться, но портной попросилъ его:

— Позвольте, я провожу васъ!

Была оттепель, черная ночь плотно окутала городъ сырымъ тяжелымъ трауромъ. Рѣдкіе фонари, сгущая тьму, казались толстыми гвоздями, и это они крѣпко пришили ее къ землѣ. Гвозди — толстыя, а золотые шляпки — уродливо малы, тьма обсасываетъ ихъ, и они становятся все меньше.

Щукинъ тоже, напоминая фонарь, засасываемый тьмою, мялъ длинными ногами темный, мягкій снѣгъ и бормоталъ задумчиво:

— Если бы мнѣ задали географическій вопросъ, что такое городъ Мямлинъ? — такъ я бы не стѣсняясь отвѣтилъ: Мямлинъ это мѣстность, населенная чрезвычайно одинокими и весьма одичавшими людями, изъ которыхъ каждый занимается не своимъ дѣломъ! Честное слово! Господинъ Маймачинскій—паяцъ, а всю жизнь служилъ прокуроромъ, городской голова Богомоловъ—купецъ, а характеръ у него монашій, и ему бы архиреемъ быть. И все въ этакомъ родѣ, знаете.

Помолчавъ, онъ добавилъ тихонько:

— А вотъ я музыку обожаю, а между тѣмъ—портной! Однако до-свиданія. Душевно спасибо за визитъ...

Смагинъ сталъ радушно приглашать его къ себѣ:

— Заходите, а? Хоть завтра!

Но Щукинъ, почмокавъ губами, вздохнулъ и сказалъ смущенно:

— Нѣтъ, ужъ лучше вы ко мнѣ пожалуйста. Я, знаете, нѣсколько побаиваюсь вашего хозяина, не люблю его мѣдную морду... Это такая ехидна...

Длинный, желтолицый, онъ стоялъ передъ Смагинымъ, покачиваясь, и снова напомнилъ ему фонарь, который засасываетъ холодная, липкая тьма. Смагину было сердечно жалко портного; неудовлетворенный, тоскующій этотъ человѣкъ былъ понятенъ ему, онъ свѣтился трепетнымъ и неяснымъ, но знакомымъ свѣтомъ.

— Нравитесь вы мнѣ очень! — сердечно сказалъ онъ Щукину, а тотъ отвѣтилъ такъ же просто и сердечно:

— И вы мнѣ тоже. Я, знаете, какъ замѣтилъ васъ тогда передъ домомъ Маймачинскаго, вижу — стоитъ человѣкъ, смотритъ и не вѣритъ. Ахъ, думаю, бѣдный... Я вѣдь очень знаю, какъ трудно интеллигентному человѣку въ здѣшней необыкновенной жизни...

Это неожиданное сожалѣніе разсмѣшило Смагина, онъ такъ и пришелъ домой, съ улыбкой въ сердцѣ.

Какъ всегда, ворота отперла Таисья, въ полушубкѣ, накинутомъ на рубаху, въ тяжелыхъ валяныхъ галошахъ, обшитыхъ кожей.

— Извините, безпокою я васъ,—тихо сказалъ онъ, заглянувъ въ лицо ея, измятое сномъ,—она отозвалась такъ же тихо:

— Ничего.

И, задвинувъ засовъ воротъ, пошла рядомъ съ нимъ, вздыхая.

— Вамъ бы прислугу завести,—посовѣтовалъ Смагинъ, останавливаясь у лѣстницы, протянувъ ей руку. Она запахнула полушубокъ на груди, должно быть не замѣчая его руки, и отвѣтила равнодушно:

— Не хочетъ мой-то! Ты, говоритъ, вонъ какая, сама справишься...

— Покойной ночи.

— Спасибо,—не сразу отвѣтила женщина.

Раздѣвшись, Смагинъ легъ на постель, тишина тотчасъ окутала его толстымъ слоемъ. Чувствуя себя на днѣ темнаго озера, подъ тяжелымъ давленіемъ теплыхъ водъ, онъ полежалъ съ полчаса, вскочилъ и зажегъ огонь. Тьма, дрогнувъ, бросилась въ углы, сгустилась тамъ клочьями грязной ваты.

Ему вспоминалась недавняя бесѣда съ инженеромъ Зейдель. Маленькій, сухой, черный человѣкъ, въ рыжей курткѣ шведской кожи, сидѣлъ на диванѣ, подогнувъ тонкія ноги калачикомъ, жегъ одну за другой дорогія папиросы и задумчиво, разбитымъ голосомъ говорилъ такъ же многословно, такой же голодный, какъ Щукинъ.

— Старая русская литература совершенно правильно разсматривала личность, какъ необходимѣйшую жертву, обреченную всей русской исторіей для закланія на алтарѣ общественности. Что хотите возражайте, но именно здѣсь правда всей философіи русской исторіи, здѣсь! Эта милая,

но глубоко несчастная, насквозь анархическая страна требуетъ самозабвенной работы многихъ поколѣній. Работа должна быть непрерывна, ибо мы живемъ на зыбкой почвѣ, способной засосать Хеопсову пирамиду, чуть только наши руки опустятся, вслѣдствіе усталости или по причинѣ ошибочнаго представленія, что интеллигенція страны сдѣлала все, что могла и должна была сдѣлать. Судорожная жизнь интеллигенціи является сплошнымъ лучеиспусканіемъ разумной энергіи въ пустоту, благодаря этимъ постояннымъ колебаніямъ отъ общественности къ анархизму и соціальному нигилизму.

Онъ покачивался, окружая себя сладко пахучимъ дымомъ египетскаго табака, лысоватый, горбоносый, съ темными, какъ вишни, глазами. Слѣдя за спиралями и кольцами дыма, точно желая скрыть за его пепельной завѣсой свое нервное лицо и тревогу взгляда, онъ поглаживалъ пальцами ребенка черные усы, острую бородку и разсуждалъ какъ бы самъ съ собою:

— Работа, упорная работа сознательнаго воспріятія принциповъ и формъ западно-европейской культуры,—вотъ наша задача, вотъ въ чемъ наше спасеніе! Это не ново, конечно, но это забывается. Если мы хотимъ жить, намъ пора перестать внутренно качаться между Азіей и Европой. Тѣмъ болѣе пора отказаться отъ этого вреднѣйшаго занятія, что за послѣдніе годы маятникъ нашихъ желаній заскакиваетъ все глубже на Востокъ, все менѣе на Западъ.

Онъ завозился на диванѣ, разгоняя дымъ, и нервно воскликнулъ:

— Какъ это старо, и какъ страшно, что вотъ приходится снова повторять очевидное, необходимое! Удивительный народъ вы, русскіе! Никто другой не возбуждаетъ такой любви, такого интереса къ себѣ, какъ русскій, и нѣтъ народа, съ которымъ жилось бы такъ трудно, такъ безполезно! Ахъ пускай трудно,—трудное интересно, но безполезно, безполезно жить среди васъ, вотъ драма!

Соскочивъ съ дивана, Зейдель быстро зашагалъ по комнатѣ, разсказывая съ усмѣшкой:

— Тутъ живетъ одинъ самодуръ, нѣкто Маймачинскій, подагрикъ и, въ сущности, скотъ. Доказываю я ему, что его участокъ лѣса—превосходный лѣсъ, будетъ года черезъ

два заболоченъ, если онъ теперь же не разрѣшитъ мнѣ работать на его землѣ, смежной съ участкомъ, который я осушаю. Нѣтъ, говоритъ, работать не разрѣшу, а за то, что предупредили о пакости, ожидающей меня, спасибо! Вызову, говоритъ, весною гидротехника, установлю, что ваши работы грозятъ гибелью моему имуществу, а когда ко мнѣ въ лѣсъ пойдутъ воды, предъявлю къ вашему вѣдомству искъ объ убыткахъ. Убѣждаю, что, пока онъ будетъ судиться, его лѣсъ замокнетъ,—таковы станутъ условія мѣстности, измѣненной нашими работами, указываю, что водонепроницаемый слой имѣетъ наклонъ къ его границѣ.—хохочетъ! Я, говоритъ, юристъ, я свое право умѣю доказать и въ силахъ защитить. Его правамъ угрожаетъ не казна, а природа, которая не считается даже съ юристами! И какой онъ юристъ? Онъ анархистъ!

Смагинъ всталъ съ постели, подошелъ къ окну; стекла были замазаны матовой сѣрой мутью, сквозь ея сырую ткань чуть виднѣлись бѣловатыя пятна снѣга на крышахъ. Онъ отвернулся и въ маленькомъ свѣтломъ кругѣ зеркала увидалъ свои озабоченно прищуренные сѣрые, ясные глаза.

— Лицо обыкновенное,—пробормоталъ онъ, пощипывая русую бородку и усы, прикрывавшіе мягкія губы небольшого рта.

— Лицо, едва ли пригодное для необыкновенной жизни.—пошутилъ онъ, но тотчасъ съ досадой сказалъ себѣ:

— Не паясничай, дружище; ложись и спи!

Легъ, погасилъ огонь, но не спалось. Раздражала эта чугунная тишина, гостепріимно, какъ смерть, поглотившая всѣ звуки, всѣ намеки на жизнь.

— Ну, что жъ тутъ особеннаго?—недовольно соображаетъ Смагинъ,—это очень обычно...

Ѣхалъ по грязной улицѣ мужикъ съ возомъ сѣна, лошадь упала и ожеребилась. Молча онъ распрягаетъ больное животное и, не замѣчая, топчетъ свою шапку въ грязь, въ кровь. Закативъ глаза, лошадь тяжко, трепетно дышетъ, всхрапываетъ, слезы текутъ изъ ея добрыхъ глазъ, въ бокъ ей упирается сломанная оглобля и, кажется, сейчасъ порветъ кожу. Подъ передними колесами телѣги дрыгаетъ ногами скользкій жеребенокъ, бьется головою о шину колеса,

суетъ морду въ грязь и удивленно мигаетъ узкимъ полураскрытымъ глазомъ. Десятка два мужчинъ, женщинъ и ребятишекъ смотрятъ на эту возню и обстоятельно ругаютъ мужика:

— Обломъ, не видѣлъ чего запрягалъ? Подлецъ. Дикой чертъ... вотъ, дать по шеѣ...

Никто не хочетъ помочь мужику и только, когда Смагинъ, поднявъ изъ грязи шапку, сунулъ ее въ сѣно, какая-то старушка, подоткнувъ юбку и перекрестясь, наклонилась къ жеребенку.

Это непріятно вспоминать, но помимо воли Смагина, картины уѣздной жизни плывутъ и плывутъ, точно радужныя пятна по темной водѣ рѣки. Старенькій, благообразный точильщикъ точитъ ножи, а по другую сторону точила стоитъ рыжій мѣщанинъ въ тужуркѣ студента, въ касторовой широкой шляпѣ, похожій на шарманщика, стоитъ и озабоченно стачиваетъ на сѣромъ камнѣ свои черные звѣриные ногти.

— Гляди, сорвешь ноготь, — предупредилъ его точильщикъ, но мѣщанинъ ехидно освѣдомился:

— Что тебѣ — камня жалко?

И тотчасъ вскрикнувъ, грязно выругавшись, суетъ палецъ въ рыжій свой ротъ, обсасываетъ его, сплевываетъ кровь и кричитъ:

— Это ты на смѣхъ мнѣ сдѣлалъ!

— Господь съ тобой...

— Врешь, это ты нарочно...

Онъ бьетъ старика лѣвой рукой по лицу, тотъ, покачнувшись, садится на землю, а мѣщанинъ, посасывая палецъ, поплевывая, идетъ прямо на Смагина и, глядя въ лицо ему, ругается:

— Паршивый чортъ...

Идя на работу, Смагинъ почти ежедневно встрѣчаетъ дѣвочку лѣтъ десяти, непріятно похожую на насѣкомое.

— Подайте милостыньку Христа ради, — равнодушно и тихо поетъ она. Вся она какая то безцвѣтная, безкровная, вялая, но на ея худенькомъ личикѣ горятъ не дѣтскіе жгучіе глаза; мучительно понятно, что въ этомъ маленькомъ тѣлѣ, неудержимо разрастается звѣриная злоба на всѣхъ людей, и злобу эту некому погасить.

Клочья жизни плывутъ одинъ за другимъ, сливаются въ

одноцвѣтную тучу; изъ нея сочится, какъ осенняя паморха, убійственный выводъ: въ людяхъ не только не развито сознаніе общности своихъ соціальныхъ интересовъ, но даже чувство зоологическаго родства — неясно для нихъ. Всѣ враждебны другъ другу, но это не живая вражда противорѣчій сословныхъ,—вражда на почвѣ роста запросовъ тѣла и духа, въ широту,—это какое-то мертвое, тупое недовѣріе человѣка къ человѣку, пугливая подозрительность людей боязливыхъ, нищихъ духомъ, людей, которымъ всего дороже покой.

Смагинъ возмущенно завозился въ постели, закинувъ руки на голову,—его угнетало и раздражало то, что этотъ темный выводъ слагается помимо его воли, какъ-то механически, самъ собою.

И стараясь одолѣть это навожденіе, привести себя въ порядокъ, онъ снова напомнилъ себѣ рѣчи Зейделя,—мечтательно улыбаясь умными глазами, инженеръ влюбленно поетъ.

— Изумительна интенсивная талантливость русскаго человѣка! Какая чудесная способность побѣждать безъ оружія! Народъ, идейно невѣжественный, теоретически безграмотный, онъ дѣйствуетъ исключительно догадкой, этой таинственной смекалкой своей.

— Но сколько онъ тратитъ лишней энергіи, лишняго времени,—замѣтилъ Смагинъ.

— Это другой вопросъ. А, Боже мой, еслибъ этотъ народъ былъ вооруженъ культурнымъ опытомъ Европы, онъ, съ его природными данными, въ сотню лѣтъ совершилъ бы чудеса!

Смагину хотѣлось что-то возразить, но сдержался,—неловко и нелѣпо говорить съ евреемъ, когда онъ искренно поетъ свою любовь людямъ страны, гдѣ ему живется наиболѣе трудно, гдѣ его ставятъ такъ унизительно тѣ, которыхъ онъ любитъ.

Подъ утро, когда ночь за окномъ стала пепельно-мутной, Смагинъ заснулъ и увидѣлъ кошмарный сонъ: въ полутемной комнатѣ, со сводчатымъ потолкомъ, къ нему подошелъ Коптевъ, одѣтый монахомъ въ бархатной скуфьѣ съ большимъ гребнемъ въ рукѣ, подошелъ вплоть и сказалъ:

— Ну-ка-сь, я тебя причешу!

Смагинъ покорно усѣлся на лавку, покрытую ковромъ, а Коптевъ снялъ съ его плечъ голову, положилъ ее въ колѣни себѣ и, разглядывая, какъ арбузъ, сердито забормоталъ.

— Погоди-ка, погоди, да это моя голова.

Сшибъ ударомъ руки свою голову вмѣстѣ со скуфьей и насадилъ на шею себѣ голову Смагина тѣмъ движеніемъ рукъ, какимъ протоіерей надѣваетъ камилавку.

— Видишь? моя!

Безъ головы тѣло Смагина сдѣлалось легкимъ, какъ пустое, онъ крѣпко ухватился за скамью, чтобъ не улетѣть, но все-таки не удержался и подскочилъ вверхъ, тупо ударившись плечами о потолокъ. Явился пьяный Щукинъ и, отрывая пуговицы отъ своего пальто, сталъ разбрасывать ихъ во всѣ стороны, дико напѣвая:

— Сѣйте разумное, доброе, вѣчное...

Потомъ Смагинъ лежалъ въ саду, на сырой травѣ, надъ нимъ къ стволу дерева прилѣпился черный, желтоголовый дятель и, глядя внизъ веселымъ рыжимъ глазомъ, спрашивалъ:

— Изволили усвоить?

Ходила по саду Таисья и, улыбаясь, разсказывала шопотомъ:

— Ужъ, и чайникъ вскипѣлъ, даже крышечка хлюпаетъ, а я гляжу, и рукой двинуть не могу... Пора вставать, пора!

Смагинъ открылъ глаза,—передъ нимъ стоялъ хозяинъ, озабоченно говоря:

Пришелъ взглянуть—здоровы-ли вы? Полдень, а у васъ тихо. Можетъ, угорѣлъ, думаю? Вы что же не запираете дверь-то на ночь?

— Зачѣмъ?—спросилъ Смагинъ, приходя въ себя.

— Да такъ... Запершись, спокойнѣй спится.

Онъ пошелъ изъ комнаты и на порогѣ, щупая желѣзный крюкъ, сказалъ:

— Запоръ порядочный...

Смагинъ сталъ одѣваться, чувствуя себя больнымъ, раздавленнымъ кошмаромъ.

Черезъ нѣсколько дней, идя на работу, Смагинъ встрѣтилъ дѣвочку-нищую; она, молча, протянула ему красную рученку и, получивъ монету, сказала простуженнымъ голосомъ сердито и громко:

— Мать велѣла привести тебя.

— Куда? — удивленно спросилъ онъ.

— Къ ней.

— Онъ посмотрѣлъ на голодное лицо ея, на растоптанные башмаки.

— Кто твоя мать?

— Баба здѣшняя.

— А что она дѣлаетъ?

— Хвораетъ, — угрюмо отвѣтила дѣвочка, переступивъ съ ноги на ногу, потомъ добавила:

— Запилась винищемъ.

— Эхъ, ты, птица, — грустно сказалъ Смагинъ, положивъ ей руку на плечо, но она тотчасъ вывернулась изъ подъ его руки, грубо спросивъ:

— Идешь, что-ли?

— Далеко живете?

— За угломъ.

— Идемъ. Ты что такая сердитая?

— Дѣвочка на ходу взглянула въ глаза его и тоже спросила:

— Ты не здѣшній?

— Нѣтъ, а что?

Она пошла быстрѣе. Вошли во дворъ старенькаго дома, покачнувшагося на лѣвый бокъ, потомъ Смагинъ очутился въ темной конурѣ, отдѣленной отъ кухни угломъ печки и двумя ящиками, которые замѣняли шкафъ. Подъ окномъ, на полу, сидѣла, прислонясь спиною къ стѣнѣ, тощая, нечесанная женщина въ лохмотьяхъ, съ босыми ногами; держа руку на колѣняхъ, она спросила подорваннымъ голосомъ:

— Привела?

Желая встать, она тяжело перевалилась на бокъ, упираясь руками въ полъ, встала на колѣни, безнадежно говоря:

— Господинъ, вѣрно, что вы у Коптева живете? Скажите вы ему, Христа ради, — племянница я его, а дочь моя — внучкой приходится ему, — такъ скажите, помираю! Ослѣпла,

едва вижу. Вы добрый господинъ, всегда подаете доченькѣ, я и велѣла ей узнать, что таковъ? Что ужъ казнить меня? Дочь-то не виновата. А онъ, бездѣтный, можетъ, возьметъ ее...

Говорила она натужно, съ глубокимъ равнодушіемъ и, видимо, не придавала значенія своимъ словамъ, не думала, что человѣкъ повѣритъ ей. Отъ нея пахло гнилью, водкой и хрѣномъ. Вокругъ ея, въ этой темной узкой щели, было какъ-то особенно, побѣдно и торжественно грязно, а среди грязи угловатой кучей возвышалась сама она, глядя въ ноги Смагину тусклыми глазами. Онъ, отвернувшись, смотрѣлъ, какъ дѣвочка, снявъ башмаки, растираетъ руками ступни ногъ и дергаетъ пальцы, точно отвинчивая ихъ.

— Я скажу,—обѣщалъ онъ, протягивая женщинѣ деньги.— Она не видѣла его руки, глаза ея оставались неподвижны.

— Деньги даетъ, принимай,—сказала дѣвочка негромко.

— Спаси васъ Христосъ!

Принявъ милостыню дрожащей рукой, женщина стала ощупывать монеты пальцами, какъ это дѣлаютъ слѣпые.

— Рая, натри хрѣну,—попросила она.

— Зачѣмъ вамъ хрѣнъ?—спросилъ Смагинъ.

— Глаза лѣчу, примочку дѣлаю,—объяснила женщина равнодушно, а дѣвочка, постукивая пятками о полъ и морщась, сказала ей тоже равнодушно:

— Нѣтъ хрѣну...

Смагинъ ушелъ; онѣ обѣ ни слова больше не сказали ему. Онъ много видѣлъ нищеты и былъ не очень жалостливъ, но на этотъ разъ впервые испыталъ отвращеніе къ нищетѣ и тоскливый, тупой гнѣвъ при видѣ торжества ея.

Вечеромъ онъ разсказалъ Коптеву о его племянницѣ и внучкѣ, стараясь говорить убѣдительно и спокойно; хозяинъ выслушалъ его молча, тихонько барабаня пальцами по столу, Таисья слушала съ испугомъ въ глазахъ и осторожно вздыхала: вздохнетъ и тотчасъ же искоса взглянетъ на мужа, а онъ, внимательно слѣдя за движеніемъ своихъ пальцевъ, сидѣлъ непроницаемо спокойный.

— Помираетъ?—сказалъ онъ, когда Смагинъ кончилъ разсказъ. Ну, что-жъ! Обыкновенно въ такихъ разахъ говорится: собакѣ—собачья смерть! Я этакъ не скажу. Не намъ судить. Пускай помираетъ...

Подумалъ, поигралъ бровями и снова заговорилъ гладко и какъ бы нарочито вычурно:

— Уваженіемъ вашимъ дорожа, сударь Павелъ Николаевичъ, нужно мнѣ разсказать эту исторію подробно,—не желаю я, чтобы человѣкъ молодой и образованный, которому долго жить, судилъ обо мнѣ неправильно...

Онъ крякнулъ, покашлялъ легонько и сказалъ женѣ, кивкомъ головы указывая на дверь:

— Выдь!

— Строго держите вы супругу вашу,—замѣтилъ Смагинъ, когда Таисья скрылась въ кухню, а Коптевъ пошевелилъ бровями и продолжалъ, одергиваясь, сжимая свое сухонькое, жилистое тѣло:

— Къ тому же, будучи старше васъ, вижу я, что коренную жизнь вы не знаете, главные упоры ея неизвѣстны вамъ; вы все отъ книжекъ судите, а мы—живемъ по той мудрой старинѣ, на которой вся жизнь крѣпкіе вѣка стоймя стоитъ. Не спорю,—въ нѣкоторое отдаленное время, можетъ, и ваши мысли стареньки будутъ для новыхъ порядковъ жизни, но покамѣстъ, до насъ эти новые порядки не дошли еще, такъ мы ужъ поживемъ по-своему.

Хозяинъ говорилъ не торопясь и все понижая голосъ. Это вызвало у Смагина особенно вниманіе, и ему казалось, что только сейчасъ онъ понялъ, какъ складно и кругло можетъ говорить Коптевъ, какъ ловко и умѣло онъ владѣетъ голосомъ.

— Конечно, можно сломать домъ и раньше срока, не давши ему дослужить свой вѣкъ, но это оправдается лишь тогда, когда есть на что новое жилище построить, а вѣдь для построенія то новаго жилища вашъ братъ, новичекъ жизни, средствъ не показалъ...

— На это времени не дали,—замѣтилъ Смагинъ.

Коптевъ тихо и осторожно засмѣялся:

— Хе-хе! Какъ же это можно позволить — ломай, не зная, что и на какія средства строить будемъ. Во всякомъ дѣлѣ—расчетъ хозяинъ. Вѣдь, вотъ, правда, у всѣхъ на глазахъ: Думу придумали, а дѣловъ никакихъ Думой не надумано...

Усмѣхнувшись, онъ прислушался къ чему-то и, поднявъ голосъ повыше, началъ сразу, строго:

— А исторія Татьянина такова будетъ. Братъ мой Савелій, отецъ ея, отъ временъ младыхъ ногтей, какъ говорится, явилъ себя никудышникомъ, этакій мечтатель о жизни и все спрашиваетъ: какъ, да что, да зачѣмъ? Отъ этого качества и всѣ другія: лѣнивъ сталъ, выпивать началъ, въ орлянку поигрывалъ, въ картишки. Отецъ у насъ скончался рано, я — старшой. До солдатства Савелъ дожилъ съ грѣхомъ пополамъ, а изъ полка пришелъ, хуже прежняго. Покамѣстъ онъ тамъ дѣйствовалъ лѣвой, правой, я работалъ. Воротился онъ — давай дѣлиться и притязаетъ на половину. Судились; правда, конечно, сказалась на моей сторонѣ, а онъ, получивъ присужденное, тотчасъ женился и началъ этакое праздничное житье: все у него пиры да пирушки. А на третій годъ, будучи пьянъ, купался въ нашей омутной Ватаракшѣ и потонулъ, оставивъ женку нищей съ этой вотъ самой Танькой.

Коптевъ снова прислушался, тихонько всталъ, подошелъ на цыпочкахъ къ двери въ кухню, внезапно растворивъ ее, сердито крикнулъ:

— Ты чего безъ дѣла сидишь? чего слушаешь?

Воротясь къ столу, онъ объявилъ:

— Бабы, по добротѣ своей, — онъ очень подчеркнулъ „по добротѣ", — плохо понимаютъ эти дѣла.

Смагинъ посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ и вдругъ подумалъ:

— Дразнитъ что-ли онъ меня, обращаясь съ женою все грубѣе? Зачѣмъ бы дразнить? А похоже, дразнитъ...

— Н-ну-съ, вскорѣ за нимъ послѣдовала на кладбище и супружница его; бита была, конечно, да и вообще не крѣпка. Осталась послѣ нее Татьяна по четвертому году, я, конечно, взялъ ее себѣ и висѣла она на шеѣ у меня тридцать лѣтъ. Здоровьемъ вышла въ мать, характеромъ въ отца: подумалъ я и пустилъ ее по грамотной части, авось учительшей церковно-приходской будетъ, соображаю. Тихая она была, миловидная, богомольна, училась хорошо, и худого за нею до времени не замѣчалось. Вдругъ зайцемъ подъ ноги является къ намъ псаломщикъ Яшка Тихорѣцкій, женатый человѣчекъ; гитаристъ, косоглазый этакій, голь отчаянная и весельчакъ. Читатель, книжки ей даетъ, а грамота, какъ болѣзнь, дѣлаетъ людей интересными другъ

другу; чахоточные тоже допрашиваютъ одинъ другого: какъ живете да что чувствуете?

Лицо Коптева играло, становясь то насмѣшливымъ, то нарочито скучнымъ, а голосъ все время звучалъ ровно, какъ механическая пила, лишь изрѣдка и коротенько взвизгивая на сучкахъ. Онъ мелькомъ поглядывалъ на Смагина, вздрагивали рѣсницы, сверкали золотыя искры въ глазахъ; Смагинъ, слушая, какъ журчитъ въ тишинѣ ручей словъ, думалъ: какъ страшно не похожа та женщина, которую онъ видѣлъ, на ту, о которой говоритъ Коптевъ.

А тотъ продолжалъ еще тише, весь какъ то нахмурясь, заершившись:

— Конечно, вопросъ плотскій, дѣло запутанное, невполнѣ ясное. По Божьему—плоть, до самой смерти своей, темница духа, а по дьяволу—отъ нея первыя пріятности жизни. И опять же надо бы ей со смертью окончательно разрушиться, исчезнуть, яко дымъ отъ лица огня, но доказывается многими, что она можетъ воскреснуть. Вникнуть въ это трудно. Здѣсь тайна Божья, для испытанія сильныхъ духомъ, какъ читаемъ въ житіяхъ святыхъ отцовъ; мы—люди, не разсуждающіе объ этомъ. Вотъ, Яшки разные суесловятъ, ну, зато и обречены поганой жизни; мы же знаемъ, что для одолѣнія плоти установлены посты, молитва, а противъ собачьихъ порядковъ—церковный бракъ—нерушимая стѣна. Даже изъ вашихъ нѣкоторые, какъ графъ Толстой, возставали противъ женскаго, но это, просто, продерзость вольномысленнаго барина, я полагаю. Ежели архіереи не женаты, въ міру живутъ, такъ, не всѣмъ же въ архіереи итти. Конечно,—на все долженъ быть законъ, ко всему нужна печать. И когда Финогеновъ говоритъ свое, онъ говоритъ правильно. Нельзя хорошую борзую съ дворняшкой случать, иначе—явятся щенки, которыхъ и понять нельзя, а порода—пропадетъ! Вотъ, по такому смѣшенію родятся дѣти безъ всякой скрѣпы съ закономъ родителей. Вы попросите-ка Финогенова объяснить вамъ, что значитъ слово — аристократъ...

Коптевъ вдругъ багрово налился кровью до того, что даже уши напружились и вздулась шея, точно въ немъ лопнуло что-то. Онъ жадно выпилъ стаканъ кваса и продолжалъ глухо, путаясь въ словахъ, безсильный сдержать волненіе.

— Связалась она съ Яшкой, а здѣсь все видно, какъ подъ стекломъ люди живутъ. Я ее допрашивалъ,—она мнѣ лгетъ. Я ее въ чуланъ, подъ замокъ, а она ухитрилась убѣжать,—была у меня старушка глухая прислугой да работникъ,—не досмотрѣли! И вдругъ слухъ идетъ по городу, будто я, Степанъ Коптевъ...

Онъ гулко ударилъ себя въ грудь и взвизгнулъ:

— Я дѣвство ея нарушилъ, да и послѣ грѣха ея съ Яшкой пользовался ею и, будто, когда она спать ложилась, такъ я осматривалъ ее подробно, вродѣ бабки-повитухи! По городу—смѣхъ, вой собачій, на улицу выйти нельзя, хоть топись! Н-ну, этакое не прощается...

Онъ захлебнулся и, внезапно постарѣвъ, сморщившись, торопливо забормоталъ:

— Не прощается, нѣтъ! Научили ее подать на меня жалобу за истязаніе—какое истязаніе? За косу потрясъ, на улицу выгналъ...

Онъ вспотѣлъ, у него тряслась бородка, щелкали зубы,—онъ раскачивался, потирая колѣни свои, и точно собираясь перепрыгнуть черезъ столъ.

— Тутъ, слава Богу, подоспѣлъ пятый годъ, вскипѣло все, и на большомъ то огнѣ высохла грязная лужа вокругъ меня. Вотъ какъ!—закончилъ онъ, вставая на ноги и стряхиваясь. Прошелъ по комнатѣ до порога и оттуда повторилъ, грозя Смагину пальцемъ:

— Этакого не прощаютъ! Умираетъ? Готовъ похоронить на свой счетъ, а на землѣ задерживать не буду-съ. Такое мое право.

И разсѣкъ воздухъ. Смагинъ былъ подавленъ. Онъ не думалъ о томъ, сколько своей правды и лжи вложено хозяиномъ въ этотъ разсказъ, чья бы не была эта правда, она давила горло грязной цѣпкой рукою. Какъ будто Коптевъ показалъ ему огромное поле, заросшее сорными травами, которое трудно и некому перепахать.

— Тяжелая исторія,—пробормоталъ онъ. Больше сказать нечего было да и безполезно.—Коптева трясла злая лихорадка.

— Да,—а, неестественно запѣлъ онъ, прислонясь къ печкѣ.—Изъ всѣхъ щелей клопомъ ползетъ это самое,—какъ оно называется у васъ? Нѣтъ крѣпости въ жизни, разрушаются люди.

Смагинъ, молча, всталъ и ушелъ на чердакъ, чувствуя себя угорѣвшимъ... Онъ обросталъ впечатлѣніями, точно лишаями, они его раздражали, вызывая безпокойный зудъ въ сердцѣ, нервозную тревогу. Жизнь открывала передъ нимъ все новыя страницы, и каждая изъ нихъ была густо испещрена траурными знаками стараго.

Какъ всѣ люди его чувствъ и мыслей, онъ считалъ это старое безсильнымъ, оно казалось ему легко устранимымъ; сложатся новыя формы жизни, и все, злое, гнилое, ядовитое, будетъ подавлено, уничтожено. Но теперь онъ спрашивалъ себя, думая обо всемъ, что видѣлъ:

— На чемъ здѣсь укрѣпятся эти новыя формы, гдѣ тотъ крѣпкій, духовный стержень, который, какъ магнитъ, притягивалъ бы къ себѣ человѣчное, здоровое, красивое?

И ему казалось, что старое разлагается только сверху, а корни его глубоко въ почвѣ и неустанно даютъ все новые ростки. Эти ростки вянутъ быстро только тамъ, гдѣ жизнь идетъ ускоренно, гдѣ тренія ея противорѣчій бурны, но даже и тамъ они, разлагаясь, образуютъ слои какихъ-то азіатскихъ чувствъ и мнѣній. До времени этотъ слой незамѣтенъ, мертвъ, но каждый разъ, когда движеніе жизни замедляется, жирная почва стараго, неискорененнаго даетъ обильный урожай трусливыхъ мыслей, робкихъ чувствъ, деспотической восточной жестокости. Смагинъ начиналъ думать, что именно силою этихъ неизбѣжныхъ чувствъ и мнѣній можно объяснить всѣ тяжкія драмы послѣднихъ лѣтъ: повальное ренегатство и взрывъ дикой жестокости, безумное увлеченіе вопросами пола, принявшее характеръ грязнаго распутства; эпидемію самоубійствъ и всеобщій механическій поворотъ назадъ отъ движенія къ покою. Онъ вспоминалъ, какъ фокусническиъ быстро измѣнялись его товарищи и люди, которымъ онъ вѣрилъ; какъ проповѣдники дѣйственнаго отношенія къ жизни превращались въ равнодушныхъ скептиковъ, а пламенный интересъ къ вопросамъ общественнымъ смѣнялся торжествомъ соціальнаго нигилизма, восточнымъ равнодушіемъ къ великому дѣлу жизни.

Но тамъ, въ крупныхъ центрахъ, гдѣ жизнь сама въ себѣ имѣетъ силу къ безконечному росту, гдѣ работаютъ стальные жернова капитала, гдѣ всегда кружатся вихремъ желанія лучшаго,— тамъ явленія застоя не могутъ быть длительны, не такъ опасны.

А вотъ, въ такихъ извѣчно застойныхъ мѣстахъ, сотнями облѣпившихъ землю, окруженныхъ чугунною стѣною боязни настоящаго, насыщенныхъ недовѣріемъ къ будущему, въ городахъ, забытыхъ жизнью, гдѣ люди живутъ безъ вѣры въ себя, въ такихъ гнилыхъ мѣстахъ сопротивленіе жизни надолго необоримо.

— Мы своихъ городовъ нагородимъ, — вспоминалъ онъ хвастливыя слова хозяина и думалъ, что люди, подобные Коптеву, упрямые изувѣры, подобные протопопу Аввакуму, долго будутъ сопротивляться вѣяніямъ новаго, и есть у нихъ, чѣмъ сопротивляться: они терпѣливы, точно камни.

Въ началѣ марта Коптевъ схоронилъ племянницу. Это случилось въ день бурный; по улицамъ свистѣлъ вѣтеръ, летѣли бѣлыя облака тяжелыхъ хлопьевъ снѣга. Коптевъ, подвязавъ уши платкомъ, шелъ за розвальнями, въ которыхъ стоялъ гробъ, окрашенный охрой, трясъ головою, сбивалъ шапкой эполеты снѣга съ плечъ и говорилъ Смагину:

— Въѣдетъ это мнѣ не меньше, какъ въ двѣ красныхъ бумажки, но я не жалѣю!

Смагинъ провожалъ гробъ изъ желанія видѣть, какъ станетъ вести себя Коптевъ и дѣвочка; она сидѣла на розвальняхъ, въ ногахъ гроба, окутанная лохмотьями матери и залѣпленная снѣгомъ. Рядомъ шагалъ огромный чернобородый извозчикъ, а Смагинъ съ хозяиномъ шли сзади розваленъ въ бѣлой, беззвучно кипѣвшей кашицѣ.

До могилы гробъ несли извозчикъ и двое сторожей. Смагинъ велъ за руку дѣвочку и ворчалъ:

— Зачѣмъ вы ее взяли?

— Какъ же иначе?—удивлялся Коптевъ.—Мать померла, а не кошка.

Могила оказалась почти до половины засыпанной снѣгомъ. Коптевъ заглянулъ въ нее, поморщился и сказалъ:

— Надо бы снѣгъ-то выбросить, а, ну, все равно! Райка, что не молишься?

Дѣвочка поглядѣла на него, слизывая снѣгъ съ губъ, и перекрестилась маленькой грязной лапой, и снова взглянула въ оживленное, почти веселое лицо его.

— Кидай землю,—командовалъ онъ, и когда комья земли застучали по дереву гроба, сказалъ, вздохнувъ:

— Вотъ я вся наша жизнь! А мы споримъ, вздоримъ, мѣшаемъ другъ другу...

— Когда пошли съ кладбища, онъ повторилъ задумчиво и хмуро:

— Мѣшать другъ другу не надо, къ этому и законы установлены. А она, покойница какъ помѣшала мнѣ? Безъ нея я бы на такихъ высяхъ былъ, ой-ой! А тутъ только крыльями размахнулъ,—бацъ! Какъ изъ ружья. Яшка въ газетѣ про меня напечаталъ, вотъ, дескать, каковъ предсѣдатель патріотовъ... сукинъ сынъ!

— Вѣдь, вы ушли изъ союза по другимъ основаніямъ, говорили вы?—напомнилъ Смагинъ.

— Основаніевъ я получилъ много,—сказалъ Коптевъ, спотыкаясь, искоса разглядывая дѣвочку.

— Садись, Райка,—приказалъ онъ ей, когда вышли изъ ограды, и самъ свалился въ розвальни, крякнувъ.

— Куда же вы ее?—спросилъ Смагинъ.

— А тутъ есть одна старушка, знакомая Финогенова... Вы домой! Я тоже скоро буду! Ѣзжай! Подвинься, Райка...

Розвальни поплыли, исчезая въ снѣгу, а Смагинъ тихонько пошелъ въ улицу, едва замѣтную среди бѣлыхъ облаковъ, и думая, какъ это все просто, какъ убійственно просто. Онъ раза три заходилъ къ племянницѣ Коптева, она немного привыкла къ нему и, осмѣлѣвъ, разсказывала о себѣ надорваннымъ шипящимъ голосомъ, часто повторяя:

— Конечно, я виновата...

Изъ ея нескладнаго разсказа, Смагинъ понялъ, что этотъ человѣкъ однажды повѣрилъ во что-то, чего-то пожелалъ и былъ раздавленъ, какъ лягушка.

— Въ чѣмъ же вы виноваты?—спросилъ онъ ее.

Она отвѣтила, прикрывъ свои слѣпые глаза:

— Да, вѣдь, какъ же, конечно, виновата.

О дочери она ничего не говорила и ни о чемъ не просила Смагина; дѣвочка тоже молчала, какъ нѣмая; кажется, она умѣла говорить только:

— Подайте милостыньку, Христа ради!

На лѣстницѣ, у себя, Смагинъ встрѣтилъ Таисью съ тряпкой и вѣникомъ въ рукахъ.

— Схоронили?— спросила она.

— Да. А вы—не пошли?

— Не велѣлъ,—отвѣтила женщина, улыбаясь.—Снѣгу-то на васъ сколько, батюшки!

И тряпкой, которой она стирала пыль, Таисья принялась сбивать снѣгъ съ пальто.

— Спасибо,—сказалъ Смагинъ, шагая вверхъ мимо нея, она задѣла его бедромъ.

Съ нѣкоторой поры Смагинъ сталъ замѣчать, что это покорно безмолвное существо интересуетъ его,—не какъ женщина, увѣрялъ онъ себя, но—какъ человѣкъ никогда невиданный имъ, непонятный ему.

Спокойная, точно масло налитое въ большой красивый сосудъ, она была такъ странно покорна окрикамъ мужа, всегда смотрѣла въ глаза ему собачьимъ взглядомъ, внимательно подстерегавшимъ желанія хозяина. Этотъ кроткій взглядъ вызывалъ у Смагина досаду. Женщина напоминала ему картину какого-то художника-нѣмца, картина изображала рабыню, стоявшую у колодца. Но не рѣдко сквозь ея покорность и нѣмоту Смагинъ чувствовалъ проблески сознанія ею власти надъ мужемъ,—когда хозяинъ ругалъ ее за какой-либо безпорядокъ, она не волновалась, не возражала и, не обнаруживая страха передъ нимъ, стояла въ эти минуты какъ будто выше мужа.

Пріятно было смотрѣть, когда она, поднявъ голову отъ шитья, чуть улыбаясь ласковыми глазами, слушала что-то неслышное никому, глядя сквозь стекла окна въ пустое сѣренькое небо.

Какъ-то разъ, сойдя къ вечернему чаю, Смагинъ засталъ хозяйку одну: Коптеву нездоровилось, онъ спалъ въ кухнѣ, на печи, а она сидѣла за столомъ на его мѣстѣ спиною къ окну, лицомъ къ двери и, подперевъ скулы ладонями, радостно улыбалась.

— О чемъ задумались?—спросилъ Смагинъ.

Она тихонько охотно отвѣтила:

— Такъ. Иной разъ и сама не знаешь, о чемъ думается.

— Скучно вамъ живется?

Красиво изогнувъ шею, она прислушалась, глядя на дверь въ кухню, и сказала четко, внятно:

— Конечно, кабы онъ помоложе былъ—веселѣе бы!

— Ого!—мысленно воскликнулъ Смагинъ и тотчасъ разсердился на себя, а она продолжала, наливая ему чай:

— Всякая женщина хочетъ, чтобъ ее молодой любилъ. Конечно, не все про это думаешь, а тоже и про это.

Взглянула на него съ улыбкой и спросила:

— Думать-то не грѣхъ?

Грѣшно, когда про грѣхъ люди знаютъ,—отвѣтила она сама себѣ,—когда о твоемъ грѣхѣ другіе соблазняются, а думочки наши кто можетъ узнать?

Смагинъ почувствовалъ, что не можетъ, не умѣетъ поддержать эту бесѣду и смущенно умолкъ.

Послѣ этого разговора, ему стало казаться, что хозяйка смотритъ на него ласковѣе и даже заигрываетъ съ нимъ, но онъ насмѣшливо обрывалъ себя:

— Павелъ, это въ тебѣ дѣйствуетъ мучнистая и жирная пища!

Таисья была неграмотна, но иногда, во время его споровъ съ Коптевымъ, она слушала его рѣчи съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, что онъ желалъ:

— Если-бъ въ этой красотѣ проснулся разумъ!

Какъ-то утромъ, открывъ свою дверь, онъ увидѣлъ, что хозяйка, стоя противъ слухового окна, развѣшиваетъ мокрое бѣлье; руки ея были подняты вверхъ, и онъ видѣлъ правую голой до плеча. Его взволновала эта сильная розовая рука, темное пятно подъ мышкой, онъ смущенно притворилъ дверь. Но черезъ минуту дверь отворилась, и женщина, стоя въ ней, какъ рамѣ, сказала, улыбаясь:

— Что-же чай пить нейдете? Мой то ужъ почайничалъ, и въ городъ ушелъ.

— Экая вы—красавица, воскликнулъ онъ, лаская ее глазами,—а она согласилась съ нимъ:

— Говорятъ, красива!

Нѣсколько секундъ они смотрѣли другъ на друга молча, потомъ она притворила дверь не торопясь, а Смагинъ, причесываясь передъ зеркаломъ, размышлялъ:

— А, вѣдь другой, на моемъ мѣстѣ, влюбился бы въ нее!

Спустясь внизъ, онъ увидалъ, что Таисья стоитъ среди комнаты, заложивъ руки за шею и закусивъ губы. Какъ всегда, по утрамъ, кофты на ней не было, а только глухая холщевая рубаха, завязанная на шеѣ тесьмой, ситцевая юбка и фартукъ. Не опуская рукъ, она сказала:

— Долго спите!

— Засыпаю поздно,—объяснилъ онъ, отводя отъ нея глаза съ нѣкоторымъ усиліемъ.

— Все книжки читаете, —тихо спрашивала она.—А я—люблю спать, сны люблю. Во снѣ, иной разъ, счастливой себя видишь.

Вздохнувъ, она отошла за стулъ Смагина и встала у окна. Онъ чувствовалъ, что Тапсья смотритъ на него, это было пріятно, тревожно.

— Опять цвѣты забыла полить,—вдругъ сказала она и медленно ушла въ кухню.

— Скучно ей, хочется поговорить со мною, а я—не умѣю,—попытался Смагинъ объяснить себѣ что-то, но ничего не объяснилъ. Коптевъ замѣтно измѣнялъ свое отношеніе къ нему—раньше онъ любилъ поддразнивать, старался раззадорить его, но за этимъ Смагинъ чувствовалъ острый безпокойный интересъ къ себѣ, со стороны хозяина; теперь Коптевъ сталъ говорить суше, осторожнѣе, какъ будто онъ боялся нахлѣбника.

— Въ газеты не пишете?—спросилъ онъ какъ-то разъ, совершенно неожиданно.

— Нѣтъ. Раньше писалъ немного.

— Все-таки писали же...

Онъ не однажды пытался начать бесѣду о женщинахъ, допрашивая Смагина:

— Какъ это вы такъ живете—монахомъ, а? Тутъ у васъ такія бабенки есть...

Смагинъ уклонялся отъ бесѣдъ на эту тему и видѣлъ, что это удивляетъ хозяина, даже—обижаетъ его.

— Дѣло—мірское, всенародное,—бормоталъ онъ, шевеля бровями.

Изрѣдка, вечеромъ, Смагинъ заходилъ къ портному, тотъ все жаловался, разводя длинными руками:

— Окончательно ввергаюсь въ кабацкое житье, знаете! Нѣтъ никакого утѣшенія, кромѣ кабалистики. На фисгармоніи веселаго не сыграешь, а только „Не велятъ Машѣ за рѣченьку ходить“, да „Полоса-ль ты моя, полоса“. Благочестивый инструментъ, чортъ его дери! Прочиталъ вашу „Войну и Міръ“.

— Ну, что же?

Виновато улыбаясь, портной сказалъ:

— Не знаю, какъ вы полагаете, но для меня — Донъ-Кихотъ лучше! Знаете,—объяснилъ онъ, подумавъ,—человѣческаго больше въ Донъ-Кихотѣ; смѣшно и даже будто, глуповато, а очень человѣческое. И Санчо, и самъ рыцарь—около людей, а въ этой—„войнѣ"—хоть она и русская книга, но люди гдѣ-то позади... Мысли предводительствуютъ...

Щукинъ сталъ еще болѣе встрепаннымъ и безпокойнымъ, на сѣрыхъ щекахъ, около носа, явились красныя жилки, глаза улыбались виновато и тревожно.

— Есть у меня нѣкоторое обстоятельство, хочу я съ вами посовѣтоваться,—нѣсколько разъ начиналъ онъ и недоговаривая, уклонялся въ сторону къ любимой своей темѣ—разсказамъ о жизни города.

Смагинъ понималъ, что въ груди портного родилось чувство иное, влюбленное,—оно такъ краснорѣчиво горѣло въ его добрыхъ глазахъ:

— Женитесь?—спросилъ онъ.

— Не совсѣмъ, — сказалъ портной, сіяя и зачѣмъ-то разстегнувъ воротъ рубахи.

— Влюбились?

— Вотъ именно! Тронутъ... Имѣется тутъ одно обстоятельство. — Онъ подвинулся къ Смагину, заглядывая въ лицо его робкимъ взглядомъ собаки, которая устала жить безъ хозяина.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, сходите со мной въ одинъ домъ, что, знаете, вродѣ веселаго дома, но — не вполнѣ. Собирается тамъ молодежь обоего пола, какъ бы, примѣрно, въ деревнѣ, на посидѣлки...

Смагинъ охотно согласился, хотѣлось сдѣлать пріятное портному, и было интересно посмотрѣть, какъ веселится въ городѣ Мямлинѣ „молодежь обоего пола".

И вотъ, темной ночью капризнаго марта, онъ шагаетъ по кривымъ переулкамъ города подъ закрытымъ окномъ нѣмыхъ, точно вымершихъ домовъ. За воротами рычатъ невидимыя собаки, на крышахъ яростно орутъ коты; въ небѣ, среди быстрыхъ облаковъ, золотымъ мячемъ катится луна, рождая тѣни. Тянутся заборы, плетни; за ними торчатъ деревья, похожія на большія метлы, поднимаются съ земли домишки и снова ложатся, пригнетаемыя тѣнями.

— Осторожнѣе,—предупредилъ Щукинъ идя впереди съ двумя кульками въ рукахъ.

У Смагина странное впечатлѣніе: какъ будто онъ идетъ по кладбищу, отыскивая чью-то могилу.

— Собственно это даже не домъ, а бывшая баня,— таинственно разсказываетъ Щукинъ.—Домъ сгорѣлъ. Было большое купеческое хозяйство, но всѣ случайно вымерли и мѣсто отказано городу на благотворительныя дѣла. До дѣловъ еще не дошло, а уцѣлѣвшую баню, — сдали одной женщинѣ, которая, пользуясь своей бѣдностью и устроила у себя веселые вечера эти. Она-же тутъ—за сторожа надъ землей. Сюда!

Черезъ проломъ въ заборѣ вошли на пустырь; среди его торчала полуразвалившаяся печь, съ обломанной трубою, изъ черныхъ кучъ мусора высовывались обгорѣвшія балки и бревна.

— Была еще печь, но ея расхитили,—дѣловито объяснялъ портной. Осторожно, тутъ вездѣ ямы! Воруютъ здѣсь—доблестно, замѣчательно, усердный народъ въ эту сторону!

Въ концѣ пустыря, среди группы деревьевъ, возвышалась темная хата; сквозь щели въ ставняхъ ея оконъ, золотыми копьями упирался въ землю свѣтъ; хата шумѣла, точно водяная мельница.

Отворивъ дверь въ сѣни, освященныя маленькой жестянной лампой, вошли въ длинную комнату, въ переднемъ углу ея качалось желтое пятно огня, подъ нимъ на столѣ, сверкалъ, въ облакѣ пара большой самоваръ. За самоваромъ сидѣла плоскогрудая женщина въ красной кофтѣ, по бокамъ ея—двѣ дѣвицы; одна—толстенькая, черноглазая, похожая на попову, другая—потоньше, съ льняными волосами и сердитымъ лицомъ.

— А Маши—нѣтъ?—удивленно, съ тревогой воскликнулъ Щукинъ, здороваясь съ бритымъ господиномъ, выглянувшимъ изъ-за печки.

— Знакомьтесь, пожалуйста: Геньковъ, Егоръ.

— Георгій,—басомъ сказалъ бритый, стиснувъ пальцы Смагина.

— Нашъ музыкантъ. Любезная хозяйка обители, Прасковья Семеновна,—торопливо представлялъ онъ Сма-

гину; толстую дѣвицу назвалъ Нашей,—потоньше—Степой; онѣ обѣ безмолвно поклонились гостю и начали шептаться.

— А Мишенька сегодня не будетъ, его въ полицію посадили,—сказала хозяйка.

— Оч-чень радъ!—воскликнулъ Щукинъ и тотчасъ объяснилъ Смагину:—Это врагъ мой, совершенно дикій человѣкъ, драчунъ и печеныя яйца съ кожурой ѣстъ.

— А ты—не можешь!—раздался звонкій голосъ изъ угла, гдѣ стояла кровать.

Портной шепнулъ Смагину:

— Городского головы сынъ, Алеша Богомоловъ...

На кровати полулежалъ, заложивъ за спину подушки свѣтловолосый кудрявый паренекъ, лѣтъ семнадцати. Его круглое, миленькое личико казалось нарисованнымъ на бѣлой наволокѣ подушки, но тотъ, кто рисовалъ, слишкомъ слащаво и чувствительно подчеркнулъ красоту юноши.

— Что уставился,—говорилъ Богомоловъ портному.—Попробуй съѣшь яйцо со скорлупой,—не сможешь!

— Не смогу,—согласился Щукинъ.—Не всякій можетъ свиньей быть...

— Панька, поди сюда,—крикнулъ юноша, а хозяйка, въ полголоса объяснила Смагину:

— Алексѣй Семенычъ нынче сердитый, у нихъ головка болитъ...

Дверь съ размаха отворилась и на порогѣ встала, щурясь, невысокая, стройная женщина, въ черномъ гладкомъ платьѣ, похожая на цыганку.

— Вотъ она!—радостно крикнулъ Щукинъ.

— Здравствуй, дурачекъ,—поздоровалась съ нимъ женщина, сбросивъ платокъ съ головы, куда-то въ уголъ.

— Вотъ Павелъ Николаевичъ,—потирая руки, знакомилъ портной,—она осмотрѣла Смагина оцѣнивающимъ взглядомъ и спросила:

— А чѣмъ этотъ Павелъ себя прославилъ?

Всѣ засмѣялись, а она, покусывая красныя губы, подошла къ зеркалу и стала оправлять темные, встрепанные волосы.

Щукинъ тоже молодцевато взбилъ свои сѣрые вихры, но взглянулъ на Смагина и густо покраснѣлъ.

Было скучно, натянуто. У печки, въ темномъ углу, сидѣлъ гармонистъ, тихонько наигрывая: „Любила меня мать,

обожала“, на кровати возился и хрюкалъ юноша, тихонько взвизгивала дѣвица Паша, умоляя:

— Леничка—не щиплитесь! Что это вы?

Щукину, видимо, хотѣлось развернуться, показать свою удаль; онъ громко крякалъ, приказывалъ хозяйкѣ развернуть кульки съ закусками, толкалъ локтемъ и плечомъ сердитую дѣвицу Степу, но, вспомнивъ о Смагинѣ, виновато заглядывалъ въ лицо его и, смущенный, отрицательно моталъ головой. Это сердило Смагина, онъ старался не замѣчать портного.

— Паша,—попросилъ Щукинъ,—пѣсенку—бы спѣть! Степа?

— Можно,—сказала сердитая дѣвица, внимательно осматривая Смагина раскосыми глазами.

— Я—отсюда,—крикнула Паша и онѣ запѣли въ два голоса, стройно, протяжно:

Гляжу-ль я безмолвно на черную шаль,
И халадную душу терзаетъ печаль...

Спѣвъ два стиха, Паша замолчала, а Степа, сдвинувъ глаза къ переносью, начала мрачно, низкимъ голосомъ:

Когда легковѣренъ и мо—о...

— Ой,—взвизгнула Паша, точно ее ножомъ ударили; со свистомъ втянула воздухъ сквозь зубы и удивленно застонала:

— Ма-атушки, какъ онъ меня-а...

Подруга Щукина поставила чашку на столъ, вытерла платочкомъ губы, не спѣша подошла къ юношѣ и, схвативъ его за кудри, стала трясти, приговаривая:

— Не озорничай, не озорничай...

Онъ дрыгалъ ногами, совалъ въ воздухъ кулаки, стараясь ударить ее и кричалъ:

— Пусти!

Но, ловко увертываясь, отбивая правой рукой безтолковые взмахи его рукъ, она все поучала юношу:

— Мы тебѣ, щенку, не собаки, не куклы, не игрушки!

Всѣ осторожно смѣялись, хозяйка тоже ухмылялась, но глаза ея безпокойно бѣгали, то и дѣло задѣвая Смагина, а Щукинъ возбужденно шепталъ ему:

Характеръ, а?

— Странно здѣсь веселятся,—тихонько сказалъ Смагинъ, съ трудомъ подавляя желаніе уйти.

— Веселье—будетъ!—увѣренно обѣщалъ портной.

Борьба на постели кончилась. Богомоловъ хныкалъ, а Паша и Марья, обнявъ его, утѣшали:

Стыдитись плакать то!

Я—шутилъ, а она...

— Кто дерется, того надо бить,—поучительно говорила Марья, приводя въ порядокъ его кудри.

Запахъ угля стоялъ въ комнатѣ. Бревенчатыя стѣны ея были черны отъ копоти, глубоко въѣвшейся въ дерево, изъ пазовъ торчала смоляная пакля; потолокъ лоснился, точно крытый лакомъ, а новый полъ былъ желтъ и гладокъ.

Юноша спрыгнулъ съ постели, подошелъ къ зеркалу и сталъ причесывать свои картинныя кудри бѣленькой гребенкой.

— Грубіянка ты, Машка,—упрекалъ онъ, красуясь, покачиваясь на тоненькихъ ножкахъ, въ черныхъ брюкахъ на выпускъ. Былъ онъ худенькій, узкогрудый, на его острыхъ плечахъ некрасиво висѣла шелковая голубая рубаха,—онъ былъ похожъ на трактирнаго плясуна.

Когда Степа сѣла рядомъ со Смагинымъ, толкнувъ его локтемъ и вопросительно заглядывая въ глаза, онъ спросилъ:

— Споете еще?

— Можно. Вы какія пѣсни любите,—городскія?

— Деревенскія,

— Деревенскихъ не знаемъ. Мы только новыя знаемъ.

— Той пѣснѣ, которую вы начали пѣть скоро сто лѣтъ.

— Врете,—просто сказала дѣвица.—Ее на моей памяти стали пѣть, а мнѣ всего двадцать два...

Марья сѣла на колѣни Щукина обнявъ его за тонкую шею и спросила Смагина:

— Скучно, баринъ?

— Нѣтъ,—любезно солгалъ онъ.

Взбивая рукою вихры Щукина, она сказала:

— Я тоже не люблю старыхъ пѣсенъ—враки много въ нихъ. Все-охъ да-охъ...

Заведя глаза подъ лобъ, она гнусаво запѣла:

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день, и ночь...

Сверните ему шею, чтобы не стонал! Мы—дѣвки удалыя, мы любимъ пѣсни нижегородскія, съ Ярмарки. Изъ нашихъ пѣсенъ голубочки-то давно улетѣли, одна правда осталась. Егоръ, ну-ко....

Соскочивъ съ колѣнъ Щукина, Марья встала среди комнаты и подъ негромкіе голоса гармоники, запѣла, вскинувъ голову, упершись руками въ бока:

— Я-а-й не помню когда дѣвушкой была,
Съ десяти годовъ съ рукъ на руки пошла...

Дѣвицы и Богомоловъ дружно подхватили:

— Цѣловалась, съ кѣмъ попало, день и ночь...

— Эхъ, — тенеркомъ крикнулъ Щукинъ:

— Удавалось — воровала...

Взвизгивая все задорнѣе, гармоника четко наигрывала мотивъ Камаринской, а Марья, учащая темпъ отчаянной пѣсни, пошла по комнатѣ, закрывъ глаза:

— Была дѣвушка себѣ на умѣ,
Жила весело на волѣ и въ тюрьмѣ.

Хозяйка играла на гребенкѣ, обернутой бумагой, Щукинъ хлопая ладонями, самозабвенно пѣлъ:

— Любите, губите меня!

А Марья, дробно пристукивая каблуками, разсказывала правду:

— Н-никому я не отказываю,
Н-никого съ собой не связываю.

— Ни о чемъ я не думаю! — яростно крикнулъ Щукинъ, и засвисталъ, вложивъ въ ротъ пальцы, а Марья, повернувшись къ Смагину, высоко вскидывая черныя ноги, безстыдно и красиво извиваясь, взвизгивала.

И завыло, застонало горестное русское веселье, никогда еще не виданное Смагинымъ во всей драматической красѣ удали и отчаянія, во всей дикой силѣ его неутомимой, азіатской тоски.

Дребезжала посуда на столѣ, сострясался заслонъ печи, надъ столомъ подпрыгивала, приплясывая, лампа, гнусавые голоса гармоники точно милостыню просили.

Когда пляска кончилась, портной горячо поцѣловалъ руки плясуньи и сталъ угощать ее какой-то темно красной наливкой, но она, оттолкнувъ его руку, крикнула: сверкая темными глазами, задыхаясь:

— Водки, милый, водки!

Начали пить. Смагинъ не могъ отказаться и тоже пилъ вмѣстѣ со всѣми, чувствуя тревожную боязнь обидѣть этихъ людей, и безъ его участія до смерти обиженныхъ. Хотѣлось уйти на воздухъ и тяготило желаніе остаться.

Юноша Богомоловъ терся около Марьи и говорилъ ей, со слезами:

— Кабы ты не такая была, то тебя-бы—убить! Убить!

Потомъ Паша и Степа спѣли рыдающую пѣсню:

Куплю на три копѣйки я спичекъ
Въ горячей водѣ разведу,
Умру я въ мученіяхъ страшныхъ
И буду на вѣки въ аду...

Плакали, плясали, снова пили и среди трехъ дѣвицъ, обезумѣвшихъ отъ надсаднаго восторга, отъ страха предъ непонятной жизнью, отъ неясной тоски о чемъ-то другомъ и отъ жалости къ себѣ, въ этой закопченной банѣ, похожей на подземную пещеру, неприкаянно болтался тоненькій блѣдный и потный подростокъ, въ голубой рубахѣ. Натыкаясь на дѣвицъ, онъ цинично хваталъ ихъ, хохоталъ пьянымъ смѣхомъ и грозилъ Смагину кулакомъ, предупреждая:

— Мою—не тронь, убью!

Красивое личико его было глупо и жалко, дѣтскіе глаза болѣзненно мутны, а встрепанныя кудри смѣшно пристали къ потнымъ вискамъ.

Смагинъ смотрѣлъ и думалъ:

— Этотъ ужасъ,—погуще, пострашнѣй того, арзамаскаго ужаса, который однажды пережилъ Левъ Толстой...

За полночь онъ попытался незамѣтно уйти, но на пустырѣ его догналъ Щукинъ, и торопливо, виновато заговорилъ:

— Уходите? Ну, извините! Я — понимаю, для васъ это—не обѣдня!

И понизивъ голосъ, присунувшись къ Смагину, онъ спросилъ:

— Ну—какъ, что вы скажете про нее?

— Послѣ, когда-нибудь!

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста, сейчасъ!

Портной былъ такъ возбужденъ, что не казался пьянымъ.

— Погубитъ она васъ, — выговорилъ Смагинъ, оглядывая пустырь.

Медленно прошло нѣсколько секундъ непріятнаго молчанія, потомъ Щукинъ заговорилъ, твердо и трезво:

— Это очень можетъ быть. Характеръ у нея—вотъ какой! Ее-жъ на мѣстѣ души. Но, знаете, я рѣшился окончательно. Слышать не могу пѣсню эту—„Съ десяти годовъ съ рукъ на руки пошла“—а? Ревѣть готовъ и даже каяться въ чемъ-то, хотя самъ не виновенъ въ этомъ направленіи, я дѣвушекъ не портилъ. Я—рѣшился...

— Пропадете,—сказалъ Смагинъ, тихонько и грустно.

— А, можетъ, хоть одному человѣку помогу, а?

— Знаете, — горячо воскликнулъ онъ, положивъ руки свои на плечи Смагина,—я такъ чувствую, что обязанъ за всѣхъ обиженныхъ женщинъ одну какую-то божественно любить! Безпомощно, безобразно живутъ всѣ и самъ я тоже. Пускай я помучаюсь за человѣка, вѣдь больше ничего я не съумѣю сдѣлать въ жизни, такъ вотъ—хоть помучаюсь, а?

Смагинъ подавленно молчалъ.

— Эхъ, Павелъ Николаевичъ,—не дождавшись отвѣта, сказалъ портной, глубоко вздохнувъ.—Хочется мнѣ отдать себя кому-нибудь, а большія наши дѣла, мечты наши разсѣялись, ну, и... Не могу жить одинъ! И она тоже. Я говорю: Маша, умница, развѣ можно такъ жить. А она: я, говоритъ, ни на какую жизнь не надѣюсь. Каково, а? Не надѣется, а ей всего на все—двадцать пять лѣтъ...

Со стороны бани, изъ-подъ деревьевъ, раздался насмѣшливый возгласъ Марьи:

— Скоро исповѣдуешься, дурачокъ?

Щукинъ всхлипнулъ и пошелъ прочь, говоря:

— Извините, рѣшилъ я это...

Что—рѣшилъ?—спросила Марья.

— До свиданія, — крикнулъ ей Смагинъ, но она не отвѣтила, напѣвая громко и задорно:

Запапрасно, мальчикъ, ходишь,
Запапрасно ножки бьешь...

Угрюмо шагая по переулкамъ, Смагинъ чувствовалъ себя отвратительно; предъ нимъ стояла большимъ тусклымъ пят-

помъ эта черная пещера мученій, набитая бѣсноватыми, въ ушахъ звучали отрывки бездыханныхъ и уродливыхъ пѣсенъ, вспоминался гнусаво-торжествующій вопль гармоники и все, вмѣстѣ съ людьми, стремглавъ летѣло куда-то въ черную пустоту. Онъ слышалъ эти пѣсни и раньше, но никогда еще не чувствовалъ ужаса, скрытаго въ нихъ; онъ видѣлъ пирушки, подобныя этой, но впервые понялъ, какъ мало въ нихъ радости, какъ богаты они отчаяніемъ и тоскою.

Ему вспомнилось, какъ онъ, гимназистъ седьмого класса, пришелъ наниматься репетиторомъ къ внучатамъ какой-то богатой старухи и вдругъ подъ ноги его изо всѣхъ угловъ и дверей бросилась стая маленькихъ и злыхъ собачекъ. Онѣ кусали ему ноги, рвали брюки, онъ билъ ихъ козырькомъ фуражки, отшвыривалъ и мучался, чувствуя себя безпомощнымъ, смѣшнымъ.

Вотъ и теперь на него отовсюду лѣзли злыми собачками зубастыя мысли, кусая за сердце.

— Собирался я отдохнуть здѣсь,—напомнилъ онъ себѣ, усмѣхаясь.

— Донъ-Кихотъ,—непріязненно подумалъ онъ о Щукинѣ и стало неловко передъ собою за эту непріязнь, когда онъ вспомнилъ, что подвиги русскихъ Донъ-Кихотовъ рѣдко поднимались выше поступка портного.

— Помучиться — умѣемъ, а помочь — не научились! Видно—легче помучиться, чѣмъ дѣйственно помочь...

По городу все еще гуляли тѣни облаковъ, на льду лужъ, на сосулькахъ крышъ жемчугомъ сіялъ свѣтъ луны.

— Битая посуда два вѣка живетъ,—размышлялъ онъ.— Когда же, однако, мы прекратимъ починку разбитыхъ душъ? Когда родится крѣпкая, цѣльная душа?

Память подсказала умныя слова портного:

— Имъ кажется, что если есть форточка, такъ ужъ можно терпѣть всякій чадъ!

Онъ крѣпко задумался о томъ, какъ много сказано и говорится на Руси умныхъ, глубоко сердечныхъ словъ и какъ безполезны эти слова для жизни: плаваютъ, горятъ они гдѣ-то высоко надъ людьми, украшая жизнь, какъ звѣзды, но—какъ звѣзды, ничего не измѣняютъ въ ней, ничего! Этотъ мягкій, гибкій родной языкъ самочинно, своей внутренней силой слагается въ добрыя, круглыя, толстень-

кія поговорки и сладкія, какъ патока; теплыя, вкусныя словечки легко и ловко замазываютъ глубокія царапины сердца, заставляютъ забывать обиды жизни, обманно утоляя голодъ нищихъ духомъ.

— Будьте при себѣ,—совѣтуетъ человѣкъ, котораго, въ сущности, нѣтъ на землѣ...

Какъ всегда, ворота Смагину отперла хозяйка, полуодѣтая, окруженная теплымъ запахомъ.

— Простите, безпокою я васъ, загулялся,—сказалъ онъ привычныя слова.

— Молодому и гулять,—отвѣтила она, тихо задвигая засовъ.

Подождавъ ее, онъ пошелъ рядомъ, плечо въ плечо съ нею и впервые замѣтилъ, что она выше него ростомъ.

— А мой-то захворалъ, не спитъ...

— Что съ нимъ?

— Поясница ноетъ... спокойной ночи!

Онъ поднялся къ себѣ и, удрученный пережитымъ, провелъ еще одну безсонную ночь, неотвязно думая о жизни города.

Можетъ быть, эта жизнь не совсѣмъ похожа на устоявшуюся густую воду давно нечищеннаго пруда. Не потому не похожа, что поверхъ воды, украшая ее мелкой кружевной рябью, скользятъ какія-то лѣнивыя букашки, но потому, что на днѣ пруда, въ пахучемъ илѣ бурно совершается разложеніе всего, что отжило и опустилось на дно?

— Въ новыхъ пѣсняхъ — правда, — говоритъ буйная Марья и рядомъ съ этимъ вспоминаются слова умнаго Коптева:

— Правда, правда! Я вамъ какую угодно правду самъ придумаю. Это слово только — правда. Каждый вѣритъ въ ту правду, какой хочетъ, а одна для всѣхъ — Богъ! Найдите-ка мнѣ другую, чтобы для всѣхъ явной была? Нѣтъ, на всѣхъ людей одну рожу не надѣнешь...

Коптевъ — не отжилъ; если онъ и разлагается, то — медленно, какъ разлагаются камни гранитныхъ породъ.

— Арій—слово древнее,—поучительно говоритъ Финогеновъ.—Слово это одинаково со словомъ Авва, отецъ. Ари-сто-кратъ, значитъ: сто кратно отецъ человѣковъ. Изволили усвоить? Отсюда истекаетъ, что люди должны подчиняться лучшимъ изъ своего стада.

Онъ предостерегающе поднялъ палецъ, похожій на морковь, и ощетинился, продолжая:

— Не въ вашемъ, политическомъ смыслѣ, какъ, напримѣръ, Дума, это фальшь и обманъ; нѣтъ—лучшіе люди должны быть рождены въ трудахъ и мукахъ всего народа. Тихона Задонскаго читали?..

Этотъ человѣкъ несомнѣнно многое зналъ, упрямо думалъ и въ немъ жило что-то темное, жуткое.

Однажды Коптяевъ, подмигнувъ пахлѣбнику, сказалъ:

— Не довѣряю парикмахерамъ!

— Чего-же?

— Н-ну,—воскликнулъ Финогеновъ, приподнявъ широкія плечи,—мало-ли что можетъ быть! Водитъ человѣкъ бритвой по твоему горлу, а вдругъ въ пустой башкѣ явится мысль—дай попробую! Человѣкъ подверженъ соблазнамъ. Да и безъ этого—закричатъ на улицѣ пожаръ или караулъ, рука у него сорвется съ испугу—чикъ тебя!

Онъ ткнулъ пальцемъ подъ скулу и объяснилъ:

— А тутъ — сонная жила, питающая мозгъ!

Передъ Рождествомъ Смагинъ встрѣтилъ писаря на базарѣ около свиныхъ тушъ; пріоткрывъ ротъ, сладостно ухмыляясь, Финогеновъ осторожно водилъ пальцемъ по глубокому разрѣзу вдоль хребта, ковыряя сало, мерзлое до твердости камня, а въ его студенистыхъ глазахъ свѣтилось такое жуткое умиленіе, что Смагинъ даже вздрогнулъ подъ толчкомъ темнаго предчувствія. Видя Смагина рядомъ съ собою, писарь повелъ плечами и сказалъ, вздохнувъ:

— Превосходно у насъ свиней откармливаютъ!

Послѣ этого Смагинъ сталъ относиться къ нему подозрительно, съ непобѣдимой брезгливостью.

А Коптевъ, признавая за другомъ своимъ превосходство ума и знаній, слушалъ его медленныя рѣчи съ великимъ вниманіемъ, совѣтовался съ нимъ о домашнихъ и городскихъ дѣлахъ, выспрашивалъ о новостяхъ города и уѣзда, и безусловно вѣрилъ разсказамъ писаря, которые всегда густо и мрачно подчеркивали склонность людей къ убійству, воровству, распутству, ко лжи...

— Человѣкъ подчиненъ особому навожденію, — проповѣдовалъ онъ, — нѣкоторые умники именуютъ это навожденіе пытливостью разума, который, будучи извѣчно слѣпъ и со

слѣпу натыкаясь на все, говоритъ самъ себѣ: дай— попробую! Эта слѣпая Адамова пытливость требуетъ, чтобъ ее крѣпко взнуздали...

— Вѣрно, — соглашался Коптевъ.

Но онъ не всегда былъ согласенъ съ философіей пріятеля и говорилъ Смагину:

— Насчетъ лучшихъ людей не ясно мнѣ, сомнѣваюсь — такъ-ли? Въ міру — какъ въ болотѣ: всѣ квакаютъ одинаково, я-ста, да я-ста! Лучшіе то люди, сударь мой, отъ міра всегда бѣжали, а не валандались во грѣхахъ, подобно ребятишкамъ въ лужѣ...

Коптевъ былъ гласнымъ думы, но на засѣданія ходилъ рѣдко.

— Канитель одна, — насмѣшливо говорилъ онъ. — Конечно — почетъ, а это, какъ солдату мѣдная пуговица — издали всякій видитъ, что солдатъ.

Но когда зимой городской голова поставилъ на разрѣшеніе вопросъ о постройкѣ женской прогимназіи, Коптевъ горячо выступилъ противъ этой затѣи, доказывая необходимость для женщинъ ремесленнаго образованія, и вечеромъ, послѣ засѣданія, хвастался Смагину:

— Провалили голову! На кой она, прогимназія? Романы читать? Нѣтъ, а вотъ, чтобы жена моя сама себѣ башмаки шить умѣла—это такъ!

Онъ былъ вліятеленъ въ городѣ; на улицахъ жители кланялись ему почтительно, съ уваженіемъ, а онъ имъ едва кивалъ головою. Къ нему часто являлись мѣщане обсуждать городскія дѣла, въ его домѣ составлялись планы разныхъ предпріятій и компаній противъ головы, сторонника широкой грамотности.

Смагинъ еще и еще убѣждался, что хотя въ словахъ хозяина логика неуловима, но чувство его очень зорко подмѣчало все, что пыталось хотя бы немного измѣнить порядокъ жизни, усилить ея движеніе.

Онъ неоднократно пробовалъ объяснить хозяину творческую роль науки, Коптевъ внимательно слушалъ его, а потомъ говорилъ:

— Я, вѣдь, противъ науки не спорю, я знаю—безъ нея и замка не сдѣлать. Ну, а въ концѣ то концовъ, все-таки, ученый хочетъ выше Бога быть, этого—не скроешь!

Однажды Смагинъ съ досадой сказалъ:

— Азіатскія мысли у васъ!

— Вы не сердитесь,—отозвался Коптевъ, усмѣхаясь.— Насъ—не мысли разъединяютъ, а—дѣла. Мысли—что? Онѣ, вотъ, вродѣ инея на стеклахъ...

Когда Смагинъ уговорилъ его прочитать нѣсколько книгъ Толстого, умненькій хозяинъ сказалъ, усмѣхаясь:

— А, вѣдь, графъ то всесовершенно противъ вашихъ чувствъ и мыслей. Это—Финогенову больше подходяще, а никакъ не вамъ, по моему разумѣнію. Тутъ очень просто доказано, что Бонопартъ ни къ чему, а вотъ Кутузовъ, понимающій направленіе народа, всегда одолѣетъ, хотя и кривой.

Смагинъ долго объяснялъ хозяину великія красоты книги, но его слова, какъ всегда, не доходили до сознанія Коптева—золотоглазому человѣку была важна учительная часть книги, а обо всемъ остальномъ онъ говорилъ:

— Я понимаю, написано ловко! Особенно—бабы, не любилъ онъ ихъ, видно...

— Въ чемъ же, по вашему, главное поученіе Толстого?—спросилъ, наконецъ, Смагинъ. Хозяинъ отвѣтилъ, не затрудняясь:

— А—не безпокойте народъ умственностью своей, потому что онъ умнѣе умнаго. Вотъ, Безуховъ то понялъ это и покорился...

— Китайская стѣна, — думалъ Смагинъ! — китайская стѣна!

Онъ начиналъ понимать, что живетъ гдѣ-то на узкой и опасной полоскѣ, между двухъ непримиримыхъ міроощущеній, одно—покорствуетъ тайнамъ жизни, другое—стремится познать ихъ; одно—жаждетъ покоя, хочетъ видѣть человѣка праведникомъ во что бы то ни стало, другое—ускоряя движеніе жизни силами роли и разума, воспитываетъ человѣка борцомъ за его власть надъ планетой; одно — вѣритъ въ чудо и ждетъ его, другое—создаетъ истину.

М. Горькій.

1915-й г.

В. БРЮСОВЪ

РОКОВОЙ РЯДЪ

***

РУССКАЯ СОКРОВИЩНИЦА

ВѢНОКЪ СОНЕТОВЪ.

I.

Четырнадцать именъ назвать мнѣ надобно...
Какія выбрать межъ святыхъ именъ,
Томившихъ сердце мукой и отрадой?
Все прошлое встаетъ, какъ жуткій сонъ.

Я помню юность; синій сумракъ сада;
Сирени льнутъ, пьяня, со всѣхъ сторонъ...
Я—мальчикъ, я—поэтъ, и я—влюбленъ,
И ты со мной, какъ бѣлая Дріада!

Ты страсть мою съ улыбкой приняла,
Ласкала, въ отрокѣ поэта холя,
Дала восторгъ, и, скромная, ушла...

Предвѣстье жизни, мой учитель, Леля!
Тебя я назвалъ первой, межъ другихъ
Именъ любимыхъ, памятныхъ, живыхъ.

2.

Именъ любимыхъ, памятныхъ, живыхъ
Такъ много! Но, змѣей меня ужали,
Осталась ты царицей дней былыхъ.
Коварная и маленькая Таля.

Любила ты. Средь шумовъ городскихъ,
Придя ко мнѣ подъ волшебствомъ вуали,
Такъ нѣжно ты стонала: «милый Валя!»
Когда порывъ желаній юныхъ тихъ.

Но ты владѣла полудѣтской страстью;
Навѣкъ меня сковать мечтала властью
Зеленыхъ глазъ... А воли жаждалъ я.

И я бѣжалъ, измѣны не тая,
Тебѣ съ безжалостностью кинувъ: «Падай!»
Съ какой, отравно ранящей, усладой!

3.

Съ какой, отравно ранящей усладой,
Припалъ къ другимъ я, лепетнымъ устамъ!
Я ждалъ любви, я требовалъ съ досадой,
Но не хотѣлъ любви предаться самъ.

Мнѣ жизнь казалась блещущей эстрадой;
Лобзанья, слезы, встрѣчи по ночамъ, —
Все было поводъ къ огненнымъ стихамъ;
Я скорбь вѣнчалъ сонетомъ иль балладой.

Былъ вечеръ; буря; всплыки облаковъ;
Въ бесѣдкѣ, тамъ, рыдала ты,—безъ словъ
Понявъ, что я лишь роль играю, раня...

Но роль была—мой Рокъ! Прости мнѣ, Маня!
Самъ я судилъ себя въ стихахъ глухихъ.
Теперь, въ мечтахъ я повторяю ихъ.

4.

Теперь, въ мечтахъ я повторяю ихъ,
Но тягостно еще одно признанье.
Такъ! Я смѣнилъ стыдливыя признанья
На душный бредъ безвольностей ночныхъ.

Позналъ я сладость тайнаго свиданья,
Поспѣшность ласкъ и равный пылъ двоихъ,
Тотъ «тусклый огнь» во взорахъ роковыхъ,
Что мучитъ наглымъ блескомъ ожиданья.

Ты мнѣ явила женщину въ себѣ,
Клейменую, какъ Пасифая, въ миѳѣ,
И не забыть мнѣ «пламенной Юдиѳи!»

Безлюбыхъ больше нѣтъ въ моей судьбѣ.
Спѣшу къ любви отъ сумрачнаго чада,
Но боль былую память множить рада.

5.

Да! Боль былую память множить рада!
Свѣтлѣйшая изъ всѣхъ, кто былъ мнѣ данъ!
Твой чистый обликъ нимбомъ осіанъ,
Моя любовь, моя надежда, Лада!

Насъ обручили гулы водопада,
Благословилъ, въ чужихъ горахъ, платанъ,
Вѣнчанье наше славилъ океанъ,
Алтарь для клятвъ дала намъ скалъ громада!

Чтобъ ни было, намъ быть всегда вдвоемъ;
Мы рядомъ въ міръ невѣдомый войдемъ;
Мы связаны звеномъ святымъ и тайнымъ!

Но путь мой шелъ еще къ цвѣтамъ случайнымъ,
Я долженъ вспомнить рядъ именъ иныхъ...
О, счастье мукъ, безстрашныхъ, молодыхъ!

6.

О, счастье мукъ, безстрашныхъ, молодыхъ!
Ты вдругъ вошла, съ усмѣшкой легкой, Таня,
Стеблистымъ тѣломъ думы отуманя,
Смутивъ узорностью зрачковъ косыхъ.

Стыдясь, ты требовала ласкъ моихъ;
Любовница, меня вела, какъ няня;
Молилась, плакала, меня тираня,
Прося то перловъ, то цвѣтовъ простыхъ.

Невольно влекся я къ твоей причудѣ,
И нравились мнѣ маленькія груди,
Похожія на форму грушъ лѣсныхъ.

Въ альковѣ брачномъ были мы—какъ дѣти,
Переживая рядъ часовъ—столѣтій,
На вѣкъ закрѣпощенныхъ въ четкій стихъ!

7.

Навѣкъ закрѣпощенныхъ въ четкій стихъ,
Прорѣяло не мало миговъ. Было
Свѣтло и страшно, жгуче и уныло...
Привѣтъ тебѣ, среди царицъ земныхъ.

Недолгій призракъ, царственная Лила!
Меня внесла ты въ счетъ рабовъ своихъ...
Но въ цѣпи я игралъ: еще ничьихъ
Оковъ—душа терпѣть не снисходила!

Актеръ, я падалъ предъ тобой во прахъ,
И лобызалъ слѣды твоихъ сандалій,
И пѣлъ терцинами твой ликъ медалей...

Но страсть уже стояла на часахъ...
Предстала вдругъ, съ палящей сталью взгляда,
Ты, слаще смерти, ты, желаннѣй яда!

8.

Ты, слаще смерти, ты, желаннѣй яда,
Околдовала мой свободный духъ!
И взоръ померкъ, и воли огнь потухъ,
Подъ чарой сатанинскаго обряда.

Въ колѣняхъ—дрожь, языкъ—горячъ и сухъ,
Въ раздумьяхъ—ужасъ вѣры и разлада;
Мы—на постели какъ въ провалахъ Ада,
И мечъ какъ благо, призываемъ вслухъ!

Ты—ангелъ или дьяволица, Дина?
Сквозь пытки всѣ ты провела меня,
Стыдомъ, блаженствомъ, ревностью казня.

Ты помнишься проклятой, но единой.
Другія всѣ проходятъ за тобой!
Какъ будто призраковъ туманный строй.

9.

Какъ будто призраковъ туманный строй,
Всѣ тѣ, къ кому я, изъ твоихъ объятій,
Бѣжалъ въ безумьи... Ахъ! твоей кровати
Вожженъ былъ стигматъ въ духъ смятенный мой.

Напрасно я, обмануть влажной тьмой,
Уста съ устами близилъ на закатѣ!
Пронзенъ до сердца остріемъ заклятій,
Я былъ на ложахъ—словно трупъ нѣмой.

И ты ко мнѣ напрасно тѣломъ никла,
Ты, имя чье стозвучно, какъ Любовь!
Со стономъ прочь я отгибался вновь...

Душа быть мертвой—горестно привыкла.
Тотъ обликъ мой, какъ обликъ гробовой,
Въ вечернихъ даляхъ рѣетъ предо мной.

10.

Въ вечернихъ даляхъ рѣетъ предо мной,
И новый образъ, полный женской лѣни,
Съ изнѣженной безпечностью движеній,
Съ приманчивой, вкругъ взоровъ, синевой.

Но въ ароматномъ будуарѣ Жени,
Я былъ все тотъ же, тускло-неживой;
И нудилъ ропотъ, женственно-грудной,
Напрасно—миги сумрачныхъ хотѣній.

Я цѣловалъ, но—какъ возставшій трупъ,
Я слушалъ рысій, истерійный хохотъ,
Но мертвенно, какъ заоконный грохотъ...

Такъ водопадъ, съ уступа на уступъ,
Летитъ въ стремнину, раздробленъ и вспѣненъ...
Но каждый образъ для меня священенъ!

II.

Да! Каждый образъ для меня священенъ!
Сберечь бы всѣ! Сіяй, сверкай и ты,
Владычица народа и мечты,
Въ чьей свитѣ я казался обезцѣненъ!

На краткій мигъ, но были мы слиты.
Твой поцѣлуй былъ трижды драгоцѣненъ:
Онъ мнѣ сказалъ, что духъ мой неизмѣненъ,
Что властенъ я вновь жаждать высоты!

Тебя зато назвать я вправѣ «Вѣрой»:
Насъ единила общность яркихъ грезъ,
И мы взлетали въ область выпнихъ грезъ,

Какъ два орла, надъ этой жизнью сѣрой!
Но скрылась ты въ могильной глубинѣ...
Вотъ близкія склоняются ко мнѣ.

12.

Вотъ близкія склоняются ко мнѣ,
Мечты недавнихъ дней... Но суесловью,
Я не предамъ святыни, что съ любовью,
Таю, какъ кладъ, въ душѣ, на самомъ днѣ.

Зачѣмъ, зачѣмъ къ святому изголовью,
Я поникалъ въ своемъ неправомъ снѣ?
. . . . . .
. . . . . .

О, мой недолгій, невозвратный рай!
Смирись, душа! казни себя! рыдай!
Смерть, смерть была бъ и легче и надежнѣй!

Какъ, послѣ бури, остовъ шхуны прежней,
Во мглѣ простертъ, лежалъ я въ глубинѣ,—
Въ смятеньи—думы, вся душа—въ огнѣ...

13.

Въ смятеньи—думы; вся душа—въ огнѣ
Пылала; грезы—мчались въ дикой смѣнѣ...
Молясь Кому-то, я сгибалъ колѣни...
И вдругъ услышалъ голосъ въ вышинѣ.

Еще одна, межъ радужныхъ видѣній,
Сошла, чтобъ мнѣ напомнить о веснѣ...
Челнокъ и чайки... Отблескъ на волнѣ...
И женски-дѣвій шопотъ: «Вѣрь Еленѣ»!

Мнѣ было нужно—позабыть, уснуть;
Мнѣ было нужно—въ ласкѣ потонуть,
Мнѣ, кто недавно мимо шелъ, надмененъ!

Надъ озеромъ клубился бѣлый паръ...
И принялъ я ея любовь, какъ даръ...
Но ты ль, вѣнокъ сонетовъ, неизмѣненъ?

14.

Да! Ты ль, вѣнокъ сонетовъ, неизмѣненъ?
Я жизнь прошелъ, казалось, до конца;
Но не хватало розы для вѣнца,
Чтобъ онъ въ столѣтьяхъ расцвѣталъ, нетлѣненъ.

Тогда, съ улыбкой дѣтскаго лица,
Мелькнула... Но—да будетъ сокровененъ
Звукъ имени послѣдняго: мгновененъ
Восторгъ признаній и мертвитъ сердца!

Останься ты неназванной, безвѣстной,—
Но будетъ живъ твой образъ безтѣлесный
Для тѣхъ, кто стихъ мой вспомнятъ наизусть.

Ты—завершенье рокового ряда:
Тринадцать названо; ты—здѣсь, и пусть
Четырнадцать назвать мнѣ было надо!

15.

Четырнадцать назвать мнѣ было надо
Именъ любимыхъ, памятныхъ, живыхъ!
Съ какой, отравно ранящей, усладой,
Теперь, въ мечтахъ я повторяю ихъ!

Но боль былую память множить рада:
О, счастье мукъ, безстрашныхъ, молодыхъ,
Навѣкъ закрѣпощенныхъ въ четкій стихъ!
Ты—слаще смерти! ты—желаннѣй яда!

Какъ будто призраковъ туманный строй,
Въ вечернихъ даляхъ рѣетъ предо мной,—
И каждый образъ для меня священенъ.

Вотъ близкія склоняются ко мнѣ...
Въ смятеньи - думы, вся душа—въ огнѣ...
Но ты ль, вѣнокъ сонетовъ, неизмѣненъ?

22 мая 1916.

ВАЛАДИНЪ

ЗВѢЗДНАЯ БУРЯ

I.

Скрежеща на пролетахъ, мосткахъ, перекинутыхъ черезъ овраги, рѣчуги съ чернильной отъ мховъ водой, скорый пролеталъ станцію за станціей, третій часъ ночи обугливалъ фитили коптящихъ фонарей полустанковъ. Сырой гулъ, падающій на октябрьскія поля въ бѣломъ туманѣ, угольная тьма, опустошенная, тоскующая земля несли съ зимнимъ холодомъ ночи, дрожащей колючимъ сверкающимъ инеемъ, послѣднее смертельное одиночество. Поѣздъ, составленный изъ пяти дорогихъ вагоновъ, суставчатый, какъ легкій змѣй, съ длиннымъ тѣломъ международнаго вагона, завѣшаннаго и спящаго, бросая далеко смуглое золото искръ, гаснущихъ въ туманѣ, пролеталъ русскія поля, губернію за губерніей, съ юга, гдѣ созрѣлъ уже горьковатый миндаль и виноградъ, похожій на сладкіе соски сквозь тучныя жнивья южныхъ губерній, на сѣверъ.

Утромъ былъ иней, желтокъ солнца сіялъ въ лилово-розовомъ туманѣ, сквозь бѣлыя вѣтви перелѣсковъ, надъ прудами въ иглахъ и салѣ перваго льда, курчавой бѣлой травой, похожей на сладкій хворостъ, и пудренные парики березъ. Въ громадныхъ окнахъ вокзала узловой станціи, гдѣ евреи съ клекотомъ посыпали на перронъ, съ мрачнымъ великолѣпіемъ горѣли мѣдно-красныя люстры, зажженныя въ стеклахъ зарей. Дымящійся, облитый масломъ паровозъ долго сосалъ слоновій хоботъ крана, шумно вздувая запаленныя легкія, ускоряя вскорѣ тяжкій бѣгъ мимо огородовъ съ сизо-лиловой капустой, похожей на голубей; сухихъ жнивей съ отарами бредущихъ овецъ и пастухомъ въ горчишной соломенной шляпѣ; осеннихъ прудовъ, засыпанныхъ гусинымъ пухомъ, съ бабами, стоящими по колѣна въ водѣ, и бѣленными холстами, похожими на выпавшій снѣгъ.

Потомъ сіялъ осенній день, съ линялой голубизной фарфоровыхъ небесъ и вороньемъ, несущимъ отъ лѣса къ лѣсу черное кружево своихъ октябрьскихъ свадебъ, пока за голымъ лѣсомъ не зажелтѣлъ желчный холодный закатъ. Международный вагонъ ночью, безшумный, съ плотно задвинутыми дверями купе, съ притушеннымъ свѣтомъ, напоминалъ длинный коридоръ дорогого дома свиданій. Днемъ ѣхавшіе въ немъ стояли у оконъ, прижавшись лбомъ къ рукѣ, и сидѣли въ фанерномъ вагонѣ-ресторанѣ, гдѣ мѣрно плескалась въ закрѣпленныхъ графинахъ вода, глядя на осенніе пейзажи, полные меланхоліи, проносящіеся подъ локтемъ. Здѣсь ѣхали, возвращаясь съ юга, молодожены, похожіе на двухъ стриженныхъ красивыхъ мальчишекъ, загорѣвшіе до черноты, съ невѣрнымъ блескомъ темнѣющихъ глазъ; оперный актеръ, съ бритымъ зобомъ, въ вышитой дорожной фантастической пижамѣ; еврей-фабрикантъ съ женой, мѣрно несущей впереди чудовищную грудь, и два-три молодыхъ человѣка, которымъ все равно гдѣ прожигать жизнь, на югѣ ли или въ холодной Москвѣ, гдѣ глухари троекъ звенятъ вдоль Ямскихъ и бѣлаго отъ снѣга Всѣхсвятскаго.

Проводникъ, усатый полякъ, съ сухимъ горбатымъ носомъ, похожій на кавалериста, въ ловко сшитой курткѣ, очабоченно везшій своихъ кліентовъ, какъ хозяинъ дорогого отеля, безъ четверти три ночи постучалъ въ дверь крайняго купе, закрытаго всю дорогу.

— Лозовая,—сказалъ онъ, наклоняя голову къ двери,— пану угодно отправить телеграмму?

Глядя минуту спустя въ щель, въ синеватый сумракъ, онъ увидѣлъ сухую ногу, туго охваченную свиной крагой, съ худымъ острымъ колѣномъ, поднятымъ къ подбородку.

— All right,—сказалъ ѣхавшій,—войди сюда.

Купе было туманно, полно трубочнаго дыма, сладкаго запаха табака, въ которомъ сложно смѣшаны запахи меда, рома и свѣжести. Сидя въ углу, положивъ ногу на ногу, ѣхавшій раскуривалъ короткую трубочку. Проводникъ, знавшій его еще изъ прошлыхъ путешествій, какъ зналъ иныхъ, славныхъ своимъ именемъ, богатствомъ, молодыхъ женщинъ, переходящихъ, какъ растущая въ цѣнѣ драгоцѣнность, изъ однѣхъ рукъ въ другія, поглядѣлъ быстро, съ тѣмъ сладкимъ безпокойнымъ чувствомъ, какое ощущалъ

всегда, когда везъ людей, извѣстныхъ своей безпокойной и сомнительной славой, на круглый его бритый черепъ съ сливной синевой проростающей короткой щетины и на знакомое, обритое же лицо, того кофейнаго нѣжнаго оттѣнка, какой бываетъ лишь у метисовъ и у юношей-индусовъ. Большой, слегка толстогубый его ротъ, оттянутый складками книзу, былъ полнъ золотыхъ пломбъ и желтыхъ крѣпкихъ зубовъ.

— Какъ дѣла, Янекъ?—спросилъ пассажиръ, вынимая трубочку,—много соблазнилъ въ этомъ году дѣвочекъ, замужнихъ?

— Панъ смѣется,—сказалъ проводникъ, кланяясь.— Янекъ женатый человѣкъ. Панъ славно провелъ время на югѣ?

— Ба, развѣ можно уѣхать надолго,—отозвался пассажиръ быстро и раздраженно,—эти свиньи, русскіе дураки... кучера, конюхи, а не жокеи. Развѣ можно довѣрить имъ лошадокъ?.. Они умѣютъ только пить водку или таскаться за дѣвками.

И проводникъ снова, съ тѣмъ же сладкимъ чувствомъ, посмотрѣлъ на маленькія его руки съ бѣлыми ладонями, гдѣ у ногтей странно и таинственно отдѣлялся Востокъ отъ Европы, черный человѣкъ отъ бѣлаго, руки, извѣстныя Парижу и Чикаго, Москвѣ и Вѣнѣ, сломившія непокорность многихъ: скакуновъ, нервныхъ и мнительныхъ, англійскихъ вислозадыхъ кобылъ съ равномѣрнымъ біеніемъ старой британской крови, переливаемой изъ венъ въ вены на славныхъ заводахъ, американскихъ производителей, опухшихъ отъ мускуловъ, съ чудовищнымъ двойнымъ придаткомъ плодородія, и русскихъ лошадей тѣхъ черноземныхъ губерній, гдѣ издревлѣ, отъ кургана къ кургану, носится вольный, глубокій запахъ полыни.

— Русскіе странные люди,—сказалъ наѣздникъ снова брезгливо, суя трубочку въ ротъ, окутываясь сизымъ дымомъ. Имъ нужны лошади, чтобы дѣлать азартъ, женщины, чтобы мучаться, палка, чтобы скучать о свободѣ. Кромѣ того, всѣ они пьютъ безъ мѣры, до тошноты, бѣгаютъ отъ женъ къ дѣвкамъ и играютъ въ карты. Можешь сѣсть, чего ты стоишь.

Поѣздъ мѣрно несъ во тьмѣ свое большое тѣло, бѣлый аравійскій плащъ дыма трепался позади раздираемый кустарниками.

— Въ прошломъ году Орловъ сломалъ Макъ-Магону спину на хорошей дорожкѣ, — сказалъ наѣздникъ снова, — и что же? Газетные дураки написали, что это несчастный случай, владѣлецъ потерялъ семьдесятъ тысячъ, а Орловъ отдѣлался тѣмъ, что вывихнулъ ногу... Каналья! Развѣ лошадь не та же человѣческая душа, она молчитъ, но она чувствуетъ не хуже насъ побѣду или проигрышъ, у нея есть самолюбіе и зависть. Въ Америкѣ лошадей ломаютъ, имъ ставятъ дыханіе, рысь, но это только дисциплина... Вы, русскіе, никогда не знали, что такое дисциплина. Мужчины у васъ неврастеники, а женщины плаксы... три года назадъ, проигравъ Дерби, Добрышинъ плакалъ, какъ дѣвочка.

Проводникъ, прижавъ за спиной ладони къ двери, стоялъ, выставивъ ноги, покачиваясь, въ маленькой своей польской фуражечкѣ безъ полей.

— Панъ помнитъ рыжую Мари? — спросилъ онъ, помолчавъ, вкрадчиво. — Теперь она уже не съ Мансуровымъ, ее взялъ Кузнецовъ, сдѣлала карьеру дѣвчонка.

— Ба, карьеру, — проговорилъ наѣздникъ, кладя ногу на диванъ и закидываясь въ уголъ, — карьера русской кокотки... Пять поѣздокъ въ Крымъ, три года — собственный автомобиль, англійскій выѣздъ, а потомъ надо переходить на гастроли въ провинцію, въ столицахъ имя уже слишкомъ истрепано. Къ тридцати годамъ онѣ моютъ волосы перекисью, чтобы освѣжить видъ, а любовники ихъ по очереди разоряются, прогораютъ на биржѣ, стрѣляются, пріобрѣтаютъ геморрой и подагру, собираютъ картины и китайскую бронзу, которыя однажды продаются съ аукціона... Россія — скучная страна. Я никогда не читалъ русскихъ книгъ, но знаю, что русскіе писатели пишутъ про одни убійства и непорядки, и если бы однажды прекратились бы убійства и сталъ бы порядокъ, то имъ не о чемъ было бы писать. Не можетъ же страна существовать одними безпорядками. Мнѣ тридцать восемь лѣтъ, Янекъ, двадцать три года я съ лошадьми, люди мнѣ безразличны, женщины противны, я люблю только лошадей. Хозяинъ мой, Толбузинъ,

считаетъ меня дикаремъ, чернокожимъ, но онъ такая же мокрая тряпка, какъ и всѣ другіе.

— Въ Россіи есть красивыя женщины, — сказалъ проводникъ вкрадчиво, — красивѣе иногда, чѣмъ у насъ въ Варшавѣ.

— Женщины, — проговорилъ наѣздникъ въ раздумьѣ, — я видѣлъ и красивыхъ русскихъ, и варшавянокъ, и въ Лондонѣ, на королевскихъ скачкахъ, я видѣлъ одну красивую, она была съ офицеромъ... Въ Коломбо я видѣлъ сингалезокъ съ длинными темными грудями, нѣкоторыя изъ нихъ были тоже очень красивы... Но что изъ этого? Я артистъ, Янекъ, а артистъ долженъ беречь себя отъ женщинъ, онѣ убиваютъ его мѣткость глаза, силу мышцъ, крѣпость въ ногахъ. Въ Парижѣ послѣ скачекъ я получилъ записочку... Маленькую записочку. Я могъ въ тотъ же вечеръ получить много, но я разорвалъ записочку, я нарочно ушелъ изъ дома, ходилъ изъ кабака въ кабакъ и угощалъ дѣвокъ абсентомъ. Если ты перекормишь лошадь или поздно послѣ проѣздки накроешь ее, она будетъ слаба на ноги, мнительна, будетъ страдать одышкой. Толбузинъ, мой хозяинъ, ты его знаешь, погибаетъ изъ-за женщины, это красивая женщина; теперь онъ не можетъ прожить безъ нее часа, скучаетъ, скоро раззорится, нефть однажды перестанетъ бить... Тогда она его броситъ. Любовь, Янекъ, это сорное растенье, которое надо вырвать, чтобы оно не мѣшало жить. Люди придумываютъ ее себѣ такъ же, какъ придумываютъ Бога, чтобы было кому молиться. Они думаютъ, что любовь — это самое большое, что есть на свѣтѣ, а ты никогда не видѣлъ животныхъ въ гнѣвѣ? Если бы человѣкъ умѣлъ такъ сильно любить или ненавидѣть, онъ могъ бы сотворить новый міръ, какъ ему вздумается. Я видѣлъ еще однажды смерчь въ пустынѣ, когда песокъ шелъ стѣной, и мы всѣ знали, что погибли, это было тоже страшно. А послѣ этого я былъ въ Парижѣ, ночью тамъ освѣщены всѣ кабаки. Человѣкъ трусливъ и подлъ, Янекъ, всѣ женщины продажны, и если бы былъ Богъ, Онъ бы навѣрно уничтожилъ всѣхъ людей, чтобы они не смѣли говорить, что Онъ создалъ ихъ. Дикари умнѣе и лучше, они ничего не понимаютъ, но ничего и не выдумываютъ. Они знаютъ, что если женщина измѣнила, то надо убить ее, и что съ враговъ надо спи-

мать головы, чтобы они не могли дальше жить и размножаться. А здѣсь каждая замужняя женщина имѣла или имѣетъ любовника, а тѣ, которыя не имѣютъ, считаются дурами и всѣ смѣются надъ ними. Мужчины всѣ трусы и предпочитаютъ про враговъ сплетничать, а тѣ, которые не трусы, тѣ быстро погибаютъ во время войнъ или возстаній, или ихъ высылаютъ, какъ опасныхъ людей. Въ Америкѣ съ голода они начинаютъ заниматься торговлей, богатѣютъ и становятся такими же, какъ и всѣ, или еще хуже. Съ людьми мнѣ скучно, Янекъ.

— Панъ не вѣритъ въ Бога, — сказалъ проводникъ, глядя на ноги, — въ Бога не можно не вѣрить. Богъ можетъ сдѣлать счастливую или грустную жизнь.

— Я ни въ кого не вѣрю, — проговорилъ наѣздникъ, морща вдругъ коричневое, одутловатое лицо, и я не знаю, что значитъ грустить. Если мнѣ скучно, то я ложусь спать или иду къ лошадямъ, или пью вино. Отъ вина мнѣ становится весело, и тогда, если я захочу, я могу представить себѣ, что взялъ подрядъ три королевскихъ приза. Другіе же, если имъ скучно, напиваются, какъ свиньи, водкой или абсентомъ, и тогда ихъ тошнитъ въ раковину; иные ухаживаютъ за женщинами и везутъ ихъ въ номера, чтобы представить себѣ, что это любовь, и дѣлаютъ тамъ всякія гнусности, особенно въ Парижѣ. Въ Сайгонѣ китайцы жрутъ гашишъ и курятъ опій и ходятъ, какъ чумные, на слабыхъ ногахъ и съ бѣлыми глазами. Всѣ люди одинаковы, китайцы ли это или русскіе конюха, и я одну лошадь не отдамъ за пять человѣкъ. Лошадь можетъ страдать, но она молчитъ, у нея человѣческіе глаза, и она можетъ такъ же грустить, какъ и человѣкъ. Но конюха бьютъ ихъ по глазамъ, а люди ихъ холостятъ, чтобы они не безпокоили ихъ своимъ нравомъ.

— Но если люди погибаютъ на войнѣ, или если разбойникъ вырѣжетъ семью и дѣтокъ, то ихъ жалко, — сказалъ проводникъ спокойно.

— Войну всегда затѣиваютъ люди изъ-за жадности или расчетовъ. Тѣхъ, кто хочетъ нажить, мнѣ совсѣмъ не жалко, пусть они гибнутъ. А тѣхъ, кому велятъ идти и они ничего не понимаютъ и идутъ, мнѣ ихъ тоже не жалко, потому что они рабы, и они ничего не смѣютъ сдѣлать въ жизни

сами. Толбузинъ считаетъ меня дикаремъ и смотритъ какъ на лошадь, а я хочу, чтобы завтра перестала бить его нефть, чтобы онъ раззорился и женщина бросила бы его. Тогда онъ пойметъ, что онъ просто старый дуракъ и что женщину эту любить будутъ другіе, и она всѣхъ будетъ раззорять, потому что у нея холодное сердце, и всѣ будутъ несчастны, а однажды она сама полюбитъ какого-нибудь шарлатана, будетъ за нимъ ѣздить, потому что онъ будетъ сильнѣе и умнѣе ея. Какой можетъ быть при всей этой чепухѣ Богъ, Янекъ?

— Не было бы Бога, не было бы свѣта и мы не говорили бы сейчасъ, — сказалъ проводникъ уклончиво.

— Богъ! Богъ есть въ вашихъ костелахъ и чтобы сыты были ваши священники. У меня есть одинъ Богъ — это мои глаза, моя голова, мои руки, и если у меня ослабнутъ руки или помутнѣютъ глаза, лошади перестанутъ меня бояться и меня выбросятъ къ чорту. И твой Богъ съ тобой, Янекъ, потому что ты бережешь себя, и машинистъ не пьянъ и не сошелъ съ ума и бережетъ себя, и стрѣлочникъ не сошелъ съ ума и бережетъ себя, иначе бы экспрессъ давно бы налетѣлъ на другой поѣздъ или свалился бы подъ откосъ, а ты ѣздишь въ поѣздахъ восемнадцать лѣтъ и ничего съ тобой не случилось. И вотъ здѣсь нашъ Богъ, въ твоей и моей головѣ, а совсѣмъ не на небѣ и не въ костелѣ. На небѣ есть звѣзды, это я знаю, и бываютъ бури и циклоны, но это только плохая погода, и это знаютъ всѣ капитаны. Поэтому, когда начинается буря, они велятъ убрать всѣ паруса и велятъ всѣмъ матросамъ быть на мѣстахъ, а не молятся Богу, какъ молятся всѣ, когда имъ становится опасно жить. Звѣри тоже не молятся Богу, а если имъ кто-нибудь угрожаетъ, они скалятъ зубы и выпускаютъ когти.

Онъ поднялся съ дивана, надѣлъ на ходу въ рукава мѣховое пальто и прошелъ по сонному коридору къ площадкѣ, за окнами которой летѣли назадъ черные кусты, искры, бѣлыя поля во мракѣ. Ночь становилась все блѣднѣе, туманнѣе, лунный свѣтъ дальнихъ фонарей дымно просачивался въ тьму. Стукая по стрѣлкамъ запасныхъ путей, мимо спящихъ товарныхъ поѣздовъ, окутанный дымомъ, поѣздъ подходилъ къ станціи. Взявшись за поручни, наѣзд-

никъ сошелъ на ступеньку, и сейчасъ же ревъ вѣтра, съ солью инея, морозная буря залѣпили ему глаза.

Станція была пустынна, отправившая недавно на югъ и востокъ поѣзда, только въ залѣ, жидко освѣщенной, сидѣлъ на узлѣ съ желѣзнымъ аршиномъ въ рукѣ молодой китаецъ, похожій на загорѣлую некрасивую дѣвушку. Въ низенькой комнатѣ телеграфа постукивалъ, звякая, мѣдный юзъ, бѣлая лента, поднимая спинку, сползала съ пальцевъ телеграфиста. Наѣздникъ сдалъ телеграмму, прошелъ обратно на перронъ, мимо китайца, грустно скалившаго слабые желтые зубы, похожаго на мерзнущее тропическое животное, и всталъ у вагона, пряча въ рукава руки. Вагоны, бѣлые отъ инея, низкій дымъ вздыхающаго паровоза, вѣтеръ, метущійся надъ смутными полями, предвѣщали еще большее одиночество, пустынность зимы, заносящей метелями весь дальній путь на сѣверъ. Мелкій нафталинъ инея опускался дрожа, туманная серьга Оріона просачивалась подъ облаками, стремительно несущими свои темныя груди, полныя снѣга и осеннихъ дождей. И колючій блескъ звѣздъ, и шумъ холодной бури напомнили ему вдругъ другое, давно забытое, старый португальскій пароходъ, на которомъ юношей совершалъ онъ первое свое дальнее путешествіе. Тогда такъ же надъ Краснымъ моремъ стояли мутныя звѣзды, и между небесными веретенами тянулась пряжа Млечнаго Пути. Тогда была молодость, звѣриная жажда жизни, легкая тропическая одежда, сквозь которую вѣтеръ пустыни обжигалъ тѣло.

Взявшись за поручни, онъ поднялся въ вагонъ, прошелъ въ купе и сѣлъ снова въ уголъ, полыхая горящимъ табакомъ. За окномъ, сверкающимъ синеватымъ блескомъ морозной хвои, расписанной вдоль, позвонили, паровозъ помчалъ, засипѣлъ, сталъ ревѣть, рожа въ воротникѣ, похожемъ на жабо, стала пухнуть щекой на сизомъ стеклѣ, человѣкъ поползъ кверху и три раза пробѣжалъ быстро мимо. Внезапно желтый колпачекъ мѣсяца всплылъ, какъ поплавокъ, въ мыльной пѣнѣ облачка, вскорѣ легко скользя вслѣдъ по верхушкамъ елей, поѣздъ дугой сворачивалъ, входя въ тьму лѣсовъ. И здѣсь, сидя въ углу, глядя на хромой мѣсяцъ, наѣздникъ вспомнилъ дальше, что до Джибути въ морѣ былъ штиль, вѣтеръ, дувшій съ берега, приносилъ обожженное горючее дыханіе пустыни. Тамъ, гдѣ англійскіе офицеры

въ шлемахъ, въ бѣломъ, глотали ледъ, изнемогая отъ зноя, онъ былъ одинокъ, судьба несла его черезъ моря вслѣдъ за господиномъ, русскимъ лейтенантомъ Петровымъ. Португальскій пароходъ, низко осѣвшій отъ груза, былъ старъ, совершалъ послѣднее свое путешествіе, предназначенный на сломъ. И онъ запомнилъ далѣе Джибути, затерянный въ пескахъ, толпы нубійцевъ и сомали, блестящихъ на солнцѣ чернымъ угольнымъ лакомъ кожи и конскимъ волосомъ спутанныхъ гривъ, свѣтло-коричневыхъ абиссинцевъ и молодыхъ женщинъ, едва прикрытыхъ тканями. Тамъ же, въ Джибути, стоя на носу парохода, глядя на звѣздное небо и лиловый блескъ воды, слушая музыку съ берега, гдѣ французская колонія принимала офицеровъ, онъ ощутилъ впервые ту тревожную, горькую грусть, можетъ быть мечтанье о любви, какую ощутилъ однажды позднѣе, на лондонскихъ скачкахъ, гдѣ женщина поглядѣла на него съ тѣмъ мгновеннымъ блескомъ потупленныхъ глазъ, въ которомъ иногда можно услышать и призывъ, и желанье сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ словахъ въ мірѣ. Тропическая ночь, звѣздныя сѣмена, раскиданныя въ небѣ, и хижины сомали, одиночество и его молодость запомнились ему на всю жизнь, какъ запомнился дальше, черезъ день, свѣжій муссонъ, разведшій на пути къ Коломбо волны, кипѣвшія вдоль бортовъ, гребень за гребнемъ, съ кипучею яростью, и утромъ, послѣ многихъ дней пути и послѣ ливня съ шумомъ и бѣлыми молніями пронесшагося надъ пароходомъ, Цейлонъ, Коломбо, красный отъ глины, въ знойномъ блескѣ зелени кокосовыхъ пальмъ, каучука и табака, солнцѣ, теплѣ; пироги съ сингалезами въ юбкахъ, съ шиньонами длинныхъ женскихъ волосъ на макушкѣ, съ оранжевыми языками отъ бетеля; и слѣдомъ Китайское море, надъ которымъ лиловыя обвислыя тучи, проносящіяся съ муссонами, проливали потоки ливней, путь къ Сайгонѣ, и Сайгона съ алыми крышами, въ садахъ и трескѣ цикадъ, конецъ скитаній—и только начало скитаній, откуда пошли пути въ Парижъ, въ Вѣну, въ далекую Россію. И онъ представилъ себѣ себя вновь шестнадцатилѣтнимъ, похожимъ на одного изъ тѣхъ сомалійскихъ мальчишекъ, которые ловили ртомъ су, бросаемыя съ парохода въ море, входящимъ впервые въ одинъ изъ парижскихъ кабаковъ, гдѣ женщины съ накрашенными губами, цѣдившія сквозь

соломинку, оглядѣли его быстро и жадно, какъ впослѣдствіи оглядывалъ онъ лошадей. И тамъ же, въ осеннемъ Парижѣ, гдѣ онъ дрогъ тогда въ своемъ короткомъ щегольскомъ пальто, тоскуя по горячимъ сухимъ вѣтрамъ родины,—много лѣтъ спустя онъ равнодушно, въ цилиндрѣ на затылкѣ, проходилъ мимо толпы, кипѣвшей бѣлой пѣной лицъ и платковъ. Здѣсь, гдѣ на кладбищѣ Père-Lachaise былъ похороненъ его первый хозяинъ, лейтенантъ Петровъ, онъ узналъ женщинъ, успѣхъ и деньги, и великую тщету всѣхъ человѣческихъ усилій. Виноградныя облака, оранжевое солнце въ желтой пыли садились за Исси ле Мулино, когда трибуны встрѣтили его, какъ побѣдителя, съ ревомъ и бѣлымъ мельканьемъ женскихъ платковъ, и та же толпа годъ спустя съ тѣмъ же ревомъ освистала его, мокраго, уничтоженнаго, съ дрожащими ногами...

Въ полночь, когда проводникъ, обходившій свои владѣнья, подошелъ къ дверямъ, онъ еще не спалъ, подогнувъ ноги, онъ думалъ.

— Пану не спится? — спросилъ проводникъ, наклоняя голову.

И онъ отвѣтилъ отрывисто:

— Слишкомъ крѣпкій табакъ. Надо спать, Янекъ. Люди страдаютъ безсонницей отъ денегъ и женщинъ. Слава Богу, у меня нѣтъ ни того, ни другого.

II.

Проходя черезъ магазинъ, громадный, съ зеркальными стеклами, сыро пахнущій рыбой и сладостью гніющихъ фруктовъ, Елена указывала маленькой рукой въ замшевой сѣрой перчаткѣ плѣшивенькому приказчику, слѣдовавшему за ней, изображавшему на измятомъ лицѣ веселую готовность, застывшую улыбку внимательнаго и великодушнаго хозяина. Магазинъ, похожій на аранжерею пестрой и дикой окраской своихъ явствъ, съ мокрыми опилками на каменномъ полу, былъ полонъ дымнаго свѣта близкихъ сумерокъ, проходившихъ сквозь громадныя стекла. Переходя отъ прилавка къ прилавку, мимо громадныхъ безголовыхъ рыбъ, влажно блестящихъ своимъ розовымъ мясистымъ тѣломъ,

уродливо-искривленныхъ палевыхъ грушъ, омаровъ, похожихъ издали своими алыми фарфоровыми спинками на чудовищные гребешки настурцій, Елена временами, словно вспомнивъ, поворачивалась назадъ, глядя вглубь магазина, откуда знакомые глаза, къ блеску и обожанію которыхъ она уже привыкла, слѣдили за ней издалека. И она на мигъ въ прищуренномъ отвѣтномъ взглядѣ и короткомъ движеніи къ нему говорила, что помнитъ, чувствуетъ, единственно съ нимъ... Приказчикъ, многосемейный, въ коричневыхъ ботикахъ и съ непокрытой головой, забывая временами о своихъ обязанностяхъ, вдругъ задумывался, глядя мимо покупателя, въ синее окно, за которымъ чернѣла вечерняя толпа. Въ этотъ часъ, подъѣзжая на рѣзвыхъ извозчикахъ, лошади которыхъ густо дымились, отстаиваясь,—мужчины дѣловито покупали фрукты и вино, можетъ быть для долгаго ужина вдвоемъ, когда опущенныя въ бокалъ женскія губы таятъ прелесть горькихъ и пьяныхъ поцѣлуевъ.

Обойдя весь кругъ и вернувшись назадъ, сжимая знакомую узкую руку, Елена говорила на ходу жадно и торопливо:

— Гадкій мальчишка... Гуссейнъ, ты слышишь? Я брошу тебя, если будешь смотрѣть на другихъ женщинъ... Глупый, любимый мальчишка!..

Загораясь вдругъ отъ смутнаго темнаго чувства, блѣднѣя всѣмъ смуглымъ мальчишескимъ лицомъ, онъ поворачивалъ къ ней темнѣющіе глаза, блескъ которыхъ въ долгія ночи она гасила ненасытимою жадностью. Приказчикъ, ловко кидавшій за рѣшетку мальчишкѣ въ полосатомъ фартукѣ свертки, поглядѣлъ на ея лицо въ зрѣлой и увѣренной красотѣ и вдругъ забезпокоился отъ своего пристальнаго и лишняго взгляда. И Гуссейнъ, поймавъ этотъ взглядъ, наполняясь отъ него внезапно сладкой тревогой, увозилъ ее отсюда минуту спустя, кутающуюся въ мѣха, какъ таинственнаго сѣроглазаго звѣря.

Въ высокихъ саняхъ, прикрывая мѣхомъ лицо, она глядѣла на него искоса блестящимъ, потупленнымъ глазомъ. Кучеръ, зло и нагло окрикивающій съ высоты, зорко глядя въ синюю мглу, увѣренно направлялъ лошадь къ знакомой улицѣ, гдѣ изо дня въ день темнѣла гуляющая праздная толпа, останавливаясь у освѣщенныхъ витринъ съ тепло сіяющими жемчугами и перстнями на синемъ бархатѣ и лег-

кимъ прахомъ женскихъ тканей, льющихся сверху. Кафе, низкое и желтое, въ сладкомъ дыму египетскихъ папиросъ, было полно тѣхъ же праздныхъ женщинъ и молодыхъ людей, жеманно проходящихъ между столовъ, покачивая женскими бедрами. Синяя мгла за окномъ, какъ тончайшій дымъ пудры, пронизывалась стекляннымъ свѣтомъ зажигаемыхъ фонарей. Здѣсь, гдѣ царила знакомая праздная скука, женщины съ вялыми улыбками прекрасныхъ лицъ, заполняя пустоту просторнаго дня, искали разнообразія, можетъ быть счастливыхъ и тревожныхъ встрѣчъ; въ эти часы ихъ скучающіе глаза были полны живой прелести, храня томительную грусть. Молодые люди, обиженные невниманіемъ, дѣлали равнодушныя лица, усиленно куря или озабоченно проходя къ телефону, въ короткихъ брючкахъ и куцыхъ пиджачкахъ съ высоко поднятыми плечами. Сидя за угловымъ столомъ, спокойная и увѣренная, теперь уже знаемая всѣми, какъ знаемъ былъ и тотъ, кто сидѣлъ подлѣ нея, похожій на младшаго брата, Елена говорила быстро и разсѣянно:

— Если я тебя брошу, ты будешь несчастенъ, Гуссейнъ? Ну, что ты молчишь, глупый мальчишка, любимый, любимый!..

И теряясь въ трудно находимыхъ словахъ, прекрасно вдругъ блѣднѣя отъ возможнаго отчаянія, онъ отвѣчалъ:— Тогда я убью тебя... никому не позволю быть съ тобой...— Смутно, по-женски она была встревожена и благодарна за эти слова.

Окна мутно лоснились отъ огней, скоро толпы служащихъ брели по домамъ, закончивъ трудовой день. И еще часъ спустя, съ ревомъ и дроздинымъ посвистомъ, траурныя машины развозили по театрамъ женщинъ съ непокрытыми головами, похожихъ снаружи на неживыхъ, хлопая дверцами у колоннъ, гдѣ сдерживали кучера рысаковъ, бросающихъ по бокамъ крутой горячій паръ.

Театръ, высокій и просторный, въ тревожно блистающей позолотѣ, былъ полонъ неяснаго шума, гула толпы, низко, какъ лѣнивая тучная женщина, осѣвшей въ креслахъ, принесшей сюда звуки всѣхъ своихъ простудъ и длительныхъ недомоганій. Положивъ передъ собой на барьеръ руку въ длинной бѣлой перчаткѣ, Елена знала, какъ знала

и каждый разъ, что въ этихъ смуглыхъ рядахъ, уходящихъ дугами вверхъ, къ пыльнымъ лимоннымъ хрусталямъ люстры, она замѣтнѣе всѣхъ, со своими открытыми елисаветинскими плечами, розово-жемчужными отъ тончайшей пудры, и тѣмъ блескомъ глазъ, печальнымъ и дерзкимъ, какимъ таинственно и смутно сіяютъ всѣ женскіе глаза при свѣчахъ, передъ вечеромъ, въ слюдяной глубинѣ зеркалъ. И ей вновь захотѣлось ощутить холодное вдохновеніе актрисы, которую всѣ знаютъ; уставшей и блѣдной, перегорѣвшей отъ успѣха, выйти въ платкѣ изъ уборной, пробираясь въ вестибюлѣ сквозь толпу; узнающую ее, испуганно и восхищенно. И позднѣе, выходя изъ театра, она сохраняла то же боязливое и страдальческое выраженіе лица, словно не отрѣшившись отъ роли. Низкая, снѣжная туча лежала надъ городомъ, желтыя шлеи фонарей уходили въ туманъ. Прижимаясь весь снѣжный путь черезъ городъ къ плечу того, кто далъ ей эту легкую и сіяющую жизнь, и дома, за дверьми его тяжелаго оливковаго кабинета съ бронзовыми лошадьми, она говорила громко и пѣвуче, словно обращаясь къ толпѣ:

— Гуссейнъ, ради тебя я порвала со сценой, ты долженъ это знать... Мнѣ давали роль Норы, но я отказалась, я не хотѣла, чтобы между нами была сцена. Ты долженъ понять, что это за жертва для актрисы.

Онъ молча и восторженно слѣдилъ за ней, куря въ углу дивана папироску; двери въ спальню были открыты, отсюда въ туманной глубинѣ зеркалъ видны были знакомыя обнаженныя руки и свѣтлое мелькаціе легкихъ кружевъ широкихъ рукавовъ. Кабинетъ былъ теменъ, въ зеленомъ дыму низкой лампы, съ полукруглыми окнами, за которыми по утрамъ виденъ былъ снѣжный городъ, сальная рѣка и дальніе сизые лѣса, гдѣ, казалось, шла другая земля, въ папортникѣ и туманѣ. Въ эти утренніе часы, когда на ипподромѣ, дрожа отъ нетерпѣнія, съ мягкими блестящими грудями, закапанными пѣной, легко вздымая бѣлый снѣжный прахъ, лошади совершали пробѣжку мимо трибунъ, откуда, пряча въ мѣха озябшее лицо, Елена смотрѣла внизъ на наѣздниковъ, — въ эти часы гдѣ-то за тысячи верстъ персы съ шафранными ногтями, оборванные армяне, похожіе на дервишей, весь нищій сбродъ востока, въ отрепьяхъ, пропи-

танныхъ нефтянымъ густымъ жиромъ, бурлилъ и сверлилъ землю, чтобы однажды новая тяжелая мутно-зеленая струя хлынула изъ нѣдръ, изъ глубинъ пересохшихъ великихъ морей, и чтобы сѣроглазая женщина, смотрящая съ трибунъ внизъ, ни въ чемъ не узнала отказа.

Здѣсь, въ спальнѣ, полной горькаго запаха духовъ, глухой отъ шкуръ, уже ночью, очнувшись отъ недолгаго сна, Елена провела вдругъ тревожно рукой по короткимъ волосамъ безсильной головы, лежащей у ея плеча. Спальня, холодѣющая передъ утромъ, показалась ей похожей на дорогой номеръ большой гостинницы, какъ послѣ часовъ близости похожи всѣ комнаты въ мірѣ. Разсвѣтъ пустынно и просторно вставалъ въ окнахъ спальни, гдѣ лишь часы назадъ догорѣлъ горькій и безумный пламень. И еще недавно знавшая всю свою смутную и глухую власть, Елена ощутила вдругъ смертельное одиночество. Касаясь худого мальчишескаго плеча, она сказала громко, пугаясь до отчаянія своего голоса:

— Ты спишь, Гуссейнъ?.. Господи, но не надо же спать,—замыкая руки на его шеѣ, теряясь отъ отчаянія.— Развѣ я знала, что такое любовь... развѣ не страшно, что я старше тебя, какъ мать... Когда ты бросишь меня? Можетъ быть, завтра.

Еще не очнувшись отъ сна, припадая къ ея отяжелѣвшимъ, уже вялымъ губамъ, сливая съ ея дыханіемъ свое, онъ говорилъ ей въ ротъ глухія отвѣтныя слова нѣжности. Она лежала на спинѣ, не отпуская его рукъ, глядя въ окно. Звѣзды выступали по темному склону, блестя застывшей водяной пылью, острымъ стеклянным сіяніемъ, какъ осколки зеркала. Городъ засыпалъ въ снѣгу, ревя прощальными голосами паровозовъ, уходящихъ въ тьму, въ поля, въ глухую страну. Ихъ лунное дыханіе дрожало надъ вокзалами, гдѣ днемъ, мимо угольныхъ насыпей, блестящихъ агатовымъ каменнымъ блескомъ, съ жестянымъ скрежетомъ ползли трамваи. На запасныхъ путяхъ, возлѣ товарныхъ станцій съ досчатыми мостками, стояли товарные поѣзда, зіяя черными зѣвами раскрытыхъ кирпичныхъ вагоновъ, откуда изо дня въ день съ ревомъ и грохотомъ выгружали ящики и кули, дымящіяся лошади развозили ихъ во всѣ концы города, склады и амбары, лабазныя и мясныя. Каждое утро гнали съ вок-

заловъ на бойни ослабѣвшій отъ пути, шалый скотъ; городъ, сонный и туманный, еще въ бѣлесоватомъ дымѣ разсвѣта, былъ пустыненъ и холоденъ въ эти часы. Лихачи съ засахаренными бородищами, звеня серебрянымъ наборомъ шлей, возвращались отъ загородныхъ ресторановъ, сѣдоки ихъ, съ синими тѣнями у глазъ, были блѣдны отъ любви и вина, и тягучихъ цыганскихъ пѣсенъ. Ночной трамвай проходилъ тяжко и медленно, какъ большой катафалокъ. Иней и холодный вѣтеръ на площадяхъ, бѣлое небо и воронье со скрипомъ поднявшееся надъ бульварами, обѣщали пустынность зимняго дня, конецъ короткой любви, зажженной виномъ и яростью пѣсенъ. Холодная и бѣлая земля шла по зениту къ тревожнымъ и сырымъ днямъ оттепели, долгимъ и рыжимъ закатамъ весны.

Опираясь на локоть, Елена поглядѣла ближе, пристальнѣе на его спящее усталое лицо, съ темными дѣвичьими дугами бровей; отроческая блѣдность напомнила ей вдругъ, что первый ребенокъ родился мертвымъ и что пустота въ то сырое мартовское утро, когда послѣ долгихъ дней болѣзни и горя она подошла къ окну, была страшной и послѣдней... Въ то утро она была только больной и несчастной женщиной, и можетъ быть, всѣ послѣдующіе годы она лишь, какъ легкимъ снѣгомъ, заметала эту боль глухими и пьяными ночами, въ которыхъ, какъ серебряныя кольца, звенѣли глухари троекъ. Разсвѣтъ былъ медленъ и дологъ, въ колючей крупѣ, шуршащей по стекламъ. И въ эти часы, глядя на худую открытую ключицу, она испытала лишь сладкую женскую жалость; его стриженная голова касалась ея руки, и она прикрыла съ суровою нѣжностью его стынущее плечо, теперь уже старше его, не любовница, случайная подруга, которой онъ отдалъ первую страсть, можетъ быть, предназначенную для другой.

III.

Потирая на ходу озябшіе пальцы, въ короткой мѣховой курточкѣ, открывающей тугой мальчишескій задъ, крѣпко ставя короткія кривыя ноги, наѣздникъ быстро прошелъ черезъ манежъ, къ конюшнямъ, бѣлымъ и веселымъ на видъ, со многими высокими окнами, занесенными снѣгомъ. За ними,

за пустыремъ и деревьями, виденъ былъ ипподромъ, съ отбитой лоснящейся отъ проѣздокъ дорожкой, въ рыжемъ навозѣ и желто—зеленыхъ подпалинахъ. Трибуны, теперь пустынныя, чернѣли далеко своими деревянными переходами, паддокомъ съ опущеннымъ флагомъ и судейской будкой, похожей на чудовищный голубятникъ. Наѣздникъ толкнулъ ногой обитую дверь, и сейчасъ же, чуть туманя голову, какъ обычно, острый знакомый запахъ конюшни, навоза и мокрой соломы наполнилъ его легкимъ веселымъ возбужденіемъ. Раздувая ноздри, дѣловымъ шагомъ онъ подошелъ къ крайнему станку, гдѣ, закативъ красноватый бѣлокъ, звякая цѣпью, вороной жеребецъ потянулся къ нему, дуя изъ мягкихъ ноздрей.

— Доброе утро, Блэкъ, — сказалъ наѣздникъ и потеръ ему переносицу, по бѣлой отмѣтинѣ,—какъ мы спали? Настроеніе? Желудокъ?

И жеребецъ, играючи, дергая головой и скаля желтые зубы, схватилъ его за рукавъ. Давая ему играть, наѣздникъ быстро потрогалъ его ноги съ огромными асфальтовыми бабками, крутую грудь съ перегнаннымъ въ мускулы жиромъ, подвернулъ хвостъ, чтобы взглянуть, не осталось ли на рѣпицѣ навоза — лошадь была въ порядкѣ.

— Блэкъ, вы совершенно здоровы, — сказалъ онъ сквозь зубы, — благодарю васъ.

Задирая голову, ставя уши, жеребецъ заржалъ вдругъ звонко и протяжно.

— Побольше спокойствія, — сказалъ наѣздникъ снова, зачерпнувъ изъ кормушки, — спокойствіе, увѣренность, твердость.

И онъ пошелъ дальше, отъ станка къ станку, сквозь весь нарядный денникъ, свѣтлый отъ многихъ оконъ и отъ снѣга, густо выпавшаго за ночь. Во дворѣ конюха вели къ ипподрому лошадей въ коричневыхъ попонахъ съ круглыми прорѣзами для глазъ, похожими на автомобильныя очки, гоняли иныхъ на кордахъ, выносили навозъ, густо дымящійся на вѣтру. Въ слѣдующемъ станкѣ, накрытый клѣтчатой желтой попоной послѣ проѣздки, вращая дикими глазами, стоялъ вислозадый рыжій производитель, уже кончающій скаковую карьеру, назначенный на заводъ, чтобы обратить горячее буйство крови въ новую жизнь.

— Ты уже пропотѣлъ, любезный, — сказалъ наѣздникъ, просовывая подъ попону руку, — стой спокойно, не волнуйся. Если будешь волноваться, не получишь пить. — онъ пошелъ далѣе, мимо сѣрой Луизы, взявшей годъ назадъ подрядъ четыре приза, и безпокойныхъ трехлѣтокъ, на которыхъ притворно сердито онъ прикрикнулъ: — Тихо, — къ крайнему станку, гдѣ уже полчаса, слыша голосъ, дрожала мелкой нервической дрожью пепельная кобыла, гордость конюшни, единственная Дженни, выступающая на дняхъ впервые. И наѣздникъ, только что притворно кричавшій на молодежь, звонко хлопавшій лошадей по крупамъ, сталъ вдругъ серьезенъ. Онъ молча съ нѣжностью провелъ рукой по вздрагивающей каждый разъ отъ прикосновеній кожѣ, пощекоталъ ей ямку за ушами, въ то время какъ попрежнему недовѣрчиво лошадь задирала голову, дрожа, уже не владѣющая чувствами, переступая по намокавшей каждый мигъ все больше соломѣ. Наѣздникъ оглядѣлъ ее серьезно и озабоченно, и сейчасъ же, держа съ двухъ сторонъ подъ уздцы, конюха со стукомъ стали выводить ее во дворъ. Пока во дворѣ осѣдлывали крошечнымъ желтымъ сѣдломъ съ короткими стременами, она трижды покрылась испариной, вдругъ похудѣла, дрожа на тонкихъ сухихъ ногахъ. Просовывая руку подъ подпруги, наѣздникъ обошелъ лошадь вокругъ, оперся о плечо конюха и внезапно легко перекинулъ на сѣдло тѣло, ставя въ коротенькихъ стременахъ колѣнами вверхъ, къ подбородку, ноги. Лошадь рванула въ сторону, но, рѣзнувъ ей ротъ желѣзомъ, онъ разобралъ поводья и, пригибаясь къ шеѣ, направилъ ее шагомъ къ ипподрому. Постукивая по откатанной дорожкѣ, забрасывая грудь пѣной, взвизгивая отъ шенкелей, кобыла легко пронесла мимо пустыря съ кустами въ снѣгу, за которыми бѣлѣлъ шершавый нахохленный паркъ, къ знакомой дорожкѣ; по ней, съ вѣтромъ и летучимъ стукомъ копытъ, вздымая снѣжную пыль, пролетали уже жокеи. Иные, дѣлая полукруги подлѣ трибунъ, успокаивали лошадей, пуская иногда на полуверсту, чтобы разогрѣть кровь, и сбивая на рысь. Пригибаясь къ сѣдлу, наѣздникъ проѣхалъ дважды рысью мимо трибунъ, сдержалъ запотѣвшую лошадь, и сейчасъ же жокей, наѣзжая на него огромнымъ мышастымъ жеребцомъ въ бинтахъ, сказалъ весело:

— Гудъ, черный дьяволъ, Дженни твоя какъ разъ потеряетъ четыре секунды, она нервна и отдаетъ всю силу на первой верстѣ. Магнатъ идетъ, какъ секундная стрѣлка.

И наѣздникъ отозвался сквозь зубы:

— Толбузинъ можетъ быть спокоенъ, Дженни оправдаетъ ему содержаніе. Во всякомъ случаѣ, она меньше его безпокоитъ и стоитъ дешевле, чѣмъ его дѣвченка.

Они легко, едва касаясь на рыси сѣдла, пошли назадъ, къ судейской будкѣ, къ бѣлой чертѣ старта. Поглядѣвъ на секундомѣръ на рукѣ, надвигая картузъ, наѣздникъ проѣхалъ черту, повернулъ—и съ вѣтромъ и стукомъ, съ остановившимся сердцемъ, радуясь вольной игрѣ, нагоняя мышастаго жеребца, ритмически выбрасывающаго забинтованныя ноги, лошадь понесла мимо трибунъ. Ослабляя тяжесть своего тѣла и кидая ее вслѣдъ за поводьями, съ стеклянѣющими глазами отъ слезъ, наѣздникъ не мѣшалъ ей въ этой легкой игрѣ, но, уже настигая кругъ жеребца, тяжко выбрасывающаго воздухъ, смирилъ вдругъ ее, сгибая шею, утишая ярость дыханья. Теперь за поворотомъ виденъ былъ дальній дымокъ уходящаго поѣзда, снѣжное поле и паркъ въ снѣгу и туманѣ. И минуты спустя, выкинувъ вдругъ лошадь круглымъ короткимъ взмахомъ локтей впередъ, обгоняя ревущаго отъ ярости и злобы жеребца и жокея, бьющаго его короткими быстрыми ударами, припавъ къ лошади, вдыхая ѣдкій запахъ кожи и конскаго пота, онъ миновалъ послѣднюю версту, легко, почти весело выигрывая побѣду.

Позднѣе, мокрый, съ отяжелѣвшими, какъ отъ выпитаго много вина, ногами, въ кофейномъ маслѣ пота, блестящаго на лбу и щекахъ, онъ вошелъ снова въ конюшню, отирая глаза, обожженные вѣтромъ. И жокей, съ длиннымъ мальчишескимъ безбровымъ лицомъ, скрестившій у входа голенастыя ноги, сказалъ ему съ обезьяньей гримасой:

— Морицъ желаетъ васъ видѣть, сэръ.

— Онъ плохъ, мальчишка?—спросилъ наѣздникъ быстро и тревожно, и пошелъ вслѣдъ за нимъ мимо денника и рабочей конюшни, гдѣ уставшія отъ работы лошади, въ лохмахъ спутанныхъ гривъ, съ жадностью и хрустомъ пожирали овесъ. Здѣсь крѣпче пахло навозомъ, и поздній приплодъ простолюдинокъ, шершавые жеребята, поминутно

просовывали къ матерямъ подъ брюхо, къ чернымъ короткимъ соскамъ, мягкія дѣтскія губы. Лошадь умирала въ боковомъ сарайчикѣ, въ дальнемъ углу, положивъ голову между переднихъ ногъ и короткимъ больнымъ дыханіемъ сдувая солому. Обвислые, больные ея глаза были человѣчески темны, словно храня послѣднюю усталую мысль. Услышавъ знакомые голоса, она попыталась поднять слабую голову, закативъ глаза, сбивая ногами подстилку.

— Лежи, Морицъ, спокойно,—сказалъ жокей смѣшливо. Ты славно пожилъ, красивыя польки смотрѣли на тебя въ Варшавѣ.

И стоя подлѣ, глядя на глаза, хранящіе человѣческій блескъ, наѣздникъ вспомнилъ вдругъ иное, зеленое поле ипподрома въ ровныхъ бѣлыхъ кругахъ, по которому на коричневой сухой лошадкѣ, дрожавшей такъ же, какъ сегодня дрожала Дженни, и теперь умиравшей, онъ проѣзжалъ мимо ревущихъ трибунъ,—и то, что семь лѣтъ съ тѣхъ поръ прошли мгновенно, въ смѣнѣ часовъ труда и знакомой тяжести отъ выпитаго вина, и между тѣмъ юношей, который звѣздной тропической ночью грустилъ на палубѣ португальскаго парохода, и имъ, теперешнимъ, лежитъ цѣлая жизнь. И онъ ощутилъ вдругъ давно незнаемое чувство томительнаго сердечнаго безпокойства.

— Гарри, — сказалъ онъ неувѣренно,—лошадь сегодня подохнетъ?

И жокей, дѣлая гримасу на длинномъ своемъ безбровомъ лицѣ, отвѣтилъ вдругъ весело:

— Подохнетъ, сэръ.

Въ парикмахерской, куда онъ вошелъ передъ вечеромъ, было тепло и тихо шипѣло пламя газовыхъ горѣлокъ. Посѣтители, покрытые простынями, иные въ чалмахъ, и парикмахеръ въ халатѣ, стригущій съ визгомъ ножницъ и съ потными пальцами, обрастающими шерстью, показались ему вдругъ неживыми, раннія сумерки и вечернія женщины, появившіяся уже на синихъ бульварахъ, напомнили ему другія сумерки теплаго и длиннаго дня, узкія улички, гдѣ стоя подлѣ китайскихъ домиковъ, маленькія скуластыя гейши, похожія на дѣвочекъ, зазывали въ нихъ пѣвуче и однообразно:—Comme in... Глядя въ створчатое зеркало на свое запрокинутое лицо въ бѣлой пѣнѣ, тающей съ тихимъ

шорохомъ, онъ почувствовалъ вдругъ, что усталъ и что если не лечь спать или не заполнить виномъ вечеръ, то можетъ стать вдругъ страшно въ этомъ городѣ, гдѣ какъ и во всѣхъ городахъ міра, безпокойство любви гонитъ толпы на вечернія улицы. И чувство той же сердечной тревоги наполнило его вдругъ смертельной пустотой.

— Господинъ Гудъ,—сказалъ парикмахеръ вкрадчиво, наклоняя веселое лицо,—я тоже немного играю на скачкахъ. На Дженни будетъ плохая выдача, вѣрный фаворитъ, хотѣлось бы сыграть на темную лошадку.

И онъ отвѣтилъ вдругъ съ давно незнаемымъ раздраженіемъ:

— Осторожнѣе, любезный, вы порѣжете мнѣ подбородокъ. Какое мнѣ дѣло до вашей игры.

Въ швейцарской, гдѣ татаринъ зашуркалъ по немъ вѣникомъ, онъ отвелъ его нетерпѣливо за плечо, раздраженно поправляя цилиндръ, ставшій вдругъ просторнымъ на стриженныхъ вискахъ. Улицы были еще сини, въ желтомъ блескѣ четырехугольныхъ витринъ. Куклы въ окнѣ, въ аломъ бархатѣ, въ бѣлыхъ парикахъ, глядѣли удивленнымъ стекляннымъ взоромъ. И вверхъ на гору, тяжко ревя запаленными легкими, словно пиля дрова, увозилъ вороной рысакъ съ ватнымъ кучеромъ парочку, лицо женщины въ сумракѣ показалось прекраснымъ, печальнымъ. Медленно, стукая кожанными калошами, онъ прошелъ переулокъ; за поворотомъ встрѣтились похороны, лицо покойницы съ острымъ носомъ и черными бровями бѣлѣло подъ кисеей, сзади ѣхала линейка. Въ освѣщенномъ окнѣ зоологическаго магазина порхали легко тропическія птицы, зеленыя канарейки и крохотные колибри, словно не было снѣга, зимы. Онъ перешелъ еще нѣсколько улицъ, безпокойныхъ въ вечерней сутолокѣ, миновалъ бульваръ, на деревья котораго съ бумажнымъ шумомъ садились вороны, и толкнулъ знакомую низкую дверь погребка, гдѣ за прилавкомъ съ козьимъ сыромъ и пузатыми бутылками дешеваго шампанскаго, для азіатскаго стиля въ коричневомъ бешметѣ, стоялъ пожилой веселый армянинъ. И въ тотъ же мигъ, прижимая къ груди его руку, взмахнувъ широкимъ рукавомъ бешмета, онъ крикнулъ восторженно наверхъ:

— Кабинетъ гостю, лучшій.

Сбросивъ на руки швейцара шубу, наѣздникъ сталъ подниматься наверхъ, гдѣ въ низкихъ зальцахъ, полныхъ чада и жидкаго свѣта, пахло лукомъ и жареной бараниной. Лакеи въ бумажныхъ манишкахъ, стоявшіе у стѣны, походили на пьяныхъ, и за восточными занавѣсками кабинетовъ, несмотря на ранній часъ, слышались голоса женщинъ. Лакей провелъ его въ крайній кабинетъ, завѣшанный коврами, гдѣ горѣлъ подъ окномъ болѣзненно и ярко фонарь бѣлымъ ацетилиновымъ свѣтомъ. И свѣтъ этотъ, въ дымномъ туманѣ котораго проносились за городъ рысаки, кислый запахъ ковровъ, тяжело лежащихъ по стѣнамъ пыльными тѣлами, и знакомая вязкая горечь во рту отъ выпитаго вина и острой восточной приправы наполнили его вдругъ пустотой, похожей на страхъ. Тяжело осѣдая на плоской тахтѣ съ жесткими большими подушками, заглушая табакомъ вяжущій вкусъ вина, похожаго на пастушье, онъ велѣлъ лакею, сонно торчавшему съ бѣлымъ крыломъ салфетки подмышкой, у занавѣски, за которой, постукивая каблуками, проходили женщины въ сосѣдніе кабинеты, позвать хозяина. И хозяинъ, восторженно закатывая томные черные глаза, не шедшіе къ чернобородому его мужественному лицу, неслышно ступая въ мягкихъ сапогахъ, пришелъ тотчасъ же, точно ждалъ приглашенія въ коридорѣ. Зажавъ трубочку въ темный крѣпкій кулачокъ, наѣздникъ смотрѣлъ впередъ невидящимъ обвислымъ взглядомъ. Хозяинъ, сѣвъ поодаль, положивъ руки на колѣни, сохраняя прежнее восторженное выраженіе глазъ, сказалъ, не оборачиваясь:

— Человѣкъ, принеси тринадцатый номеръ, надо все пробовать хорошему гостю. Гостю одному скучно, можно позвать зурну.

И минуту спустя, надувая щеки, закативъ бѣльмо единственнаго глаза, рябой грузинъ въ рваномъ бешметѣ загнусилъ овечьимъ глухимъ блеяніемъ. Глядя все такъ же впередъ, на пыльную линялую занавѣску, наѣздникъ сказалъ вдругъ раздраженно, махнувъ маленькой своей бѣлой ладонью.

— Суренъ, дай ему вина и прогони. Пусть уходитъ, дурацкая музыка. И грузинъ, поднося къ губамъ стаканъ мутнаго гранатоваго вина, изобразилъ на своемъ лицѣ такую блаженную и сонную умильность, какая бываетъ только у слѣпыхъ.

Надо много вина пить, разное вино,—сказалъ хозяинъ весело,—иначе человѣку становится скучно жить...

— А тебѣ не скучно жить, Суренъ?—спросилъ наѣздникъ, поворачивая къ нему отяжелѣвшій взглядъ.—Мнѣ тоже всегда были противны люди, которымъ скучно. А сегодня я поглядѣлъ въ глаза лошади и заскучалъ. Лошадь умретъ сегодня, Суренъ. Главный Морицъ, отецъ Пастушки и Рыжаго, и многихъ другихъ...

Хозяинъ, качая головой быстро зачмокалъ, бѣгая безпокойнымъ хозяйственнымъ вглядомъ по пятнамъ на коврѣ, оставшимся послѣ вчерашнихъ гостей.

— Лошадь умретъ спокойно,—сказалъ наѣздникъ снова,—она никому не сдѣлала зла и не имѣетъ враговъ, и въ этомъ году ей исполнилось ровно одиннадцать лѣтъ. И я тоже на одиннадцать лѣтъ сталъ старше, Суренъ. А доктора всѣ врутъ, что у меня отъ ѣзды широкое сердце, и однажды я могу кувыркнуться съ лошади. Ты боишься смерти, Суренъ?

— Ой, боюсь,—отозвался хозяинъ, дѣлая вдругъ плачущее лицо,—у меня дѣтки, и я хочу еще поторговать.

— Дѣтки,—проговорилъ наѣздникъ въ раздумьѣ,—всѣ женщины, которыхъ я зналъ, были бездѣтными, и это было бы совсѣмъ странно, если бы онѣ вдругъ получили ребенка. А съ одной въ Парижѣ я жилъ пять мѣсяцевъ.... потомъ она сдѣлала карьеру.

И, глядя мимо хозяина, слушающаго шумъ за занавѣской, онъ вспомнилъ, что женщину эту, тогда еще встрѣтилъ у Галлереи дождливымъ днемъ и взялъ съ собою подъ зонтикъ, и тамъ же, въ томъ же Парижѣ, въ сумеркахъ, когда синѣлъ городъ и луна, какъ сонная золотая пчела, вставала надъ Елисейскими полями, онъ глядѣлъ однажды на спящее лицо женщины, стоя близко подлѣ и испытывая вдругъ сладкую грусть и нѣкое забытое мечтанье, похожее на сладкую горечь мечтаній того темнаго юноши, который изъ порта въ портъ, черезъ весь великій морской путь, слѣдовалъ за своимъ хозяиномъ. И спящее лицо женщины, недавно горѣвшее въ страсти подъ его губами, было въ этотъ часъ спокойно и блѣдно, словно, испивъ всю чашу земныхъ смятеній. Тогда, въ тѣ сумерки, глядя на лицо любовницы, маленькой женщины, пошедшей къ нему изъ-за

каприза или сластолюбія, онъ искалъ въ ея чертахъ черты матери, которой никогда не зналъ и про которую разсказалъ ему однажды лейтенантъ Петровъ. И въ Парижѣ, три года спустя, модный побѣдитель, очередной любимецъ Парижа, перенявшій часть славы у боксера, раздавленнаго на подземной дорогѣ, совершая въ экипажѣ послѣобѣденную поѣздку за городъ, онъ встрѣтилъ ее, сдѣлавшую карьеру, съ волосами перекрашенными въ огненный цвѣтъ, уже любившую многихъ; и въ этотъ мигъ онъ не испыталъ горькой утраты, онъ зналъ цѣну деньгамъ и женщинамъ, и Парижъ былъ для него родиной, какъ былъ родиной и всякій другой городъ, который въ смѣнѣ веселыхъ дней радушно принималъ его, какъ славнаго гостя.

Поглядѣвъ на скучающаго хозяина, онъ сказалъ вдругъ:

— Можешь итти, Суренъ, надо позаботиться, чтобы всѣмъ гостямъ было весело. Это ничего, что одинъ дуракъ скучаетъ въ кабинетѣ.

Поднявшись съ трудомъ съ низкой тахты, онъ вышелъ изъ-за стола и всталъ посреди комнаты на отяжелѣвшихъ ногахъ.

— Лейтенантъ Петровъ училъ меня молитвѣ,—сказалъ онъ вдругъ и посмотрѣлъ на хозяина уже прояснившимся взглядомъ,—когда будетъ очень трудно... Я забылъ молитву: Приди и помилуй...

Хозяинъ, подхвативъ его за талію, ведя обратно къ тахтѣ, какъ драгоцѣнную тяжесть, сказалъ встревоженно:

— Молитву всегда помнить надо. Безъ молитвы нельзя жить.

И, опускаясь на тахту, слабѣя, онъ испыталъ внезапно горькое и смутное чувство радости оттого, что онъ не такъ уже безмѣрно одинокъ на этой землѣ, гдѣ ревѣла сырыми голосами поднявшаяся вдругъ метель, гдѣ-то на кладбищѣ Парижа спитъ тотъ, который училъ его забытой молитвѣ, и гдѣ-то въ этомъ или иномъ мірѣ есть женщина, которую онъ любилъ одинъ часъ. И если даже однажды наступитъ мигъ, когда придется взглянуть на свѣтъ больными глазами умирающей лошади, то можетъ быть этотъ мигъ будетъ страшенъ и радостенъ, какъ нѣкій часъ звѣздной бури, когда выходятъ изъ гордыни даже самыя скупыя сердца и въ смятеніи мечутся, охваченные тревогой и послѣдней любовью, по всѣмъ портамъ, куда заходилъ пароходъ и гдѣ была грусть или радость, одинаково оставшіяся на всю жизнь.

IV.

Конюхъ съ перешибленнымъ носомъ и сшитой верхней губой, торчащей грибомъ, злой отъ холода и прерваннаго сна, вошелъ въ конюшню, гдѣ въ свѣту желтаго фонаря въ сѣткѣ чудовищныя лошадиныя тѣни ломались на потолкѣ, вздымаясь выше. Неся на вытянутой рукѣ ведро, онъ толкнулъ ногой въ крайнемъ станкѣ жеребца и поднялъ ведро на колѣнѣ. Жеребецъ, съ храпомъ рванувшійся въ сторону, потянулъ воздухъ теплыми подвижными ноздрями, и принюхиваясь, вытягивая шею, осторожно омочивъ усатыя губы, сталъ пить, медленно, отрываясь, словно задумываясь, пока вода капля за каплей стекала съ его морды обратно въ ведро. И какъ только конюхъ собирался отнять ведро, онъ припадалъ снова, безпокойно косясь круглымъ синеватымъ глазомъ, въ которомъ горѣлъ отраженный желтый фонарь. Метель, сухо шумѣвшая снѣгомъ, иногда съ веселымъ свистомъ проносилась по пустырю. Конюшня, теряющаяся дальше въ тѣни, была полна шороховъ, стука подковъ о настилъ и вздоховъ — лошади не спали. И конюхъ, удивленный бодрствованіемъ въ этотъ предутренній часъ, объяснилъ это метелью. Пока, вытягивая шеи, принюхиваясь, лошади нехотя припадали къ ведру, онъ почти засыпалъ, съ слипающимися отъ жажды сна глазами. Ночь въ сыпучемъ снѣгѣ и вѣтрѣ шумѣла вверху, подлѣ оконъ въ синемъ жемчужномъ блескѣ. Перенося фонарь на длинномъ шнурѣ, вырывающій изъ тьмы стеклянные камни дикихъ глазъ, онъ напоилъ лошадей, вернулся къ пустому станку и легъ на попоны, засыпая на ходу. И сейчасъ же далеко и смутно изъ денника, гдѣ стояли скаковыя лошади, заржалъ жеребецъ. Каурая кобыла, стоявшая за стѣной въ жеребятникѣ, подъ которой, грѣя на брюхѣ голову, спалъ первенецъ, отвѣтила ему степенно и негромко. Козелъ, дремавшій въ углу на рогожѣ, вдругъ, поднялся, словно продолжая бодрствованіе, и пошелъ вдоль конюшни, тряся длинной еврейской бородой, бѣглымъ шагомъ, словно по надобности. Онъ дошелъ до конца конюшни, до дверей жеребятника, и толкнулъ тупымъ чернымъ рожкомъ дверь, втягивая сквоз-

нее теплый жеребячій запахъ и запахъ лошадинаго пота, пахнущаго прѣющей сыромятью. Но дверь была закрыта, только снизу сквозь щель кто-то въ отвѣтъ дыхнулъ вдругъ на него теплымъ короткимъ дыханіемъ. И козелъ, по слабости и теплотѣ его, понялъ, что это жеребенокъ, и пошелъ назадъ, тѣмъ же бѣглымъ шагомъ, покачивая головой, словно обдумывающій дѣло еврей. Ѣдкій терпкій духъ его сбившейся шерсти пугалъ сѣрыхъ проворныхъ мышей, съ легкимъ шорохомъ пробѣгавшихъ по соломѣ къ закрому, гдѣ щекотало ротъ мучнистымъ своимъ вкусомъ тяжелое овсяное зерно. Но зарывъ голову въ шерсти, затягивая бѣлыми пленками гусиные пустые глаза, козелъ не могъ уснуть, нѣкое безпокойство мучило и его такъ же; минуту спустя онъ всталъ и вновь пошелъ дѣловито вглубь конюшни. Тамъ тоже не спали, звякая цѣпями и храпя, безцѣльно сыпля на землю овесъ или хрустя колючимъ горькимъ стеблемъ. Дотягиваясь черезъ стѣнку, лошади чесали другъ другу крѣпкимъ зубомъ шею, отвѣчая иногда сдержанными низкими голосами на глухіе голоса матокъ, доносящіеся изъ-за дверей. Козелъ, тупо стоявшій у двери, потянулъ ноздрями прежнее теплое дыханіе, и сейчасъ же любопытный жеребенокъ по ту сторону дверей, вдругъ испугавшись темноты денника, черныхъ гигантскихъ тѣней, шевелящихся на потолкѣ, и того невидимаго, ѣдкій запахъ котораго онъ слышалъ сквозь щель, поскакалъ прочь, кинулся въ станокъ, хватая на ходу уже съ озорствомъ твердые теплые соски. Высосавъ теплую струйку сладкаго молока, онъ толкнулъ еще въ животъ губами подавшуюся мать и выскочилъ изъ станка снова, играючи самъ съ собою и ища поводъ для страха. Подойдя къ дверямъ снова, онъ потянулъ козлиный ѣдкій духъ, но козла уже не было; онъ дунулъ нѣсколько разъ въ щель, желая его подразнить, и отошелъ, не зная что предпринять. По смутному неровному дыханію онъ чувствовалъ, что кругомъ не спали, спали только самые слабые и глупые жеребята, которымъ всегда было холодно. Тогда онъ подошелъ къ станку, гдѣ подъ брюхомъ каурой кобылы спалъ первенецъ, хотѣлъ зайти, но сейчасъ же, повернувъ голову, кобыла толкнула его задомъ, и онъ отскочилъ, косясь. Такъ, изогнувъ голову съ жесткой блестящей щеточкой гривки, черный съ бѣлыми колѣнками и отмѣтиной на

лбу, блестя озорнымъ глазомъ, онъ постоялъ и пошелъ вдоль, задирая на ходу высовывающихъ изъ станковъ любопытныя морды жеребятъ. Тѣ, что были поробѣе, жались къ матерямъ, другіе мигомъ поворачивались задами, чтобы поудобнѣе нацѣлить задними ногами. Но, выхвативъ на ходу пучокъ соломы, съ соломинкой во рту, постукивая копытцами, онъ прошелъ въ дальній уголъ, въ тѣнь. Настрочивъ уши, прислушиваясь къ голосамъ метели, шумѣвшей за стѣной, глубоко потянувъ свѣжій запахъ мерзлой соломы, онъ вспомнилъ вдругъ, что днемъ, носясь по двору, онъ заглянулъ въ крайній сарайчикъ, гдѣ положивъ голову на солому, подъ попоной, подъ которой горой вздымалось ея распухшее тѣло, лошадь глядѣла мимо него скользящимъ темнымъ взглядомъ. И здѣсь, гдѣ съ безпокойствомъ шумѣли во тьмѣ лошади, косясь, хрипя, кидая гигантскія тѣни, бѣгущія по стѣнамъ, жеребенку сдѣлалось вдругъ страшно. Отставивъ короткій хвостъ, съ замирающимъ отъ страха сердцемъ, онъ легко перемахнулъ черезъ пустое ведро и поскакалъ съ короткимъ взволнованнымъ ржаньемъ, сунулся со-слѣпа въ чужой станокъ, гдѣ съ недовольнымъ храпомъ его больно ожгли хвостомъ по глазамъ, и, наконецъ, въ ужасѣ толкая мать, прижался къ ней всѣмъ тѣломъ, забиваясь дальше, къ материнскому брюху, пахнущему знакомыми запахами пота и молока. Кобыла привычно отдала назадъ ноги, выпячивая соски, которыя уже тревожно и щекотно искали дѣтскія губы. И когда часъ спустя изъ бѣговой конюшни протяжно заржалъ жеребецъ, она отозвалась, потянувъ воздухъ и чувствуя смерть, глухо и сдержанно, чтобы не напугать маленькаго.

Вл. Лидинъ.

1918-й г.

В. ИВАНОВЪ

I.

Тотъ въ правѣ говорить: «я жилъ»,—
Кто знаетъ милую могилу:
Онъ въ землю вѣрную вложилъ
Любви нерасточенной силу.

Не оскудѣетъ въ немъ печаль,
Зато и жизнь не оскудѣетъ;
И чѣмъ онъ дольше сиротѣетъ,
Тѣмъ видитъ явственнѣе даль.

Безсмертіе-ль, о томъ ни слова.
Но чувствуетъ его тоска,
Что рѣетъ къ родникамъ былого
Временъ возвратная рѣка.

1917.

II.

Ночь златокрылая. Тебѣ во-слѣдъ пытаетъ
Мой духъ упругость крылъ, но вскорѣ прилетаетъ
На край своей души, какъ голубь къ чашѣ водъ,
И видитъ: тотъ-же въ ней, далече, небосводъ
Переливается Голкондою жемчужинъ.
И не доклюнетъ онъ до дна, и — безоруженъ —
Тайноязычное слѣдитъ въ звѣздахъ и въ ней
Двоенье знаменій и перекликъ огней,
Какъ бы взаимный ладъ и нѣкій сговоръ женскій
Молчальницы — души съ Молчальницей вселенской.

1918.

ВѢРА ИНБЕРЪ

I.

Мои слова сегодня не крылаты:
Они, какъ пчелы осени, больны.
Какъ будто имъ предсказаны утраты,
Туманы, сны.

Но жало острое, какъ смертную занозу,
Вонзаетъ полумертвая пчела.
Открой мнѣ сердце, чтобы я, какъ въ розу,
Въ него вползла.

Его овѣетъ воздухомъ суровымъ,
Его исколетъ снѣгомъ, но за то
Я буду близко, и безкрылымъ словомъ
Его ужалю сладко, какъ никто.

II.

Я не чувствую тяжести жизненныхъ путъ,
И вся я странно легка.
Эти руки и губы скоро умрутъ.
Оттого такая тоска.

Какъ ребенка, смертъ унесетъ меня,
Напѣвая смѣясь, шутя.
Она мнѣ скажетъ:—Теперь ты моя,
Навѣки; мое дитя.

— Отпусти,—скажу я,—меня на часъ:
Мой другъ груститъ по утру.
Я поцѣлую его лишь разъ
И потомъ опять умру.

Но, держа меня, какъ легкій плодъ,
Надъ землей въ пустой вышинѣ,
Она отвѣтитъ:—Твой другъ придетъ
И онъ придетъ ко мнѣ.

АЛ. ТОЛСТОЙ

ДЕНЬ ПЕТРА

Въ темной и низкой комнатѣ былъ слышенъ храпъ, густой, трудный, съ присвистами и клокотаніемъ. Пахло табакомъ, виннымъ перегаромъ и жарко натопленной печью.

Внезапно храпѣвшій сталъ забирать ниже, хрипче и оборвалъ. Зачмокалъ губами, забормоталъ и начался кашель, табачный, перепойный. Откашлявшись плюнулъ. И на заскрипѣвшей кровати сѣлъ человѣкъ.

Въ едва забрезжившемъ утреннемъ свѣтѣ, сквозь длинное и узкое окошко, съ частымъ переплетомъ, можно было разсмотрѣть обрюзгшее, большое лицо въ колпакѣ, пряди темныхъ, сальныхъ волосъ и мятую рубаху, разстегнутую на груди.

Потирая полную грудь, сидящій зѣвнулъ, пошаривъ туфли, сунулъ въ нихъ ноги и обернулъ голову къ изразцовой далеко выдвинутой впередъ, огромной печи. На лежанкѣ ея ворочался, почесываясь во снѣ, солдатъ въ сюртукѣ, въ большихъ сапогахъ. Неспѣшно сидящій позвалъ густымъ басомъ:

— Мишка.

И солдата точно сдунуло съ лежанки. Не успѣвъ еще разлѣпить вѣки, онъ уже стоялъ передъ кроватью. Качнулся было, но дернувъ носомъ, вытянулся, выпятилъ грудь, подобралъ губы.

— Долго на рожу твою мнѣ смотрѣть, сукинъ сынъ,— тѣмъ же неспѣшнымъ баскомъ проговорилъ сидящій. Мишка сдѣлалъ полный оборотъ и, выбрасывая по фронтовому ноги, вышелъ. И сейчасъ же за дверью, сквозь которую проникъ на минуту желтый свѣтъ свѣчей, зашепталось нѣсколько голосовъ.

Сидящій натянулъ штаны, шерстяные, пахнущіе потомъ, чулки, кряхтя поднялся, застегнулъ на животѣ вязаный жилетъ красной шерсти, вздѣлъ въ рукава байковую коричневую куртку, швырнулъ колпакъ на постель, пригладилъ пальцами темные волосы, падающіе на лицо и пошелъ къ двери, ступая косолапо и тяжело.

Въ комнатѣ сосѣдней, болѣе высокой и просторной, съ дубовыми балками на потолкѣ, съ обшитыми свѣжимъ дубомъ стѣнами, съ небольшимъ и тяжелымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, свитками картъ, инструментами, отливами желѣза, чугуна, мѣди, засыпанномъ табакомъ и прожженномъ, съ глобусомъ и подзорной трубой въ углахъ, съ книгами, переплетенными въ телячью кожу и валяющимися повсюду,—на подоконникѣ, стульяхъ и полу, въ рабочемъ этомъ кабинетѣ царя Петра, гдѣ ярко пылала изразцовая печь, стояло семь человѣкъ. Одни въ военныхъ, зеленыхъ сюртукахъ, жмущихъ подмышками, другіе въ бархатныхъ камзолахъ. И сюртуки и камзолы, перяпливые, залитые виномъ, топорщились, сидѣли мѣшками. Огромные парики всклокочены, надѣты какъ шапки—криво, изъ-подъ черныхъ буклей торчали собственные волосы — рыжеватые, русые, славянскіе. Въ свѣтѣ сырого утра и наплывшихъ свѣтиленъ лица придворныхъ казались зеленоватыми, обрюзгшими, съ рѣзкими морщинами—слѣдами безсонныхъ ночей и водки.

Дверь распахнулась, вошелъ Петръ и передъ нимъ склонилось низко семь париковъ. Кивнувъ онъ сѣлъ у стола, рѣзко сдвинулъ въ сторону бумаги, опроставъ для руки мѣсто, забарабанилъ пальцами и на присутствующихъ уставились круглые его черные глаза, горѣвшіе безуміемъ.

Такова была его манера смотрѣть. Взглядъ впитывалъ, постигалъ, проникалъ пронзительно, могъ быть насмѣшливымъ, издѣвательскимъ, гнѣвнымъ. Упаси Богъ стоять передъ разгнѣваннымъ его взоромъ. Говорятъ курфюрстина Евгенія опрокинулась въ обморокъ, когда Петръ громко, всѣмъ на смущеніе, чавкая въ Берлинѣ за ужиномъ гусиный фаршъ, глянулъ внезапно и быстро ей въ зрачки. Но еще никто, никогда не видѣлъ взоръ его спокойнымъ и яснымъ, отражающимъ дно души: человѣческій взоръ. И народъ говорилъ промежъ себя, что Петръ — антихристъ,

не человѣкъ, народъ, хорошо помнившій въ Москвѣ его глаза.

Васька деньщикъ, дворянскій сынъ Сукинъ, принесъ на подносѣ водки, огурцовъ и хлѣбъ. Петръ принялъ заскорузлыми пальцами стаканъ, медленно выпилъ водку, вытеръ губы ладонью и сталъ грызть огурецъ.

Это былъ его завтракъ. Морщины на лбу разошлись и ротъ, красивый, но обезображенный постояннымъ усиліемъ сдержать гримасу, усмѣхнулся. Петръ сильно втянулъ воздухъ черезъ ноздри и сталъ набивать кануперъ въ почернѣвшую трубочку. Деньщикъ подалъ фитиль. Захрипѣвъ чубукомъ, Петръ сказалъ:

— Поди, разбуди, выпусти, — и подалъ ключикъ отъ шкафовъ, куда запирались на ночь остальные три деньщика. Шкафы эти устроены были недавно, послѣ того какъ обнаружилось, что, несмотря на угрозы и битье, деньщики удираютъ черезъ слуховое окошко къ дѣвкамъ сверху — фрейлинамъ.

Затѣмъ царь прищурился, сморщился и съ гримасой проговорилъ:

— Свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ, чай со вчерашняго дебоширства, да поминанія Ивашки Хмѣльницкаго—головой гораздо оглупѣлъ. Поди, поди. Послушаемъ, какъ ты врешь съ перепою.

Потянувъ со стола листы съ цифрами, онъ выпустилъ густой клубъ дыма въ длинное, перекошенное страхомъ, лицо свѣтлѣйшаго. Но улыбка обманула. Крупный потъ выступилъ на высокомъ, побагровѣвшемъ отъ гнѣва, лбу Петра. Присутствующіе опустили глаза. Не дышали. Господи пронеси!

— Селитры на сорокъ рублевъ, шесть алтынъ и двѣ деньги. Гдѣ селитра? — спрашивалъ Петръ. — Овесъ, по алтынѣ, четыре деньги, двѣнадцать тысячъ мѣръ. Гдѣ овесъ? Деньги здѣсь, а овесъ гдѣ?

— Во Псковѣ, на боярскомъ подворьи, въ куляхъ по сей день,—бормоталъ свѣтлѣйшій.

— Врешь.

Храни Никола кого-нибудь пошевельнуться. Голову Петра пригнуло къ плечу. Ротъ, щеку, даже глазъ перекосило. Князь, неосмотрительно, охраняя холеное свое лицо,

норовилъ повернуться спиной, хоть плечикомъ, но не успѣлъ: сорвавшись со стола огромный царскій кулакъ ударилъ ему въ ротъ, разбилъ губы, и изъ сладкихъ глазъ свѣтлѣйшаго брызнувшія слезы смѣшались съ кровью. Онъ дрожалъ, не вытираясь. И у всѣхъ отлегло отъ сердца; Толстой завертѣлъ даже табакерку въ костлявыхъ пальцахъ. Шаховской издалъ нѣкій звукъ губами. Грозу пронесло пустякомъ.

Такъ началось утро, обычный, будничный петербургскій денекъ.

А дѣла было много. Покончить съ воровскими счетами князя Меньшикова; написать въ Москву его величеству князу—кесарю Ромодановскому, чтобы гналъ изъ Орла, Тулы и Галича въ Петербургъ плотниковъ и дроворубовъ, понеже прибывшіе въ февралѣ людишки всѣ перемерли, а гнать паче всего молодыхъ, чтобы на животъ и ноги не ссылались, не мерли напрасно; да написать въ Лодійное Поле, что на недѣли самъ буду на верфи; да написать въ Варшаву Долгорукому, да въ Ревель купцу Якову Дилю, чтобы прислалъ полпива добраго дюжины три, да чесноку связку, да сала. Окончивъ занятія, письма, приказы, регламентъ—ѣхать надо на новую верфь, гдѣ строится двухпалубный линейный фрегатъ, побывать на пушечномъ заводѣ и на канатномъ, завернуть по пути къ сапожнику Матеусу, окрестить дочь, выпить чарку перцовой, закусивъ пирогомъ съ морковью, сунуть подъ подушку роженицѣ - кумѣ рубль серебромъ; избить до смерти дьяка - вора на соляной заставѣ, походить по постройкамъ на набережныхъ и на островѣ; въ двѣнадцать часовъ обѣдъ и сонъ до трехъ; отдохнувъ, ѣхать въ тайную канцелярію, гдѣ Толстой, Петръ Андреевичъ, Ушаковъ, да Писаревъ допытываютъ съ пристрастіемъ слово и дѣло государево. А вечеромъ ассамблея по царскому приказу, быть всѣмъ, скакать подъ музыку вольно, пить и курить табакъ, а будучи кто не явится — царскій гнѣвъ лютый.

Словомъ дѣла было много.

Сырой вѣтеръ гналъ сильный туманъ съ моря; шумѣлъ порѣдѣвшій ельникъ на Васильевскихъ болотахъ; гнулись высокія сосны, кое гдѣ еще торчавшія по городу; сдувало гнилую солому съ избъ и клѣтей, завывало въ холодныхъ печныхъ трубахъ, хлопало дверями: много въ то время пустѣло домовъ, потому, что народъ меръ до послѣдней степени отъ язвы, тумановъ и голода. Лихое, невеселое было житье въ Петербурхѣ.

Вздувшаяся рѣка била въ бревенчатыя набережныя; качались, трещали крутобокія барки; снѣгъ и косой дождь наплюхивалъ цѣлыя озера на площадяхъ и улицахъ, гдѣ для проѣзда брошены были поперекъ бревна, доски, чурбаны.

На черномъ пожарищѣ, выгорѣвшаго въ прошлый четвергъ гостинаго двора, что на Петербурхской, торчали четыре висѣлицы, и вѣтеръ раскачивалъ въ туманѣ четырехъ воровъ, повѣшенныхъ здѣсь на боязнь и великое страхованіе впредь. По берегамъ рѣки, вдоль Невской Перспективы, уже обсаженной съ обѣихъ сторонъ чахлыми деревцами, да вокругъ всей Троицкой площади стучали топоры, тянулись тачки съ пескомъ, телѣжки съ известью, булыжникомъ, кирпичами. Въ грязи, въ желтомъ туманѣ, на забиваемыхъ въ болотный илъ сваяхъ возникали каждый день все новые амбары, длинные бараки, гошпитали, частные дома переселяемыхъ бояръ. Понемногу все меньше становилось мазанныхъ, изъ ивняка и глины, избенокъ, гдѣ еще недавно жили Головинъ, Остерманъ, Шафировъ. Только проворный свѣтлѣйшій уже давно успѣлъ выкатить себѣ деревянныя палаты, съ башней, какъ у кирки, и присматривалъ мѣстечко для каменнаго дворца.

Многія тысячи народа, со всѣхъ концовъ Россіи, всѣ языки трудились день и ночь надъ постройкой города. Наводненія смывали работу, опустошалъ ее пожаръ, голодъ и язвы косили народъ, и снова тянулись по топкимъ дорогамъ, по лѣснымъ тропамъ партіи каменьщиковъ, дроворубовъ, бочкарей, кожемякъ. Иныхъ ковали въ желѣзо, чтобы не разбѣжались, иныхъ засѣкали на смерть у версто-

выхъ столбовъ, у тіунской избы: пощады не знали конвоиры-драгуны, бритые, какъ коты, въ заморскихъ зеленыхъ кафтанахъ,

Строился царскій городъ на краю земли, въ болотахъ, у самой нѣметчины. Кому онъ былъ нуженъ, для какой муки, еще новой, надо было обливаться потомъ и кровью, и гибнуть тысячами—народъ не зналъ. Но отъ податей, оброковъ, дорожныхъ и войсковыхъ повинностей стономъ стонала земля. А если кто и заикался отъ накипѣвшаго сердца:—„нынѣ де спрашиваютъ съ крестьянъ нашихъ подводы, а такъ мы отъ подводъ, отъ поборовъ и отъ податей раззорились, а нынѣ еще и сухарей спрашиваютъ; государь свою землю раззорилъ и выпустошилъ; только моимъ сухаремъ онъ, государь, подавится“,—тѣхъ, неосторожныхъ, заковавъ руки и ноги въ желѣзо, везли въ Тайную Канцелярію, или въ Преображенскій Приказъ, и, счастье было кому просто рубили голову: иныхъ терзали зубьями, или протыкали коломъ желѣзнымъ насквозь, или коптили живьемъ. Страшныя казни грозили всякому, кто хоть тайно, хоть наединѣ, или во хмѣлю задумался бы: къ добру ли ведетъ насъ царь, и не напрасны ли всѣ эти муки, не приведутъ ли они къ мукамъ злѣйшимъ, на многія сотни лѣтъ.

Но ни думать, ни даже чувствовать что-либо кромѣ покорности, было воспрещено. Такъ царь Петръ, сидя на пустошахъ и болотахъ, одной своей страшной волей укрѣплялъ государство, перестраивалъ землю. Епископъ или бояринъ, тяглый человѣкъ, школяръ или родства непомнящій бродяга слова не могъ сказать противъ этой воли: услышитъ чье-нибудь вострое ухо, добѣжитъ до приказной избы и крикнетъ за собой:—„слово и дѣло“. Повсюду сновали комиссары, фискалы, доносчики; летѣли съ грохотомъ по дорогамъ телѣги съ колодниками, робостью и ужасомъ охвачено было все государство.

Пустѣли города и села, разбѣгался народъ на Донъ, на Волгу, въ Брянскіе, Муромскіе, Пермскіе лѣса. Кого перехватывали драгуны, кого воры забивали дубинками на дорогахъ, кого рѣзали волки, драли медвѣди. Поростали бурьяномъ поля, дичало, пустѣло крестьянство, грабили воеводы и комиссары.

Да полно — хотѣлъ ли добра Россіи царь Петръ? Что

была Россія ему, хозяину, загорѣвшемуся досадой и ревностью: какъ это, дворъ его и скотъ, батраки и все хозяйство—хуже, глупѣе сосѣдскаго. О добрѣ ли думалъ хозяинъ, когда съ перекошеннымъ отъ гнѣва и нетерпѣнія лицомъ, прискакалъ изъ Голландіи въ Москву, въ старый, лѣнивый, православный городъ, съ колокольнымъ тихимъ звономъ, съ повалившимися заборами, съ калинами и дѣвками у воротъ, съ китайскими, индѣйскими, персидскими купцами, у кремлевской стѣны, съ коровами и драными попами на площадяхъ, съ премудрыми боярами, со стрѣлковой вольницей.

Развѣ милой была ему, родиной Россія? Съ любовью и скорбью пришелъ онъ? Налетѣлъ досадный, какъ ястребъ: ишь угодье какое досталось въ удѣлъ, не то, что у курфюрста бранденбургскаго, у голландскаго штатгальтера. Сейчасъ же въ этотъ же день, все перевернуть, перекроить, обстричь бороды, надѣть всѣмъ голландскій кафтанъ, поумнѣть, думать начать по иному. Чтобы духу не было противнаго русскаго.

И при маломъ сопротивленіи—лишь заикнулись только, что молъ не голландскіе мы, а русскіе, избыли, молъ, и хозарское иго и половецкое, и татарское, не разъ кровью и боками своими возстановляли родную землю, не можемъ голландцами быть, смилуйся.—Куда тутъ. Разъярилась царская душа на такую самобытность и полетѣли стрѣлецкія головы.

Днемъ и ночью, при свѣтѣ горящаго смолья, на брошенныхъ въ грязь бревнахъ, рубили головы. Самъ свѣтлѣйшій, тогда еще Алексашка, лихо, не кладя на земь человѣка, съ налету саблей смахивалъ голову, хвалился. Пили много въ тѣ дни крѣпкой водки, до черна настоенной на султанскомъ перцѣ. Самъ царь слѣзъ съ коня у Лубянскихъ воротъ, отпихнулъ палача, за волосы пригнулъ къ бревну стрѣлецкаго сотника, и съ такой силой ударилъ по его шеѣ, что топоръ, зазвенѣвъ, до половины ушелъ въ дерево. Выругался царь матерно, вскочилъ на коня, поскакалъ въ Кремль.

Спать не могли въ тѣ ночи. Пили, курили голландскія трубки. Помѣщику одному, Лаптеву, засунули концомъ во внутрь свѣчу, положили его на столъ, зажгли свѣчу, смѣялись гораздо много.

Въ нагольномъ полушубкѣ, въ оленьемъ надвинутомъ на уши колпакѣ, обмотавъ горло вязанымъ шарфомъ, Петръ влѣзъ на двухколесную таратайку, взялъ возжи, и затѣснивъ локтемъ рябого солдата, жавшагося сбочку, выѣхалъ со двора.

Смирный карій меринъ, привыкшій къ любой непогодѣ, не спѣша зачмокалъ копытами; скоро ѣхать было нельзя: таратайку сильно подбрасывало на бревенчатой, уже разъѣзженной, мостовой, валило въ рытвины, полныя грязи.

Сильный вѣтеръ дулъ въ лицо, гоня нескончаемыя, разорванныя въ клочья, облака. Солнце висѣло низко, и то заслонялось сѣрыми пеленами, то выплывало изъ нихъ, багровое, не свѣтлое, сѣверное, и клубился, клубился повсюду, на землѣ и межъ облаками, желтоватый, душный туманъ.

Вотъ такъ погода! Хороша погода! Морская, крѣпкая, сквознякъ. Съ удовольствіемъ, раздувая ноздри, вдыхалъ Петръ, соленый, сырой вѣтеръ, гнавшій гдѣ-то по морю торговыя, полныя товаровъ, суда, грозные линейные корабли, выдувавшій изо всѣхъ закоулковъ постылый духъ россійскій.

И пусть топоръ царя прорубалъ окно въ самыхъ костяхъ и мясѣ народномъ, пусть гибли въ великомъ сквознякѣ смирные мужики, не знавшіе даже зачѣмъ и кому нужна ихъ жизнь, пусть треснула сверху до низу вся самобытность—окно все же было прорублено и свѣжій вѣтеръ ворвался въ ветхіе терема, согналъ съ теплыхъ печурокъ заспанныхъ обывателей, и закопошились, поползли къ раздвинутымъ границамъ русскіе люди—дѣлать общее государственное дѣло.

Но все же случилось не то, чего хотѣлъ гордый Петръ; Россія не вошла, нарядная и сильная, въ семью великихъ державъ. А, подтянутая имъ за волосы, окровавленная и обезумѣвшая отъ ужаса и отчаянія, предстала новымъ родственникамъ въ жалкомъ и не равномъ видѣ—рабою. И, сколько бы ни гремѣли грозно русскія пушки, повелось, что рабской и униженной была передъ всѣмъ міромъ великая страна, раскинувшаяся отъ Вислы до китайской стѣны.

Черезъ Троицкую площадь шли Семеновцы съ мѣдными

киками на головахъ, въ промокшихъ кафтанахъ. Солдаты лихо мѣсили по грязи и разомъ взяли на караулъ, выкатывая глаза въ сторону государя. Чиновники, спѣшившіе по своимъ дѣламъ, пробираясь по настланнымъ вдоль лавокъ и домишекъ мосткамъ, низко снимали шляпы, и вѣтеръ трепалъ букли ихъ париковъ. Простой народъ, въ зипунахъ и овчинахъ, иные совсѣмъ босые, валились на колѣни прямо въ лужи, хотя и былъ приказъ: „пицъ передъ государемъ, идя по его, государевой надобности, не падать, а снять шляпу и, стоя, гдѣ остановился, быть въ пристойномъ видѣ, покуда онъ, государь, пройти не изволитъ“.

Одинъ только толстый булочникъ, ганноверецъ, въ полосатыхъ штанахъ, въ чистомъ фартукѣ, стоя у дверцы булочной, гдѣ на ставняхъ были нарисованы какіе-то смѣшные, носатые старички, весело усмѣхнулся и крикнулъ, махнувъ трубкой:

— Гутъ моргенъ, герръ Питеръ.

И Петръ, повернувъ къ нему багровое, круглое лицо, отвѣтилъ хрипло:

— Гутъ моргенъ, герръ Мюллеръ.

На набережной между бунтами досокъ, бревенъ и бочекъ съ известью толпились рабочіе. Туда же бѣжалъ въ большихъ сапогахъ, съ лоткомъ пирожковъ, мальчишка, покрытый рогожей. А съ того берега на веслахъ и парусѣ подходилъ полицейскій баркасъ, кренился, зарывался въ волны носомъ, и на носу его ругательски ругался оберъ-полицеймейстеръ. Все это обличало явный непорядокъ.

А непорядокъ былъ вотъ въ чемъ: посреди народа, въ страхѣ великомъ, обступившаго бочку съ известью, на бочкѣ стоялъ тощій, сутулый человѣкъ, безъ шапки. Волосы спутанные, какъ войлокъ, падали косицами на плечи; горбоносое, изможденное лицо было темно и въ глубокихъ морщинахъ; глаза провалились и горѣли люто; узкая бороденка металась по голой груди; ребра обтянутыя, собачьи, сквозили черезъ дыры подпоясаннаго лыкомъ армяка. Вытягивая руку въ древнемъ двуперстномъ знаменіи, онъ кричалъ пронзительно дурнымъ голосомъ:

— Православные, нынѣ привезли знаки на трехъ корабляхъ. А тѣ знаки, чѣмъ людей клеймить, и самъ государь по нихъ ѣздилъ, и привезены на Котлинъ островъ, но токмо

никому не кажутъ и за крѣпкимъ карауломъ содержатъ, и солдаты стоятъ при нихъ безсмѣнно...

— Вѣрно... вѣрно... — зароптала толпа,—сами слыхали... Клейма привезены... Вотъ такой же кричалъ намедни.

Сзади два усатыхъ сержанта уже принялись лаяться, расталкивать, гнать народъ. Иные отошли. Большинство тѣснѣе, какъ овцы, сдвинулось къ боченку... Рваный же человѣкъ растопырилъ руку и, суя въ нее пальцемъ, кричалъ:

— Вотъ здѣсь, между большимъ и среднимъ пальцемъ, царь будетъ пятнать, и станутъ въ него вѣровать. Слушайте, христіане, слушайте... Въ Москвѣ мясо всѣхъ ужъ заставили ѣсть въ Сырную недѣлю и въ Великій постъ. И на Соловки послали трехъ дьяковъ, чтобы монаховъ учить мясо ѣсть. И весь народъ мужеска и женска пола будетъ государь печатать, а у помѣщиковъ и у крестьянъ всякій хлѣбъ описывать, и каждому будутъ давать хлѣба самое малое число, а изъ остальнаго отписнаго хлѣба будутъ давать только тѣмъ людямъ, которые запечатаны, а на которыхъ печатей нѣтъ,—тѣмъ хлѣба давать не станутъ. Бойтесь этихъ печатей, православные. Бѣгите, скрывайтесь. Послѣднее время настаетъ. Антихристъ пришелъ. Антихристъ...

Крестясь, отплевываясь, пятились мужики. Иные побѣжали. Закликали бабы... Смяли мальчишку въ рогожѣ, опрокинули съ пирожками лотокъ. Человѣкъ двадцать солдатъ лупили палками по головамъ и спинамъ. Рваный слѣзъ съ бочки и пошелъ, наклонивъ голову. Передъ нимъ разступились, и онъ скрылся за бунтами лѣса.

Когда Петръ, широко шагая черезъ лужи, подошелъ къ мѣсту происшествія—солдаты уже разогнали рабочихъ, и только оберъ-полицмейстеръ Ивашинъ таскалъ за волосы вятскаго какого-то хилаго мужичка, послѣдняго, кто подвернулся подъ руку. Вятскій, растопыривъ руки и согнувшись, покорно вертѣлъ головой по всѣмъ направленіямъ, куда таскало его начальство; Ивашинъ-же съ ужасомъ косился на подходившаго царя: дѣло было не шуточное — бунтъ и его, полицмейстера недоглядка.

„Пропалъ, пропалъ, пришибетъ на мѣстѣ“, торопливо думалъ онъ, крутя за виски покорную голову.

— Что? Кто? Почему? — отрывисто дергая щекой, спросилъ Петръ, и самъ, схвативъ сзади за полушубокъ

вятскаго мужичка, приблизилъ его тощее, съ провалившимися щеками, смиренное готовое къ неминучей смерти лицо къ безумнымъ своимъ глазамъ. Приблизилъ, впился и проникъ, точно выпилъ всю его нехитрую мужицкую правду.

„Господи Іисусе“, — посинѣвшими губами пролепеталъ вятскій. Но Петръ уже отшвырнулъ его, сѣвшаго точно безъ костей въ грязь, и обратился къ Ивашину!

— Причину нарушенія работъ, господинъ оберъ-полицмейстеръ, извольте рапортовать.

Бритое рябое лицо Ивашина подернулось сѣрымъ налетомъ. Вытянувшись до послѣдней жилы, онъ отрапортовалъ:

— Пирожникъ пироги принесъ, народишко началъ хватать безобразно, началась драка и безобразіе, пирожника едва не задавили, пироги всѣ потоптали.

Совралъ, совралъ Ивашинъ и самъ потомъ много удивлялся, какъ онъ такъ ловко вывернулся изъ скверной исторіи, гораздо хорошо совралъ, глядя честно и прямо въ царскіе глаза. Петръ спросилъ спокойнѣе:

— Съ чѣмъ пироги?

— Съ грибами, ваше величество.

Придерживая шпагу, Ивашинъ живо присѣлъ и, поднявъ изъ грязи, подалъ царю пирожокъ. Петръ разломилъ, понюхалъ и бросилъ.

— А этотъ, ваше величество, — Ивашинъ сапогомъ пихнулъ вятскаго мужичка въ ноги, — всѣмъ имъ, ворамъ, зачинщикамъ, крикунъ и воръ.

— Батоговъ! — Петръ повернулся и зашагалъ косолапой, но стремительной поступью вдоль набережной къ работамъ. Ивашинъ рысью, придерживая треугольную шляпу и шпагу, поспѣвалъ за нимъ.

Вдоль топкаго берега, куда били, расползаясь, черноледяныя волны, копошилось до трехъ сотъ человѣческихъ фигуръ: орловцы и туляки въ войлочныхъ гречушникахъ, киргизы въ остроконечныхъ, какъ кибитки, шапкахъ, съ мѣховыми ушами, одѣтые въ оленьи кофты поморы, и сибиряки въ собачьихъ шубахъ, и иной бродячій людъ, кто обмотанный тряпками, кто просто прикрытъ рогожей.

— Оглядывайся... Оглядывайся.. Оглядывайся... — пошли негромкіе голоса по всему берегу. Не жалѣя ни

рукъ, ни спинъ, подгоняемые десятниками и, еще болѣе, зоркимъ взглядомъ царя, всѣ эти изнуренные, цынготные, покрытые лишаями и сыпью строители великаго города, „бодро и весело“, какъ сказано въ регламентѣ работъ, били въ сваи, рысью тащили бревна, съ грохотомъ сбрасывали ихъ, пилили, накатывали; человѣкъ пятьдесятъ, стоя по поясъ въ водѣ, обтесывали торцы. Ѣдко пахло мокрымъ деревомъ, дегтемъ и дымомъ отъ обжигаемыхъ свай.

Всѣ эти люди были, какъ гномы, какъ духи земли, вызваны изъ небытія, чтобы, не ропща и не уставая, строить стѣны, укрѣпленія, дворцы, овладѣвать разливомъ рѣкъ, ловить вѣтеръ въ широкіе паруса, бороться съ огнемъ.

Одного слова, движенія бровей было достаточно, чтобы поднять на сажень берегъ Невы, оковать его гранитомъ, ввинтить бронзовыя кольца, воздвигнуть вонъ тамъ, поправѣе трехъ ощипанныхъ елей, огромное зданіе съ каналами, арками, пушками у воротъ и высокимъ шпилемъ, на золотѣ котораго загорится сѣверное солнце.

Грызя ноготь, Петръ исподлобья посматривалъ на то мѣсто, гдѣ назначалось быть адмиралтейству. Тамъ, на низкомъ берегу стояли длинные бараки съ дегтемъ, пенькой, чугунными отливками; кругомъ строились лѣса, тянулись телѣжки по гребнямъ выкидываемой изъ каналовъ зеленоватой земли, и сколько еще нужно было гнѣва и нетерпѣнія, чтобы поднялся изъ болотъ и тумана дивный городъ!

А тутъ еще пирожки какіе-то помѣшали!..

— Эй, сколько было прогуляно съ этими твоими пирогами?—не оборачиваясь, быстро спросилъ Петръ, зная, что, какъ гномъ, въ ту же минуту передъ глазами появится тотъ, кого спрашиваютъ. Ивашинъ выскочилъ передъ царское лицо и отрапортовалъ:

— Не болѣе получаса, ваше величество.

— Послѣ работъ пороть черезъ десятаго.

Въ концѣ стройки Петръ свернулъ на мостки, сквозь доски которыхъ подъ его шагами зачмокала вода. Здѣсь онъ вынулъ часы, отколупнулъ чернымъ ногтемъ крышку — было ровно половина одиннадцатаго — и шагнулъ въ качавшійся и скрипѣвшій о свай одномачтовый ботъ.

Скуластый матросъ, въ короткой стеганой курткѣ и въ падающихъ изъ-подъ нея складками широкихъ коричневыхъ

штанахъ, весело взглянулъ на Петра Алексѣевича, сунулъ въ карманъ фарфоровую трубочку и, живо перебирая руками, поднялъ парусъ. Тотчасъ лодка, безсильно до этого качавшаяся, точно напрягла мускулы, накренилась, мачта заскрипѣвъ согнулась подъ крѣпкимъ вѣтромъ. Петръ снялъ руку съ поручни мостковъ, положилъ руль, и лодка скользнула, взлетѣла на гребень, и пошла черезъ Неву.

Петръ проговорилъ сквозь зубы:

— Вѣтерокъ, Степанъ, а?

Осклабясь матросъ прищурился на вѣтеръ, сплюнулъ.

— Былъ нордъ на разсвѣтѣ, ободняло—нишь на нордъ-вестъ повернулъ.

— Врешь, нордъ-вестъ-вестъ.

На это Степанъ усмѣхнулся, качнулъ головой, но не отвѣтилъ: хотя съ Петромъ Алексѣевичемъ были они и давнишними пріятелями-мореходами, все-таки много спорить съ нимъ не приходилось.

У строящагося адмиралтейства, гдѣ была уже вытянута сажень на полтораста высокая, изъ крѣпкихъ бревенъ, пахнущая смолой, набережная, Петръ выскочилъ изъ лодки и, все такъ-же, спѣша и на ходу махая руками, пошелъ къ пеньковымъ складамъ.

Матросы, чиновники, рабочіе и солдаты издалече заслышали косоланые и тяжелые шаги царя и, заслышавъ, низко нагнулись надъ бумагами и книгами, засуетились каждый у своихъ работъ.

Не яркое, какъ пузырь, солнце повисѣло полъ дня за еловой пусторослью и закатилось. Темно-красный свѣтъ разлился на все небо; какъ уголья пылали края свинцовыхъ тучъ, завалившихъ закатъ на тысячу верстъ, въ вышину поднялись оттуда клубы черно-краснаго тумана; багровая, какъ кровь, текла Нева; лужи на площади, колеи, слюдяныя окошки домиковъ и стволы сосенъ все отдавало багровымъ этимъ пылаціемъ, и не яркими, блѣдными казались, сыплющіе искрами, большіе костры, разложенные на мѣстахъ работъ.

Но вотъ яркой иголкой блеснула пушка на крѣпостномъ

валу, ударилъ и далеко покатился выстрѣлъ, затрещали барабаны, и длинныя партіи рабочихъ потянулись къ баракамъ.

У бревенчатыхъ этихъ, длинныхъ и низкихъ строеній, съ высокими крышами, дымились котлы, охраняемые солдатами; въ подходившей толпѣ, не смотря на строгій приказъ, вертѣлись сбитеньщики съ крѣпкимъ сбитнемъ, воры, офени, и лихіе люди, предлагавшіе поиграть въ зернь, въ кости, покурить табачку; гнусили калѣки и бродяжки; толокся всякій людишко, наровившій пограбить, поживиться, погрѣться. Давали, конечно, по шеямъ, да всѣмъ не надаешь— пропускали.

Во второмъ васильевскомъ баракѣ, такъ же, какъ и повсюду усталые и продрогшіе рабочіе обступили котелъ, просовывая каждый свою чашку усатому унтеру, говорившему поминутно:

— Легче, ребята, осаживай!

Получавшій порцію брелъ въ баракъ, садился на нары и ѣлъ, помалкивая: пищу де хаить нельзя — государева. Хлѣбъ покупали на свои деньги, говорили, что въ царскій подмѣшиваютъ нарочно конскій навозъ.

Съ двухъ концовъ горящія надъ нарами лучины едва освѣщали нары, тянущіяся въ три яруса, щелястыя, не тесаныя стѣны, и множества грязнаго тряпья, развѣшаннаго подъ потолкомъ на мочальныхъ веревкахъ. Набивъ брюхо, кряхтя и крестясь ползъ народъ на нары, наваливалъ на себя тулупы, рогожи, тряпье, и засыпалъ до утренняго барабана. У дверей всю ночь шагалъ солдатъ, въ киверѣ съ перевязью, съ большой алебардой, покашливалъ для страху и отъ времени вставлялъ новую лучину. Строго было заказано—не баловать, а пуще всего зря языкомъ не трепать, чтобы грѣха было меньше.

Но безъ грѣха не проживешь, и солдату можно дать копѣйку, чтобы не слушалъ, чего не надо, и въ баракъ пробирался лихой человѣкъ, Монтатонъ, не русскій, залѣзалъ подъ самую крышу и тамъ, разложивъ на платкѣ все свое хозяйство: склянку съ виномъ, зернь, табакъ и кости, начиналъ скрести ногтемъ—скрръ, скрръ, здѣсь, молъ дожидаемся.

И каждую ночь сползались къ нему Семенъ Заяцъ, да

Митрофанъ тоже Заяцъ, да Семенъ Куцый, да Антонъ изъ черкасъ, шепотомъ вели бесѣду, кидали кости, звенѣли копѣйками, и осторожно, чтобы не было великаго шуму, заѣзжали за плутовство въ ухо Монтатону, проводили время.

Да и не все ли было равно—ну, застанутъ и, засѣкутъ: на царевой работѣ никто еще больше трехъ лѣтъ не вытягивалъ. Такъ было и сегодня. Собралась кумпанія, запалили огарочекъ сальный, достали зернь, начали рѣзаться. Солдатъ шагалъ у лучины, зѣвалъ отъ скуки. Вдругъ слышитъ гдѣ-то внизу на нарахъ шопотъ:

— Отецъ Варлаамъ, а какъ же онъ насъ печатать станетъ?

— Промежъ середняго и большого пальца, тебѣ говорятъ, дура.

— Постой ты — подъ руку. Отецъ Варлаамъ, вѣрно это?

— Вѣрно, — отвѣчалъ давешній вопленный голосъ, — клейма тѣ желѣзныя, раскалятъ и приложатъ, и на нихъ крестъ, только не нашъ, не христіанскій.

— Господи, что же дѣлать то? А если я не дамся?

— А допрежъ зельемъ будутъ опаивать, табакомъ окуривать, для прелести скакать въ машкерахъ кругъ тебя, и на бочкахъ ѣздить, и бабъ безъ одежи будутъ казать, а тѣ бабы брюхатыя, кто змѣемъ, кто лягушкой.

— Вѣрно, вѣрно, ребята, на прошлую масляницу самъ видѣлъ — на бочкахъ ѣздили и бабы скакали.

— А что же я вамъ говорю.

Солдатъ видя, что не монтатонова эта кумпанія подаетъ голосъ, и разговоръ идетъ самый воровской, подошелъ, опустилъ алебарду и сказалъ, заглянувъ подъ темныя нары:

— Эй, кто тамъ бормочетъ, черти. Не спите.

Голоса затихли сразу; кто то ноги босыя поджалъ. Солдатъ постоялъ, нюхнулъ табачку и сказалъ еще:

— Сволочи, спать другимъ не даете. Развѣ не знаете государя нашего приказъ строгій: въ рабочихъ помѣщеніяхъ не разговаривать, только для ради пищу попросить, али иглу, али соли. Нынѣ строго.

И только онъ приноровился запустить вторую закладку табачную подъ усы въ обѣ ноздри, какъ вопленный голосъ закричалъ на все темное помѣщеніе:

— Врешь. Государя нашего у нѣмцевъ подмѣнили, а

этотъ не государь, давеча самъ видѣлъ — у него лица нѣтъ, а лицо у него не человѣческое, и онъ голову дергаетъ и глазами вертитъ, и его земля не держитъ, гнется. Бѣда, бѣда всей землѣ русской. Обманули насъ, православные...

Но тутъ солдатъ, бросивъ рожокъ съ табакомъ и алебарду, закричалъ „караулъ“ и побѣжалъ къ выходу, расталкивая лѣзущій внизъ съ наръ перепуганный народъ. Зашумѣли голоса. Визгнула баба гдѣ то подъ рогожей, другая, выскочивъ къ лучинѣ, забилась, заквакала. „Бейте его!“ кричали они. „Да кого бить то?“ „Давютъ, батюшки!“. Монтатонъ, побросавъ свой струментъ, ужомъ лѣзъ къ выходу; поймали его, вырвали полъ головы волосъ.

И ввалился, наконецъ, караулъ съ факелами и оружіемъ на голо. Все стихло. Рослый, крѣпколицый офицеръ, оглядывая мужиковъ, съ всклокоченными волосами, съ разинутыми ртами, двинулъ треугольную шляпу на лобъ и, полуобернувшись къ командѣ, приказалъ четко и рѣзко:

— Арестовать всѣхъ. Въ тайную канцелярію.

Тайная канцелярія занимала довольно большую площадь, огороженную высокимъ частоколомъ. Главный корпусъ построенъ изъ кирпича, а всѣ пристройки—тюрьмы, клѣти, казематы, казармы—бревенчатыя, и все время пристраивались, такъ какъ не хватало мѣста для привозимыхъ отовсюду государственныхъ преступниковъ.

Въ главномъ корпусѣ, низкомъ, красномъ зданіи, крытомъ черепицей, съ толстыми стѣнами и небольшими, высоко отъ земли рѣшетчатыми окошками, помѣщались: прямо низкая комната съ дубовыми, вдоль стѣнъ, лавками для дожидающихся подъ карауломъ, направо комната дьяковъ, налѣво кабинетъ начальника тайной канцеляріи, и оттуда кованая желѣзомъ дверь вела въ застѣнокъ, сводчатое помѣщеніе съ коридорами и камерами. Сзади во дворикѣ валялись—разный инструментъ, нужный и ненужный: рогожи, связки прутьевъ, ржавыя кандалы, кожи, гробы, и стояли „спицы“, самое страшное орудіе пытки, рѣдко примѣняемое.

Всѣ комнаты были оштукатуренныя и уже грязныя отъ пятенъ сырости, прикосновеніе рукъ и спинъ. Вездѣ камен-

мый, захоженный грязью, полъ, простые дубовые столы и табуреты.

Мѣсто было суровое, только въ кабинетѣ начальника день и ночь пылалъ каминъ, потому что Толстой былъ зябокъ, и часто, чиня допросъ, придвигалъ стулъ къ огню и закрывалъ глаза, слушая, какъ путается обвиняемый, да дьякъ скрипитъ гуснымъ перомъ.

Въ восемь часовъ бухнула наружная дверь, и въ комнату, гдѣ у стѣнъ сидѣли вперемежку колодники и солдаты, вошелъ Петръ; прищурился на то мѣсто, гдѣ въ густыхъ испареніяхъ плавалъ свѣтъ сальнаго огарка, неясно освѣщая лысину нагнувшагося надъ бумагой дьяка и блѣдныя лица вскочившихъ въ испугѣ колодниковъ, приложилъ пальцы къ ноздрямъ, шумно высморкался, вытеръ носъ полою мокраго полушубка и, нагнувшись, шагнулъ въ кабинетъ предсѣдателя,

— Ну, ну, сиди,—проворчалъ царь въ сторону Толстого и, сѣвъ передъ каминомъ, протянулъ къ огню красныя въ жилахъ руки и огромныя подошвы сапогъ,—нарвивый народъ не умѣютъ простой штуки—стропила связать, дурачье,—продолжалъ онъ, явно желая похвастаться,—Шафировъ инженера выписалъ себѣ изъ Риги, хваступа и глупецъ къ тому же. Я на крышу влѣзъ и показалъ ему, какъ вяжутъ стропила. Запищалъ инженерикъ: „дасъ истъ унмеглихъ, герръ готъ“. А я сгребъ его подъ парикомъ за виски: это, говорю, меглихъ, это тебѣ меглихъ...

Ухмыляясь онъ вынулъ короткую, изгрызенную трубочку, пальцами схватилъ уголекъ изъ очага, покидалъ его на ладони и сунулъ въ трубку. Толстой сказалъ:

— Ваше величество, дѣло пономаря Гультяева, что въ прошедшемъ мѣсяцѣ у Троицы на колокольнѣ кикимору видѣлъ и говорилъ: „Питербурху быть пусту“, разобрано, свидѣтели всѣ допрошены, остается вашему величеству резолюцію положить.

— Знаю, помню, — отвѣтилъ Петръ,—пуская клубъ дыма,—Гультяева, глупыхъ чтобы словъ не болталъ, бить кнутомъ и на каторгу на годъ.

— Слушаю, — нагнувшись надъ бумагами, проговорилъ Толстой,—а свидѣтели?

— Свидѣтели, Петръ широко зѣвнулъ, погрѣвшись у

огня,—выдай имъ пачпорта, отошли по жительству подъ росписку. Въ это время стукнули въ дверь. Толстой строго посмотрѣлъ черезъ очки и сказалъ, поджавъ губы:

— Войти.

Появился давешній крѣпколицый офицеръ; выкативъ грудь, держа руку у шпаги, другую у мокрой треуголки, отрапортовалъ, что по государеву слову и дѣлу арестовано имъ 98 человѣкъ мужска и женска пола, приведено за частоколъ, прошу де дальнѣйшихъ распоряженій.

Толстой, прищурясь, пожевалъ губами, большой лобъ его, высоко поднятый буклями парика, покрылся морщинами,

— На кого же ты слово государево говоришь? На кого именно?—спросилъ онъ,—на всѣхъ девяносто восемь человѣкъ говоришь, такъ ли я понимаю? Что? Не слышу, туговатъ на ухо.

Рука офицера задрожала у шляпы, онъ молчалъ, стоя статуей. Царь, вытянувъ ноги, глядѣлъ круглыми глазами въ огонь, время отъ времени туда сплевывая. На цыпочкахъ вошелъ приказный дьякъ, поклонился царскому креслу и сейчасъ же, присѣвъ у своего столика, записалъ, водя бородой по бумагѣ. Толстой, выйдя на середину комнаты, съ наслажденіемъ нюхалъ изъ золотой табакерки, склонилъ къ плечу хитрое, лѣнивое лицо, оглядывая оторопѣлаго офицера и сказалъ въ носъ:

— Большое дѣло ты затѣялъ: 98 человѣкъ обвиняешь, а со свидѣтелями и вся тысяча набереться. Добрый полкъ. Сколько же я кожъ бычьихъ на кнуты изведу? Сколько бумаги исписать придется? И, Боже мой, вотъ задалъ работу.

Что же ты молчишь, другъ мой, али испужался?

И при этомъ съ улыбкой покосился на царя и захихикалъ, отряхивая тонкими пальцами съ кафтана табакъ. Офицеръ срывающимся, взволнованнымъ голосомъ пробормоталъ:

— Ваше превосходительство, въ баракѣ второмъ васильевскомъ поносныя слова на государя говорены, и говорилъ ихъ воръ и бродяга Варлаамъ съ товарищи...

И, не кончивъ, дрогнулъ и попятился офицеръ: съ такой силой отпихнулъ Петръ тяжелое кресло отъ огня и, поднявшись во весь ростъ, засопѣлъ, багровый и искаженный, сыпля горящій пепелъ изъ трубки.

Измѣнился въ лицѣ и Толстой, точно весь высохъ въ минуту, заговорилъ торопливо:

— Веди его, веди одного пока, да не сюда, а прямо въ застѣнокъ. Товарищей препроводить въ казарму, держать подъ карауломъ крѣпко... Головой отвѣчаешь,—пронзительно крикнулъ онъ, подскакивая къ офицеру, который, сдѣлавъ полный оборотъ, быстро вышелъ.

Петръ растегнулъ мѣдный крючекъ полушубка на шеѣ и сказалъ, криво усмѣхаясь:

— Говорилъ я вамъ, ваше превосходительство, — Варлаамъ въ Питербурхѣ, вы не вѣрили.

— Ваше Величество...

— Молчи. Дуракъ. Смотри, Толстой, какъ бы и твоя голова не слетѣла.

Петръ съ силой толкнулъ желѣзную дверь и, нагибаясь, пошелъ по узкому проходу въ правежную. Толстой же, постоялъ минуту въ неподвижности, затѣмъ, поднеся холодную, сухунькую ладонь ко лбу, потеръ его и, уже торопливо, захвативъ подмышки бумаги и сѣменя, вышелъ вслѣдъ за государемъ.

Такъ началось огромное и страшное дѣло о проповѣдникѣ антихриста, занявшее много мѣсяцевъ, и много людей сложило головы на немъ, и молва объ этомъ дѣлѣ далеко прокатилась по Россіи.

Варлаамъ уже сорокъ минутъ висѣлъ на дыбѣ. Вывернутыя въ лопаткахъ, связанныя надъ головою, руки его были подтянуты къ перекладинѣ ремнемъ; голова опущена, спутанныя пряди закрывали все лицо, мѣшались съ длинной бородой; обнаженное съ выдающимися ребрами, вытянутое и грязное тѣло его было въ пятнахъ копоти, и съ боку стекалъ сгустокъ крови: Варлааму только что дали тридцать пять ударовъ кнутомъ, а спереди попалили вѣниками. Грязныя ноги его, съ поджатыми судорожно пальцами, были охвачены хомутомъ и привязаны къ бревну, на которомъ, вытягивая все его тѣло, стоялъ дюжій мужикъ, въ короткомъ тулупчикѣ—палачъ.

Напротивъ у стола, при двухъ свѣчахъ, озаряющихъ кирпичные своды, сидѣли Петръ, развалясь и закинувъ го-

лову, съ надутой жилами шеей, посрединѣ Толстой, и направо отъ него—огромный, похожій краснымъ лицомъ на льва, угрюмый человѣкъ—Ушаковъ; онъ былъ безъ парика, въ лисьей шапкѣ и бархатной, съ косматымъ воротникомъ, шубѣ.

— Не снять ли его, кабы не кончился,—проговорилъ Толстой, просматривая только что записанное показаніе. Ушаковъ, глядя неподвижно на висящаго и свистя заложеннымъ отъ табаку и простуды горломъ, сказалъ:

— Дать водки, очухается.

Толстой поднялъ глаза на царя. Петръ кивнулъ. Палачъ шопотомъ сказалъ въ темноту за столбы:

— Васъ, Васъ, по правѣ, въ уголышкѣ, тамъ склянка.

Изъ темноты вышелъ круглолицый, съ женственнымъ ртомъ, кудрявый парень, бережно неся четырехгранную склянку съ водкой. Вдвоемъ они запрокинули голову висящему, покопошились и отошли. Варлаамъ застоналъ не громко, почмокалъ, затѣмъ закрутилъ головой, и на Петра опять, какъ и давеча, уставились черные глаза его, блестѣвшіе сквозь пряди волосъ. Толстой вслухъ сталъ читать запись дознанія. Вдругъ Варлаамъ проговорилъ слабымъ, но яснымъ голосомъ:

— Бейте и мучайте меня, за Господа нашего Іисуса Христа готовъ отвѣчать передъ мучителями...

— Ну, ну,—цыкнулъ было Ушаковъ, но Петръ схватилъ его за руку, и нагнулся на стулѣ, вслушиваясь.

— Отвѣчаю за весь народъ православный. Царь, и лютѣе тебя цари были, не убоюсь лютости.—Съ передышками, какъ читая трудную книгу, продолжалъ Варлаамъ.—Тѣло мое возьмешь, а я уйду отъ тебя, царь. На лапахъ на четырехъ заставишь ходить, въ ротъ мнѣ удила вложишь, и языкъ мой отнимешь, и землю мою не моей землей назовешь, а я уйду отъ тебя. Высоко сидишь, и корона твоя, какъ солнце, и не прельстишь. Я знаю тебя. Вѣкъ твой не долгій. Корону твою сорву, и вся прелесть твоя объявится дымомъ смраднымъ. Вижу тебя. Гляжу во имя Отца и Сына и Духа.

Петръ проговорилъ, разлѣпивъ губы:

— Товарищей, товарищей назови.

— Нѣтъ у меня товарищей ни подсобниковъ, токмо вся Рассея товарищи мои.

Страшно перекосило ротъ у царя, запрыгала щека и голову пригнуло; съ шумнымъ дыханіемъ, стиснувъ зубы, онъ сдерживалъ и поборолъ судорогу. Ушаковъ и Толстой не шевелились въ креслахъ. Палачъ всей силой навалился на бревно и Варлаамъ закинулъ голову. Слышно было, какъ трещали свѣчи. Петръ поднялся, наконецъ, подошелъ къ висящему, и долго стоялъ передъ нимъ, точно въ раздумьи.

— Варлаамъ,—проговорилъ онъ, и всѣ вздрогнули. Парень съ женскимъ ртомъ, вытянувъ шею, глядѣлъ изъ-за столба нѣжными голубыми глазами на царя.—Варлаамъ,—повторилъ Петръ. Висящій не шевелился. Царь положилъ ладонь ему на грудь у сердца:

— Снять, — сказалъ онъ, — ввернуть руки. На завтра приготовить спицы.

У свѣтлѣйшаго въ только что сдѣланной пріемной залѣ, съ еще волглыми стѣнами, высокими, не виданными окнами, при свѣтѣ двухсотъ свѣчей, танцовали гросъ-фатеръ. Четыре музыканта — скрипка, флейта, фонфара и контръбасъ — дудѣли и пилили на своихъ инструментахъ, обливаясь потомъ.

Бояринн и бояришни, хотя и въ нѣмецкихъ, но по русскому тяжелыхъ — до пуда вѣсомъ — платьяхъ безъ украшеній — драгоцѣнности въ то время были запрещены — но нарумяненныя, какъ яблоки, и съ густо насурмленными въ одну линію черными бровями, неловко держась за своихъ кавалеровъ, скакали и высоко подпрыгивали по вощеному полу, въ общемъ кругу танцующихъ.

Посрединѣ круга стоялъ герой модъ и кутежей — Францъ Лефортъ, де ботанъ французскій. Бритое, тонкое лицо его, съ пьяными глазами, было обрамлено огромнымъ рыжимъ парикомъ, букли его доходили почти до пояса. Золотой кафтанъ горой поднимался на бедрахъ. Помахивая рукой, съ падающими на обшлагъ кружевами, онъ напѣвалъ въ тактъ, топалъ краснымъ башмачкомъ.

Мимо него проносились, подпрыгивая, и перепуганный, потный прапорщикъ гвардіи, съ дворянскими мясами, натуго

перетянутыми суконнымъ сюртукомъ, и долговязый, презрительный остзеецъ, съ рыбьимъ взоромъ, впалой грудью и въ огромныхъ ботфортахъ, и пьяный съ утра наглый государевъ деньщикъ, и бояринъ древняго рода, не знающій хорошо — гдѣ онъ: въ пьяномъ кружалѣ, въ аду или только дурной это сонъ...

Струи дыма ползли въ залу изъ низкой комнаты, гдѣ за длинными столами играли въ шахматы, курили трубки, пили вино и хлопали другъ друга по дюжимъ спинамъ птенцы Петровы.

И повсюду межъ танцующими и пьяными похаживалъ съ козлиною бородкой сухонькій человѣкъ, одѣтый въ дьяконскій парчевый стихарь и съ картонной, золотой митрой на лысой головѣ — князь Шаховской, ума не малаго и читатель книгъ, токмо самый злой сосудъ и пьяный, второй архидьяконъ всепьянѣйшаго собора и царскій шутъ.

Веселье было великое. Музыка и взрывы смѣха и топотъ ногъ по вощеному полу. Въ залу вошелъ Петръ. Онъ былъ головою выше всѣхъ. Короткимъ кивкомъ отвѣчая на низкіе поклоны, прямо прошелъ къ столамъ, сѣлъ съ краю и на парчевую скатерть положилъ стиснутые, грязные кулаки. Лицо его было блѣдно и презрительно, волосы прилипли ко лбу.

Косясь на царя гости продолжали веселиться, чтобы не нажить пущей бѣды. Одинъ Шаховской смѣло подошелъ къ нему со спины и, выпятивъ губу, проговорилъ гнусаво:

— Ну, какъ братъ, Пахомъ-Пихай, что пить то будемъ?

Вздрогнулъ Петръ, оскалясь быстро обернулся и уже съ лѣнивой, дѣланной усмѣшкой сказалъ:

— Тройной перцовой, ваше святѣйшество.

Не шутка, варево адское была тройная перцовая, человѣка валила въ пятнадцать минутъ, будь онъ хоть каменный, и его святѣйшество сразу понялъ, что не для шутки потребовалъ Петръ этого зелья, а со зла. И, понявъ, немедля опредѣлилъ и свое поведеніе: подобралъ высоко стихарь, на затылокъ сдвинулъ митру и побѣжалъ по гостямъ, крича въ лицо каждому:

— Слюньи распустилъ, венгерское попиваешь? Самъ за себя, противникъ — чортъ боишься. Сычъ, сычъ, насупился, о чемъ думаешь, а я не знаю. А можетъ ты Хмѣльницкимъ гнушаешься, въ соборъ къ намъ ходить не хочешь, отъ питья морду воротишь. А можетъ у тебя противныя мысли.

И, отскочивъ, тыкалъ распухшимъ въ суставахъ, старческимъ пальцемъ въ поблѣднѣвшее отъ такихъ намековъ лицо придворнаго, и смѣялся визгливо, и бѣжалъ къ другимъ, присѣдая, кривляясь, и пѣтъ—пѣтъ да закидывая глазокъ въ сторону государя.

Передъ царемъ поставили жбанъ, полный бураго зелья. Свѣтлѣйшій, съ припухшимъ ртомъ, но улыбающійся сладко, надушенный, въ кружевахъ, въ шелковомъ парикѣ, обсыпанномъ золотыми блестками, наливалъ тройную перцовую въ чарки, изрядной вмѣстимости и посылалъ гостямъ, спѣшившимъ, хоть притворно да поскорѣе, освинѣть во хмѣлю на потѣху государю.

Петръ, щурясь сквозь табачный дымъ, загребалъ пальцами съ блюда то, что ему подкладывали, громко жевалъ, суя въ ротъ большіе куски хлѣба и въ промежутки глоталъ водку, съ трудомъ насыщаясь и съ большимъ еще трудомъ хмѣлѣя. Ѣсть онъ могъ много, всегда, было бы что подъ рукой.

Гости ожидали, когда царь, откушавъ, начнетъ шутить, что бывало иной разъ покрѣпче перцовой. Но красное его, съ толстыми, круглыми щеками, лицо не прояснялось. Онъ уже отсунулъ блюдо и, положивъ локти на столъ, грызъ янтарный чубукъ—попрежнему выпуклые глаза царя были точно стеклянные, не видящіе. И страхъ сталъ одолѣвать гостей: ужъ не прискакалъ ли курьеръ изъ Варшавы съ недобрыми вѣстями? Или въ Москвѣ опять неспокойно? Или кто-нибудь здѣсь изъ сидящихъ провинился?

Вынувъ изо рта чубукъ, Петръ сплюнулъ подъ столъ и, проговорилъ, морщась отъ подперевшей отдышки:

— Ну-ка, архидьяконъ, подь сюда.

Князь Шаховской, надувшись индюкомъ, отставляя посохъ, приблизился:

— Во имя отца моего, Бахуса и Венерки, шленды, дѣвки греческой, вопіющій ко мнѣ насытится и зовущій

меня упьется,—загнусилъ онъ, закрывая голые, желтоватые глаза.

— Я съ тобой не шучу,—перебилъ Петръ, и внезапно вздулась жила у него поперекъ лба, остеклянѣвшими глазами онъ оглядѣлъ гостей, чуть подольше задержавшись на столѣ, гдѣ сидѣли прусскіе офицеры.—Я тебя въ шуты не нанималъ, самъ просился.— Онъ фыркнулъ носомъ и сталъ совать палецъ въ трубку.— Что-то черезчуръ стараешься. Перестарался, перестарался. Вотъ что. Боюсь про насъ съ тобой говорить станутъ лишнее. Скажутъ, пожалуй—царскій шутъ...—онъ не докончилъ, какъ часто бывало, свою мысль и забрызгалъ слюной, сдерживая гримасу.—Боюсь твоимъ стараньемъ, да, да... стараньемъ черезмѣрнымъ, какъ бы на меня твой колпакъ не надѣли бы, часомъ... Съ рогами... Собираются... Знаю... Вѣдь говорятъ, говорятъ, слышалъ небось... Бѣгалъ самъ, небось, слушать съ товарищами... Колпакъ, небось, пригожѣе мнѣ, чѣмъ корона...—И опять, какъ филинъ, повернулъ голову направо, налѣво, пронзительно всматриваясь. Его несвязныя, пьяныя слова, темный ихъ смыслъ усугубили страхъ между гостями. Похоже было на то, что царь опять напалъ на какой-то заговоръ, и каждый испуганно оглянулся, отодвинулся отъ пріятеля. Меньше другихъ смутились свѣтлѣйшій, привыкшій ко всячинѣ, да Шаховской. Его притворно пьяные, теперь умные—щелками, глаза напряженно слѣдили за каждымъ изъ порывистыхъ движеній царя. Онъ понималъ, какія тайныя мысли жгли государя, и внезапно, пододвинувшись, сказалъ съ растяжкой, по-мужицки:

— Брось, Пахомъ, вотъ осерчалъ изъ-за какой дряни. На, возьми, не жалко,—и съ громкимъ, слезливымъ вздохомъ снялъ съ себя митру и подалъ царю.

Петръ усмѣхнулся дико, и вдругъ съ короткимъ, какъ кашель, хохотомъ надвинулъ на голову кардонный колпакъ.

— Архидьяконъ,—закричалъ онъ,—князю земли кланяйся, поклонись, аминь.

Взялъ за бороду Шаховского у самаго подбородка, нагнулъ три раза къ себѣ, запрокинулъ его лицо, схватилъ со стола жбанъ съ водкой и сталъ лить ее князю въ разинутый ротъ.

Шаховской, булькая, пилъ. Оторвался, собачьими, стра-

дающими глазами взглянулъ на государя и снова прильнулъ. Наконецъ, колѣнки его начали дрожать часто, мелко, руки въ широкихъ рукавахъ поднялись, безсильно шевеля пальцами; тройная перцовая лилась мимо рта по стихарю.

— Будя,—прошепталъ онъ, и зашатался. Видно было, что и царю сильно ударилъ хмѣль. Бросивъ Шаховского, онъ вышелъ въ залу и крикнулъ музыкантамъ:

— Чаще, чаще.—Подхватилъ боярыню какую-то, обнялъ ея спину, притиснулъ полную, голую грудь къ грязному своему кафтану, и принялся отбивать дробь тяжелыми ботфорами, кружиться и сигать по всей залѣ, увлекая и кружа едва поспѣвающую за нимъ взмокшую боярыню—княгиню Троекурову.

Свѣтлѣйшій, тѣмъ временемъ, быстро пораскинувъ умомъ и два раза для совѣта добѣжавъ до княгинюшки, приготовилъ все, что на потребу Купидону, и ждалъ только минутки. Когда Петръ угомонился, прислонясь къ коллонѣ и вытираясь рукавомъ, Меньшиковъ подбѣжалъ на ципочкахъ и шепнулъ ему что то. Слышали, какъ Петръ воскликнулъ съ пьянымъ весельемъ:

— Ну, ну, идемъ,—и широко шагая и махая руками, прослѣдовалъ впереди свѣтлѣйшаго въ внутренніе покои.

— Свѣтлѣйшій, въ одномъ камзолѣ, придерживая руку у горла и кланяясь, провожалъ государя на крыльцѣ, благодарилъ за милость.

— Иди, иди къ гостямъ, безъ тебя уѣду,—закашлявшись отъ вѣтра проворчалъ Петръ и обсунулъ на полушубкѣ ременный поясъ. Ночь была темная, сѣкло косой изморосью. Передъ крыльцомъ надъ замерзшими колеями грязи покачивались фонари въ рукахъ конюховъ. Вдалекѣ, съ фонаремъ же, проходили человѣкъ семь въ тулупахъ—ночной караулъ, тускло поблескивая торчащими во всѣ стороны алебардами.

Свѣтлѣйшаго пришлось силой втолкнуть въ дверь, дабы притворнымъ своимъ ласканьемъ не надоѣдалъ чрезмѣрно; за окнами все еще играла музыка; свистѣлъ вѣтеръ въ обглоданной соснѣ близъ дома; роптала и билась о сваи ледяная, невидимая сейчасъ, Нева; только желтѣли на ней и качались корабельные фонари; фыркали, смутно сѣрѣя побли-

зости, выѣздныя и верховыя лошади; а Петръ все еще стоялъ на крыльцѣ, надвинувъ до бровей шапку.

Сытый и пьяный и утѣшенный всѣмъ человѣческимъ, царь точно прислушивался, какъ изъ этой сытости снова, не во время, когда спать просто надо, поднимается жадная, лихая душа, не успокоенная, голодная.

Ни какимъ виномъ не оглушить ее, ни ѣдой, ни весельемъ, ни бабьей сыростью. Ни покоя, ни отдыха. И не отъ этого ли окаянства, зиму и лѣто, скачетъ Петръ въ телѣгахъ и дилижанахъ, верхомъ и въ рогожныхъ кибиткахъ съ Азова въ Архангельскъ, съ Демидовскихъ чугунно-литейныхъ заводовъ подъ Выборгъ, въ Берлинъ, на Олонецкія цѣлебныя воды. И строитъ, приказываетъ, судитъ, казнитъ, водитъ полки, и крутится, крутится по землѣ, не насыщая голодную душу.

— Лошадь,—сказалъ Петръ. Конюха съ фонарями шарахнулись. Подъѣхала давешняя двуколка, съ рябымъ скрюченнымъ отъ холода солдатомъ... Петръ грузно влѣзъ въ сидѣнье. Застоявшійся вороной жеребецъ, смѣнившій давешняго старичка караковаго, перебирая ногами, началъ было присѣдать, подкидывать передомъ.

— Шалишь,—крикнулъ Петръ, рванулъ возжами, и стегнулъ жеребца, махнувшаго раза три въ оглобляхъ и затѣмъ размашистой, легкой рысью понесшаго валкую двуколку въ темноту. На дорогѣ испуганно посторонился ночной караулъ, и далеко въ догонку крикнулъ: „Смирно“. А потомъ солдатики шопотомъ разсказывали въ шинкѣ:

„Вотъ было страха ночью, идемъ мы—Митряй, да еще Митряй, да унтеръ Лыковъ, всего значитъ въ семяромъ, а онъ на вороной лошадищи, какъ дунетъ мимо насъ вихремъ, лошадища огромная, а самъ сидитъ, какъ копна. Развѣ человѣку мыслимо въ такомъ видѣ ѣздить, ужъ больно великъ, теменъ“.

У тайной канцеляріи Петръ бросилъ возжи, скользя и спотыкаясь, подошелъ къ воротамъ, цыкнулъ на караульныхъ: „Глаза то протри, не видишь кто...“ и, перебѣжавъ дворикъ, сильно хлопнулъ наружной дверью.

Варлаама привели и оставили съ глазу на глазъ съ государемъ. На углу стола плавалъ въ плошкѣ огонекъ. Шипѣли, съ трудомъ разгораясь, дрова въ очагѣ. Петръ, въ

шубѣ и шапкѣ, сидѣлъ глубоко въ креслѣ, облокотясь о поручни, подперевъ обѣими руками голову, словно вдругъ и смертельно уставшій. Варлаамъ, выставивъ бороду, глядѣлъ на царя.

— Кто тебѣ велѣлъ слова про меня говорить? — спросилъ Петръ не громко, почти спокойно. Варлаамъ вздохнулъ, переступилъ босыми ногами. Царь протянулъ ему раскрытую ладонь:

— На, возьми руку, пощупай, человѣкъ, не чортъ.

Варлаамъ пододвинулся, но ладони не коснулся.

— Рукъ не могу поднять, свернуты, — сказалъ онъ.

Много васъ, Варлаамъ? Скажи, пытать сейчасъ не стану, скажи такъ.

— Много.

Петръ опять помолчалъ.

— Старинныя книги читаете, двуперстнымъ крестомъ спастись хотите. Что же въ книгахъ у васъ написано? Скажи.

Варлаамъ еще пододвинулся. Запекшійся ротъ его подъ спутанными усами раскрылся нѣсколько разъ, какъ у рыбы. Онъ смолчалъ. Петръ повторилъ:

— Говори, что же ты.

И Варлаамъ, кашлянувъ, какъ передъ чтеніемъ и прикрывъ воспаленными вѣками глаза, началъ говорить о томъ, что въ книгѣ Кирилла сказано; что „во имя Симона Петра имѣетъ быть гордый князь міра сего—антихристъ“, и что на генеральномъ дворѣ у Спасителя ненарисована рука благословляющая, и у образа Пресвятыя Богородицы Младенца не написано, и что попамъ де служить на пяти просфорахъ больше не велѣно, и что скорописные новые требники, гдѣ пропущено „и Духа Святаго“, тѣ попы рвутъ и топчутъ ногами, и въ мирянахъ великая смута и прелесть, и что у графа Головкина у сына красная щека, да у Федора Чемоданова у сына жъ его пятно черное на щекѣ и на томъ пятнѣ волосы, и что такіе люди, сказано, будутъ во время антихристово.

Петръ, казалось, не слушалъ, подперевъ кулакомъ щеку. Когда Варлаамъ кончилъ и замолкъ, онъ повторилъ, нѣсколько разъ въ раздумьи:

— Не пойму, не пойму. Лихая бѣда, дѣйствительно.—

И потомъ дрогнувшимъ внезапно, ласковымъ почти голосомъ сказалъ:—такъ я ужъ антихристъ передъ тобой, Варлаамъ.

И долго глядѣлъ на разгорѣвшіяся полѣнья. Затѣмъ поднялся и стоялъ, огромный и добрый передъ Варлаамомъ, который вдругъ зашепталъ, точно смѣясь всѣмъ сморщеннымъ обтянутымъ лицомъ своимъ:

— Эхъ, ты, батюшка мой...

Тогда царь стремительно нагнулся къ нему, взялъ за уши и, словно поцѣловатъ желая, обдалъ жаркимъ табачнымъ и виннымъ дыханіемъ, глубоко заглянулъ въ глаза, проворчалъ что-то, отвернулся, глубоко надвинулъ шапку, кашлянулъ:

— Ну, Варлаамъ, видно мы не договорились до хорошаго. Завтра мучить приду. Прощай.

— Прощай, батюшка,—Варлаамъ потянулся, какъ къ родному, какъ отцу обретенному, какъ къ обреченному на еще большія муки брату своему, но Петръ, уже не оборачиваясь, пошелъ къ двери, почти заслонивъ ее всю широкой и костлявой спиной.

За воротами, взявшись за скобу двуколки и на минуту замедливъ садиться, онъ подумалъ, что день конченъ трудовой, трудный, хмѣльной, и бремя этого дня и всѣхъ дней прошедшихъ и грядущихъ свинцовой тягой легло на плечи ему, взявшему непосильную человѣку тяжесть:—одного за всѣхъ.

Алексѣй Толстой.

Н. КРАНДІЕВСКАЯ

I.

Грѣхи—поводыри слѣпыхъ.
А я недвижная, но зрячая,
И не туманитъ кровь горячая
Раздумій медленныхъ моихъ.

Что дѣлать тѣмъ, кто тишь на днѣ
Хранитъ, какъ влагу первородную,
Для грубой нивы непригодную,
Кого баюкаютъ во снѣ.

Не руки душныя любовника,
А дикая звѣзда Арктуръ,
Чей ротъ для поцѣлуя хмуръ
И горче ягоды терновника?

Прости, что я тебѣ—жена,
Что расплескала, неискусная,
Усладу, не испивъ до дна.
Что жизнь моя, такая грустная.

Просторна слишкомъ для любви...
Забудь. Не мучай. Не зови.

II.

Морозъ оледенилъ дорогу
Ты мнѣ сказалъ,—не упади,—
И шелъ заботливый и строгій,
Держа мой локоть у груди.
Собаки лаяли за рѣчкой,
И надъ деревней стылъ дымокъ,
Растянутъ въ синее колечко.
Со мною въ ногу ты не могъ
Попасть, и мы смѣялись оба.
Остановились, обнялись...
И буду помнить я до гроба,
Какъ два дыханья поднялись,
Свились и на морозѣ ровно
Теплѣло облачко двухъ душъ.
И я подумала любовно:
— И тамъ мы вмѣстѣ, милый мужъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

И. Бунинъ.
Конецъ. Разсказъ 5

Анна Ахматова.
Послѣднее письмо. Стихи 15

К. Бальмонтъ.
Оконце. Тропинки огня. Стихи 19

Ал. Вознесенскій.
Ius primae noctis. Драма 27

Александръ Блокъ.
Возмездіе. Стихи 47

Андрей Бѣлый.
Къ Антропософіи. Стихи 53

М. Горькій.
Все тоже. Повѣсть 59

В. Брюсовъ.
Вѣнокъ сонетовъ. Стихи 131

Вл. Лидинъ.
Звѣздная буря. Разсказъ 149

В. Ивановъ.
Стихи 177

Вѣра Инберъ.
Стихи 181

Ал. Толстой.
День Петра. Разсказъ 185

Н. Крандіевская.
Стихи 215

Обложка работы С. ЧЕХОНИНА.

Редакторъ Д. МАРЬЯНОВЪ.